

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЕЗД

КЕН

ЗАХВАТЫВАЕТ ДУХ, КАК ГОНКА ДИЛИЖАНСОВ.
SAN FRANCISCO CHRONICLE

КИЗИ

И КЕН БАББС

Annotation

Впервые на русском — последний роман Кена Кизи, гуру психоделики и автора одной из самых важных книг XX века — «Над кукушкиным гнездом»! В переводе Виктора Голышева, мастера, которому мы и обязаны «Кукушкой».

«Последний заезд» основан на реальных событиях 1911 года, когда в орегонском городке Пендлтон проходил Первый чемпионат мира по родео, ставший с тех пор ежегодным. Итак: «Три бессмертных всадника маячат на северо-западном горизонте — далекие, туманные, освещенные сзади столькими былями и небылицами, что их тени кажутся более вещественными, чем их силуэты». Лишь одному из них достанется инкрустированное серебром призовое седло, лишь одному — любовь королевы родео, лишь одному суждено войти в историю.

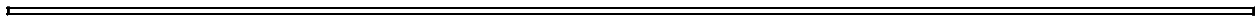

- [Кен Кизи и Кен Баббс](#)
  - [Посвящения и отказ от ответственности](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)
  - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
  - [Глава двадцатая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

Кен Кизи и Кен Баббс

Последний заезд

Посвящения и отказ от ответственности

Три бессмертных всадника маячат на северо-западном горизонте — далекие, туманные, освещенные сзади столькими былями и небылицами, что их тени кажутся более вещественными, чем их силуэты.

Почти век пыльных лет и дымных осеней пролег между нами. Газетные сообщения о тех первых состязаниях (15, 16, 17 сентября 1911 года) читаются как скособоченная помесь Джимми-Грека и Говарда Коселла ^[1] — они больше заняты цветом кожи, чем достижениями. Один из редких снимков всею трио даже раскрашен вручную, чтобы потомки лучше уяснили суть: на лицо одного наездника наложен медный индейский колер, лицо другого бело-розовое, третьего — цвета густой патоки.

В итоге мы рассудили, что лучше всего вызвать этих духов, не роясь в заплесневелых архивах, а рассматривая тени, которые пролегали через десятилетия. Какому мастерству наездников были свидетелями эти три дня, если так длинны эти тени! Какой ковбойской удали! Вот почему мы решили материализовать наших трех призрачных всадников из легенд, рассказываемых за горячим кофе у костра, а не из холодных фактов и непропеченных истин, хранящихся в библиотечных кипах.

Впервые я услышал историю от отца, когда мне было четырнадцать лет. Я ехал позади с младшим братом в нашем большом «додже ред-раме». Старый глуховатый фермер Райли, друг отца, ехал с ним рядом. Все четыре наши лицензии на отстрел антилоп были вытянуты на Специальной охотничьей лотерее, и мы направлялись в горы Очоко. Мы и не знали, что это неделя родео, пока не очутились вдруг в сплошном потоке машин среди холмистого безлюдья.

— Не может быть! — крикнул папа. — Пендлтонский сгон. Райли, ищи обезд, иначе угодим к лонгхорнам вместо антилоп.

— Не люблю лонгхорнов! — крикнул в ответ Райли.

К тому времени, когда мы выбрались из затора, солнце уже наладилось на боковую, и Райли тоже был не прочь. Папа нашел подходящую колею, и мы разбили лагерь под крутой скалой над

городом. В холодной сумке лежала мамина курица, но папа был в настроении стряпать. Мы с братом развели костер из Польши и кедровых сучьев, а он открыл и вывалил в большой железный котелок несколько банок консервов — венские сосиски, свинину с фасолью и сардины — его фирменное блюдо на природе.

— Сардинки, сосиски, бобы, — объявил он, — Небось, проголодались, быка готовы съесть?

— Да-а... быка. Говядинки бы сейчас неплохо, — заметил Райли.

Он смотрел поверх неаппетитного варева на городские огни внизу. Чертовы колеса взбаламучивали ночь.

Танцы на улицах. Жаровни с мясом пыхали жирным пламенем.

— От говядинки не отказался бы, — сказал он.

Мы с братом согласно кивнули. В надежде рассеять тоскливое затишье, повисшее над нашей стоянкой, папа стал вспоминать прошлые родео в Пендлтоне.

— Неотесанным, буйным и блохастым становится в эти дни город. Вот что вам скажу: в будущую осень привезем сюда наших дам и посмотрим все — от утреннего парада в пятницу до церемонии награждения вечером воскресенья. Как?

Мы посмотрели на праздничные огни внизу, и обещание нас не утешило.

— Райли! Ты ведь слышал о первом, а? О первом сгоне?

— Много раз.

— Ребята не слышали. Расскажи им.

— Шам рашшкажи. Говядинки у наш нет, я жубы вынул.

И отец рассказал — под треск сучьев, бульканье фасоли и беззубые подтверждения старого Райли. Увлекательную историю. Он рассказал ее еще раз через два сентября, когда исполнил свое обещание и взял нас всех, с дамами, на родео. Чудесная история. Я и не подумал бы поверить, если бы через несколько лет сам не поехал туда и не услышал ее в вигваме, полном индейцев.

Я учился на третьем курсе Орегонского университета по специальности «радио- и тележурналистика». Посреди семестра мы получили задание написать план документального сценария о городе, который считаем очень особенным. Сдать в понедельник. Я не пошел на занятия в пятницу и отправился в Пендлтон на своем «нэше-амбассадоре» — в нем спинки откидывались,

образуя бугристую кровать. Я надел черный берет и взял бурдючок с вином, чтобы люди видели, что я художник, а не турист.

После субботнего представления я сидел за деревянным столом в парке, наскоро записывая впечатления и прыскавая в рот кьянти, и вдруг заметил, что рядом остановился и мрачно смотрит на меня худой индеец. Он был в обычном костюме для родео: джинсы, сапоги, шляпа с загнутыми полями и рубашка с перламутровыми пуговицами. Все уставное, кроме перчаток. На левой руке — потертая рабочая кожаная, на правой — свежая черная лайковая. Я протянул ему бурдючок.

— Вино. Хотите попробовать?

Индеец кивнул. Он взял бурдючок потертой рабочей перчаткой, зубами вынул затычку, оставив ее висеть. Потом стал выдавливать вино себе в лицо и занимался этим, пока не промочил насквозь воротник, а бурдючок не стал плеваться воздухом.

— Пустой.

Он взял затычку в зубы, заткнул бурдюк и вернул мне. Все это время рука в черной перчатке висела вдоль тела.

— Пора наполнить, — решил я.

Он пошел за мной через парк к машине и держал бурдючок, пока я переливал в него вино из четырехлитровой бутылки. Он заметил спальный мешок на сиденьях.

— Возьми свои мешки, можешь спать у нас в палатке. Я понесу бутылку. Меня зовут Дэвид Крепко Спящий. Зови меня Дейвом.

Так я впервые попал в вигвам. Впервые отведал горячего жареного хлеба с медом, впервые соприкоснулся с холодным, насмешливым индейским юмором.

Когда мой хозяин стащил с себя мокрую рубашку, я увидел, что правой руки у него нет. К плечу была пристегнута деревянная конечность в грубой сосновой коре. Ошкурены и выструганы были только кисть и запястье. Он увидел, что я уставился на грубый протез.

— Я уснул на железнодорожных путях в Уолла-Уолла. Очнулся — правой руки нет. Повезло, однако. Я левша.

Я мог представить себе другие варианты везения, но не решился о них говорить. Спросил только, почему он не снял

остальную кору. Дейв поднял деревянную руку другой рукой и любовно посмотрел на нее.

— Сук не сохнет и не трескается.

Позже ночью, когда лагерь затих и кьянти кончилось, Дейв угостил меня рассказом своего деда о том знаменитом первом родео и трех его легендарных финалистах. Дедова версия была очень похожа на версию моего отца. И даже прозвучала величественнее в мерцающем свете вигвама. Чудеснее... Сильнее!

Поэтому наши благодарности и посвящения мы начинаем с Дэвида Крепко Спящего. Он ввел меня в свой волшебный круг и поделился его дивами. А мне оставалось поделиться только вином.

Затем я хочу поблагодарить Леса Хейгена, мир его грешному праху, и его родных. Лес доказал, что хороший игрок в покер никогда не сопьется до того, чтобы перестать выигрывать.

И семью Роя, который лелеял лилию культуры в краю дурнишника.

И Маккормаков с их земной мудростью. «Шут возьми, ты во что-то вступил. Но это просто трава, которая прошла через корову».

И Билла Сивира, и Марти Вуда, и Кендалла Эрли.

И Мишеля Макмайндс, и Дейва Уэбба, и Дуга Минторна.

И бар «Рейнбоу» и «Киммиётиз».

И конечно, моего старого друга и трейл-босса [\[2\]](#) Кена Баббса.

И наконец, город Пендлтон. Если мы исказили факты в нашей повести, то искренне раскаиваемся и оправдываемся тем, что:

Короткая история-огрызок тут не годится.

Кен Кизи

С Майком Хейгеном и Кеном Кизи я познакомился в 1958 году в Пало-Альто и Стэнфорде. Они без конца трубили о великолепии Пендлтонского родео. Сам я причастился его только в 1972-м. Наша компания облачилась в джинсы, сапоги, рубашки с перламутровыми пуговицами и стетсоны и поехала вверх по ущелью Колумбии, чтобы влиться в толпы, заполонившие

обтянутые веревками улицы Пендлтона.

Мы пробились сквозь толпу к окраине города, где обитало семейство Хейген. Мы оставили свои сумки и свернутые постели в бараке для работников и отправились на кухню, где отец Майка Лес Хейген командовал круглосуточным покером, а его жена Джанет командовала у массивной шестиконфорочной газовой плиты с двумя духовками.

Лес отобрал у нас все деньги, чтобы пополнять на них шкаф с бутылками. Джанет кормила пельменями с соусом и пила горячим кофе, чтобы поддерживать в нас энергию. Энергии требовалось много. В полдень мы направлялись к арене. К великолепному скопищу ковбоев, индейцев, быководов-йцедробителей и мустангов-спиномов. В конце концов, один из распорядителей спросил, есть ли у нас какие-нибудь дела в коридорах ^[3]. Мы признались, что нет. «Тогда не путайтесь под ногами. Если интересуетесь местным колоритом, ступайте в салун "Пусть брыкается"».

Зал под трибунами был набит битком — плечо к плечу, живот к задку. Местного колорита больше, чем я мог переварить. В поисках воздуха я обследовал соседние помещения. Их стены были увешаны фотографиями родео, начиная с первого, 1911 года, до наших дней. Чудесная история запечатлелась в этих исчезнувших лицах — как фургонные колеи в полынной степи.

Пока мы работали над этой книгой, история в наглядном виде продолжала к нам поступать. От Полли Хелм, уроженки Пендлтона, мы получили пачку открыток. Эти картинки иллюстрировали роль женщин в прежних родео. Полли называет свою коллекцию «Она мой герой» и великодушно позволила нам использовать любые фотографии. Джини Мёрфи, подбиравшая для нас иллюстративный материал, связалась с Уэйном Лоу и Маттом Джонсоном в Пендлтоне — у обоих были большие коллекции фотографий родео. Последняя партия пришла из собрания Мурхауса в библиотеке Орегонского университета — опять-таки заботами Джини Мёрфи.

С глубокой благодарностью ко всем этим людям за их вклад и с неоценимой помощью Главного объездчика слов Дэвида Станфорда ^[4] я принялся отбирать из сотен фотографий те, которые потом вошли в эту книгу. Я также в долгу перед

Чарльзом Фёрлонгом за информацию, использованную в подписях к фотографиям, которую я свободно черпал в его книге 1917 года «Пусть брыкается».

Кен Баббс

Глава первая

Ошалев от возмущения и виски

Началось с твоей фотографии на первой странице спортивного раздела «Орегониан». Я наткнулся на нее в воскресенье в читальне Портлендской публичной библиотеки. Тебя одели так, чтобы был похож на него, и репортеры всё старались проводить между вами сравнения... Тут я и начал копаться в былом. Но с тревогой почувствовал, что когда-то яркие мои воспоминания потускнели. Я почти не мог в них разобраться. И подумал: сорваться что ли, купить билет на автобус и самому заняться сравнениями? Давай, старик, сказал я себе — Пендлтонское родео, первый раз за два десятка лет. Пусть брыкается!

Вот почему я очутился в этом проклятом салуне «Пусть брыкается». Он всегда был мне не по вкусу, даже когда я участвовал в состязаниях. Мне не нравилась публика, особенно шумная публика, но это было единственное место, где я наверняка мог найти фото, чтобы сравнить его с картинкой из «Орегониан». Это редкий его снимок без шляпы, сделанный в ту минуту, когда он получал призовое седло Первого мирового чемпионата, который он якобы выиграл. Оригинал хранится в витрине вместе с тем самым мустангом, на котором он якобы сидел в том знаменитом последнем заезде. Когда конь сдох, горожане отвезли его к таксидермисту и сделали чучело.

Тогда-то я и с индейцами связался.

Я собирался посетить «Пусть брыкается» позже, а сначала посмотреть сегодняшние соревнования — но все билеты были распроданы. Кассирша с нескрываемой гордостью сообщила: «Мы набиты под завязку. В этом году "Мир спорта" ведет прямую трансляцию». И закрыла у меня перед носом окошко. Это после того, как я два часа простоял в очереди под палящим солнцем, а в животе ничего, кроме вчерашней тушеной грудинки с пюре, и пересохшее горло нечем смочить, кроме стаканчика струганого льда с розовым сиропом. Так что все указывало на салун «Пусть брыкается» тут же под трибунами.

Зал был набит плотнее брикета с сеном — плечо к плечу, живот к животу, от стены до стены. Все хлебали и кричали во всю глотку. Полные стаканы ездили по стойке, обратно ездили пустые и доллары. И никакого льда, хотя жарко, как в бане. Единственным, что мешало помещению

взорваться как перегретому котлу, был очастый помощник шерифа, расположившийся на помосте у конца стойки. Его глаза походили на пару латунных манометров. Слава богу, мой рост позволял мне немножко возвышаться над этим. Над колышущимся морем ковбойских шляп я видел седло и чучело лошади. И взял курс на них.

В море шляп виднелся небольшой островок возле стойки. Протиснувшись поближе, я увидел, что это кучка индейцев, человек пять-шесть, с непокрытыми головами. Все в одинаковых футболках и все одинаково мрачные. На футболках от плеча до плеча было напечатано слово ВЫЖИВЕМ. Они не пили, и я заключил, что этим и объясняется мрачность. Я знаю, каково это. Я крикнул в их печальный кружок, что буду признателен, если они позволят ветерану угостить их в память о былых временах. Они подняли ко мне головы, и мрачность сменилась любопытством при виде этого ископаемого. Но раньше, чем они успели ответить, ударил колокол.

— Подумать только, — удивился я, — У них до сих пор этот старый колокол-лифчик. Ура традиции.

Две девицы-болельщицы, одетые ковбоями, взобрались на стойку. Та, что повыше, соловая блондинка, с пьяной решимостью трясет веревку колокола. Она спиной к нам, но по тому, как вылезли из джинсов полы рубашки, понятно, что рубашка расстегнута. Наконец бармену удастся отнять у нее веревку.

— Хорош, красавица. Тебя заметили — приступай.

Галдеж стихает — все смотрят, как она стаскивает с себя рубашку. Потом заводит руки за спину, расстегивает бюстгальтер и отдает бармену. Он накидывает его на бельевую веревку, рядом с сотнями других.

— Какой размер? — спрашивает он, подойдя к четырем кипам сложенных футболок.

Она выгибает спину и хвастает:

— Экс-эль.

— Я бы сказал, средний, и то еле-еле, — высказывается он без галантности и вручает ей футболку с надписью.

Она делает пируэт, подняв над головой свой приз с шелкографией: ПУСТЬ МОИ ВИСЯТ НА ВОЛЕ В «ПУСТЬ БРЫКАЕТСЯ»!

Народ оглядывает ее и соглашается с барменом: «Срее-едний!» — и снова принимается пить и орать. Я удивляюсь: куда подевалось ковбойское рыцарство? — и тут кто-то тычет меня в бок. Это индеец протягивает мне полный стакан бурбона с водой. И в краснокожем кружке все, по-прежнему без шляп, тоже держат стаканы. А некоторые ловкачи — по два. Я поднял

стакан в знак благодарности и подумал: а с другой стороны, не странно ли, что выживание и рыцарство так часто являются вместе? Рука об руку, щека к щеке, пузо к пузу?

Я оставил индейцев, и, пока протискивался сквозь толпу к витрине, колокол зазвонил в честь пухлой маленькой подруги блондинки. Запыхавшись от усилий, я наклоняюсь к витрине. Ветхая лошадь — наглядное объяснение того, почему таксидермия вышла из моды. Седло растрескалось от сухости и покоробилось. Я озираюсь в поисках фотографии и вижу в стекле призрачное отражение лица, такого же растрескавшегося и покоробленного от времени, как старое седло и лошадиное чучело.

Колокол перестал звонить, и я слышу, что у стойки начинается какой-то скандал насчет несовершеннолетних девиц и неоплаченной выпивки, но не придаю ему значения. Отдуваюсь в духоте, гляжу на отражение и с трудом могу поверить, что этот костлявый незнакомец — я. Все из-за новых электрических бритв. Тебе не нужно стоять перед зеркалом. Можно косить усы, читая утреннюю газету за кружкой кофе, и не замечать, как сохнет и щербится старая морда. Я продолжаю глазеть, и вдруг рука в перчатке выдергивает меня из забвения.

— И вы, дедушка. Я вывожу вас отсюда, вместе с малолетними и несостоятельными.

Это помощник шерифа и пара помощников помощника. Они продвигают к боковой двери двух девиц и полудюжину индейцев. Он собирается присоединить меня к их стаду.

— Минуточку, черт возьми, — запротестовал я. — У меня есть деньги, и лет мне достаточно.

— Достаточно, чтобы затоптали. И если есть деньги, почему не заплатили за виски. Посмотрите на себя — дышите, как ящерица. Сидели бы лучше в тенишке на трибуне с остальными туристами.

— С туристами? — возмутился я. — Ты назвал меня туристом? — Я не стал объяснять, что выпивкой меня угостили, а места на трибунах распроданы, — Я часть истории вашего чертова города! Кое-кто в Пендлтоне еще знает имя Джонатана Спейна.

— Очень может быть, дедуля, но я не из них. Приканчивай свою халаву и шагай отсюда. Если кого из вас еще здесь увижу, точно попадете в историю.

Потом я очутился на улице и брел под палящим солнцем, обалдев от виски и возмущения. Наверное, вид у меня был нехороший, потому что мои изгнанные соотечественники хотели доставить меня куда-нибудь в

сохранности. Девушки хотели отвезти в больницу. Индейцы — накормить у себя в лагере, где стояли их вигвамы. Я предпочел индейцев. Сказал девушкам, что тронут их заботой, но в пендлтонской больнице достаточно пожил в тот год, когда запутавшееся лассо вырвало мне руку, и побывать там еще раз я не намерен, спасибо. Посмотрите лучше, как со всеми нами обошлись. Это будет вам уроком.

Мой индейский эскорт состоит, оказывается, из представителей разных племен со всей страны. Они познакомились в тюрьме Дакоты после большой протестной сходки. И с тех пор собираются каждую осень. На животах их красных футболок со словом «ВЫЖИВЕМ» были напечатаны их клички. Тот, который подал мне дармовой бурбон, зовется Чинёным Коленом. Самый светлокожий — дядя Томагавк. Самый темный — Номер Девять, по песне Роджера Миллера ^[5]. Номер Девять местный, как и малолетние девушки.

Они ведут меня через парк на свою стоянку. Девушки суетятся, в пьяном беспокойстве о моем здоровье. Соловая блондинка даже предлагает мне свой билет, если я позволю отвезти себя к врачу. «Мой отец забронировал лучшие места на трибуне». Номер Девять готов спорить, что у Выживающих лучше. Говорит, что у них отдельная кабина с многоканальным телевидением. Девушки говорят, что должны это увидеть, и мы идем через ворота, мимо зигзагом расставленных вигвамов, к наблюдательному пункту, туда, где сетчатая ограда отгораживает индейскую стоянку от дороги, подводящей к коридорам. Более жаркого и пыльного места они найти не могли.

У них действительно много экранов, хотя не совсем кабина. Вплотную к ограде стоит большой телевизионный трейлер «Мира спорта», и его задняя дверь полностью открыта ради ветерка с реки. Выживающие натырили основательную пирамиду сена и протянули к ее макушке черный пластик. Получилась тенистая пещерка, и мы можем видеть сквозь сетку всю работу телевизионщиков. Девушки соглашаются, что место удачное. Пухленькая достает из сумки поллитровку текилы, Чинёное Колено вытаскивает из сена арахис и лимоны, и мы рассаживаемся поудобнее. Люди в трейлере обращают на нас внимания не больше, чем если бы мы были курами на насесте.

На мониторах мы видим происходящее на арене с разных точек и слышим голос диктора. По телевидению он доносится до нас на добрых полторы секунды раньше, чем по воздуху из громкоговорителей. «Женские скачки, друзья... и похоже, миленькая...» — и тут же эхом с арены: «ЖЕНСКИЕ СКАЧКИ, ДРУЗЬЯ... ПОХОЖЕ, МИЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА В

ГОЛУБОЙ ШЛЯПЕ УЛЕТАЕТ С ГОЛУБОЙ ЛЕНТОЙ».

— Да, но не очень высоко в плане рейтинга, — слышится из трейлера, — Скучно, не увлекательно, — Это говорит женщина с острым подбородком. Она сидит во вращающемся кресле.

— Традиция, — говорит помощник, вьющийся у нее за спиной; у него мешки под глазами и мешковатый велюровый свитер, — Женские скачки у них с самого первого родео.

— Традиционное это еще не телевизионное, — сообщает она ему, — У нас нет ничего поживее?

Он смотрит в блокнот.

— Следующий номер — езда на быке. Самый забойный. И смотрите-ка. Первым — наш удалец из Уоттса.

— Этот нахальный коротыш с пресс-конференции?

— Он самый. В роскошной красной шляпе. Возьмем его ручной камерой.

— Лучше нахальный, чем скучный. Давай, — Она поворачивается к микрофону. — Феликс? Держи мне черного наездника.

Это заставляет меня присмотреться внимательнее. Может быть, все-таки придется сравнивать лица.

— Возьми ручной, Феликс. Мне нужен крупно молодец из Уоттса. Он будет выходить из коридора номер...

Диктор подсказывает ей:

— А теперь в коридоре номер два на бычке Колыбельный братьев Кристенсен лошадка совсем другой... э-э... *породы*. Впрочем, друзья, любой завзятый любитель родео знает, о ком я говорю: Дрю Вашингтон. Один из популярнейших молодых ковбоев, прирожденный чемпион, если я что-нибудь в этом смысле. В прошлом году Дрю занял второе место, сегодня после двух дней он идет первым с большим отрывом. Единственное, что ему нужно сейчас, — усидеть до конца. Никаких трюков. Если он продержится до колокола, то не только будет первым — он будет первым представителем своей расы, завоевавшим призовое седло, после бессмертного черного ковбоя, победителя первого Пендлтонского родео.

Тут я вскочил как ошпаренный:

— Придержи коней! Джордж Флетчер на нем не победил!

Оператор занял позицию у второго коридора, но между досками мы видим только ступню наездника. На ней потрепанная кроссовка со шпорой, примотанной к резиновой пятке. Изображение колеблется и подпрыгивает в щели между досками.

— Похоже, Дрю трудновато держаться на старине Колыбельном, даже в кроссовках. Что ты сказал, Тайфун? — Он ведет разговор с клоуном ^[6] на арене, — Спрашиваешь, почему столько наших ковбоев стали носить кроссовки вместо сапог? Я не знаю ответа. Может, ты мне скажешь, Тай? А, понял: чтобы их не путали с дальнобойщиками.

Публика стонет.

— Хорошо, Тайфун, вот тебе задача. Можешь сказать, у кого Флетчер выиграл призовое седло. Правильно. У Джексона Сандауна, бессмертного Красного Всадника, индейца нез-персэ. Впоследствии Джексон Сандаун... Смотрите! Вот он выбежал. Взрывной бык, короткий запал. Держись, ковбой!

Бык вылетел из коридора, шляпа наездника заполняет экран, бешено подпрыгивая. Я прильнул к сетчатой изгороди, но вижу только неясное мелькание этой пурпурной шляпы, сдвинутой набекрень, и под ней — дерзкую улыбку. Но гибок, я вижу. До поры ты был гибок, как дым.

— На третью! — шипит начальница в микрофон, — Третья камера, фокус! Мне надо больше лица! Дай больше лица и фокус!

Камера с другой стороны арены берет наездника крупным планом. Диктор не умолкает.

— Злой бык, крепкий всадник. *Иихоу!* Дрю Вашингтон из Уоттса, леди и джентльмены, козырной туз, прирожденный чемпион! И вот колокол! Он удержался, друзья! Он победил! Впервые за полвека с лишним мы, кажется, получили... надеюсь, вы понимаете, друзья, что я не имею в виду абсолютно ничего оскорбительного, — просто таким именем наградила его история... — И мы слышим дважды, сперва из трейлера, а потом из громкоговорителей на арене: — Второго НИГЕРА ДЖОРДЖА ФЛЕТЧЕРА!

И тут я увидел, как гибкость тебе изменяет, — увидел даже на этих маленьких телеэкранах.

— Абсолютный чемпион этого года, обладатель главного...

Тысячеголосый вздох толпы, и ликование диктора сменяется ужасом.

— Не может быть! Он повис. Повис! Давай же, Дрю. О боже, его прижало, головой назад.

Экраны показывают все в подробностях, с разных точек: как жесткую перчатку захлестнула веревка и прижала поперек тела... как рука в локте согнута под неестественным углом... как бьется голова о широкий бок быка, сильно, раз за разом. Лихая шляпа отлетает, и открылось детское лицо, искаженное болью и страхом. Наш чемпион — всего лишь мальчик, тощий паренек, и болтается, как тряпичная кукла. На выручку бросаются клоуны, потом верховые помощники. Только четырем лассо удается

остановить быка, чтобы высвободить руку из-под веревки. Потом сирена и мигающий свет. Пока медики осматривают повреждения, телевизор показывает замедленные повторы. Диктор сообщает подробности.

— Вот когда это произошло. Наездник — левша и почему-то спешивается слева... и его прижимает к левому боку животного, спиной. Вот! О! О боже! Бык подбрасывает его... и опять!.. Колыбельный, один из самых ярых быков во всем родео... О боже мой...

Самых ярых во всем родео, о боже, о боже мой. Я был рад, что под руками ограда. От сирен, от замедленных повторов у меня помутилось в голове. Надо было старой кляче пить крепкий виски под жарким солнцем и на пустой желудок? Нет, не надо было. Я понимал, что надо сесть и успокоиться, но хотел увидеть. Больше лица, как режиссерша. И когда с воем в пыли выехала «скорая помощь», я, как идиот, побрел за ней вдоль изгороди. Не знаю, чего я хотел — остановить ее, повернуть в другую сторону? Знаю только, что совсем не хотел оказаться через несколько минут в такой же, под завывание сирены. И в итоге — снова в проклятой пендлтонской больнице, на обследовании, вслед за тобой... снова в прошлом, с вереницей мыслей о нем: пар... свисток паровоза, назад по ржавым рельсам памяти.

Глава вторая

Сюрприз

Паровозный этот свисток был давно, чуть ли не, черт его, в другом веке. До всякой Второй мировой и Первой мировой, и подавно до «Мира спорта». Впервые кто-то из нашей семьи пересек линию Мейсона — Диксона ^[7], а тем более забрался так далеко на север, и я гордился тем, что этот кто-то я, младший сын, семнадцатилетний, ясноглазый, как младенец, и почти такой же наивный.

Этот новый мир я наблюдал через щель между досками в открытом скотском вагоне. Путешествовал я без роскоши, но устроился с удобствами. Тощий зад мой покоился на свежей соломе, голова — на седле. Я лежал босиком и с удовольствием шевелил грязными пальцами ног в воздухе, насыщенном золой. За многокилометровый путь у меня все перепачкалось золой, кроме сапог. О сапогах была особая забота, их защищали от золы и ветра ящики и брезент. Они сияли, несмотря на зольный ветродуй. На голенищах спереди был вытиснен конфедератский флаг, они сияли от многократных чисток. Время от времени я и здесь их протирал. До Пендлтона оставалась еще ночь езды, и я хотел выступить там в блестящих.

Паровоз снова свистнул, и между досок я увидел, по какому случаю он свистит.

— Антилопы, Стони! Вилорогие антилопы! Посмотри, как бегут!

Рядом со мной стоял мой конь Стоунуолл ^[8]. Он широко расставил ноги из-за качки вагона и смотрел поверх последней доски, заложив назад уши. Стоунуолл был большой серый мерин, шестнадцати ладоней ^[9] ростом — в самый раз для такого долговязого всадника, как я. Нрава капризного и подозрительного, но надежный на длинных перегонах — даже по железной дороге. Мы выросли и сдружились в Теннесси.

— Эй вы, попутчики! — крикнул я в переднюю часть вагона. — Видите их? Настоящие антилопы...

В другом конце вагона равнодушно стояли голубой подсвинок и лягливая лошадь. Видная пара, надо сказать. Свинья была вся разукрашена серебряными звездами, а лошадь — ярко-зелеными трилистниками клевера. Тоже ехали на большое представление. Заслуженные артисты.

Впереди загрохотало. Поезд с грохотом мчался по мосту над ущельем. Мне пришлось подтянуться на верхней доске, чтобы увидеть реку внизу.

Она была далеко — узкая голубая ленточка в глубокой расселине. Когда проехали мост, я убрался с ветра и в сотый раз вынул из кармана рубахи афишку.

Экстренный * На Родео *

* Поездка в современном поезде

* Подлинная кухня Фронтيرا^[10]

+ Салон-вагоны + Танцы + Азартные игры

Середину афиши занимала карта с маршрутом экстренного: ДЕНВЕР — ПЕНДЛТОН. Я провел по нему пальцем до реки.

— Господа. — Я улыбнулся моим спутникам. — Мы только что пересекли Снейк-ривер. Теперь мы в штате О-ре-гон. Вы рады?

Звездная свинья хрюкнула по-прежнему равнодушно, а клеверная лошадь в ответ лягнула ящик. Я пожал плечами:

— Ну что ж. На всех не угодишь.

Я смотрел на пейзаж, пока не село солнце, потом ушел с холодного ветра, проникавшего сквозь щели. Собрал дощечки разбитого лошадьё ящика и на большой сковороде развел костерок. Из сумки с провизией вытащил громадный ямс ^[11]. Несколько недель назад я заехал на ферму к двоюродной бабке, и она дала мне кроме стеклянной банки с желтым самогоном кучу ямса. «Возьми, — велела она, — Вся эта ерунда в твоём мешке кончится, а он останется». Она была права. Кофе, кукурузные булочки, сыр и рыбные консервы ушли быстро, яблоки я доел черт-те сколько километров назад. Денег у меня хватало, и кувшин оставался непочатым, но маршрут наш со Стоунуоллом пролегал в стороне от магазинов и повода выпить не давал. Вот уже несколько дней мы питались ямсом — эта картофелина была последней и самой крупной. Я заточил обломок дощечки ножом и насадил на нее картофелину. Стоунуолл наклонился и понюхал.

— Терпение, сэр, — сказал я нюхальщику.

Я знал, что он может съесть свою порцию сырой, но как церемонный южанин заставил его подождать, когда ужин подадут всем.

Я пристроил вертел над огнем, положил голову на седло и посмотрел на звезды. Долог путь от Теннесси. Как я уже сказал, я был младшим из братьев Спейн и младшим в семье, не считая сестренки. Только с ней мы и были близки. К тому времени, когда мне исполнилось десять, а ей восемь, наши братья разъехались, отправились кто куда, бродяги. Но не дальше Нового Орлеана, Галвестона и других таких городов — словом, все на юг. Я

говорил сестре, что, когда уйду из дома, придумаю, ей-богу, кое-что получше. Поклялся, что на север поеду и буду странствовать, пока не доберусь до настоящей границы, если такая еще осталась в нашей, почти оседлой уже стране.

— Далекий путь, сестренка, — сказал я, улыбаясь этим северным звездам, гордый, как лягушка, съевшая светляка.

Поезд пыхтел, одолевая крутой подъем. Веки у меня отяжелели, звезды померцали, погасли. Я уже задремывал, как вдруг, ниоткуда, послышался будто бы приближающийся гром. Но между мной и звездами не было ни облачка! Гром все приближался и приближался сзади и сменился пронзительным ржанием. Только я хотел посмотреть в ту сторону, как в звездном небе прямо над моей головой пронеслось большое растрепанное черное тело. Оно с грохотом приземлилось в неосвещенной передней части вагона и затормозило со стуком, обратив в бегство свинью и лошадь. Я приподнялся на локтях, и в это время сзади снова застучали копыта и надо мной пронеслась вторая тень. Тень со стуком затормозила рядом с первой. Обе развернулись и надвинулись на меня из темноты. Я схватил палку с ямсом и, как штык, выставил навстречу громоздкой паре.

Мое смешное оружие как будто произвело впечатление на всадников. Они спешили и подошли к костру, пристально разглядывая клубень, насаженный на его конец. Один был индеец, худой, прямой, тонкогубый, в шляпе с прямыми полями, и глядел мрачно. Сапоги на нем были индейского типа с мягким верхом, изношенные почти до смерти. Он задумчиво водил по щеке странной монетой. Второй был черный и так же весел, как первый угрюм. Шляпа на нем была настолько старой и бесформенной, что невозможно было угадать ее первоначальный вид. Я ждал, что они предпримут. Индеец сдвинул шляпу на затылок, и я увидел, что глаза у него дико блестят и в них ни капли страха. Они были — голодные.

— Хороший ямс, — сказал он.

Черный наездник кивнул:

— Несомненно. А не согласится ли наш благородный молодой громобой разыграть его в картишки?

Глава третья

Настоящий десятицентовый вестерн

Не много времени понадобилось, чтобы разглядеть, какая странная пара вклинилась в мою жизнь. Даже самый неопытный глаз узнал бы в них настоящих бывалых молодцов из десятицентовых вестернов [\[12\]](#). Черный был меньше ростом, но возмещал это зубами: они сияли не хуже луны, плясавшей со звездами за его плечом. Себя он представил как мистера Флетчера, но зови меня просто Джорджем, а своего молчаливого товарища — как мистера Джексона Сандауна.

— Можешь звать его Джек-На-Закате или Сонный Джек, все равно как, — индейцы все время меняют имя.

Я прикинул, что мистер Флетчер сантиметров на пятнадцать ниже меня и раза в три старше. Трудно сказать, что выдавало его возраст. Лицо у него было младенчески гладкое, а глаза плясали, как бесенята, у которых вообще нет возраста. У него как будто все плясало — от черт лица до ног в сапогах. Он ни секунды не мог находиться в покое, и казалось, он пляшет под скрипку, а скрипка — его рот.

— Конечно, мы поняли, что поезд едет на родео, — говорил он. — По эту сторону Скалистых гор все туда едут. Ты тут сзади сидишь, сынок, с поддельной ирландской лошадкой и звездно-полосатой хрюшкой. И не представляешь себе, какие у них там впереди развлечения! Подержи мне зеркало, будь другом. Я немного припомажусь.

Он вылез из пыльной рабочей одежды и достал из седельной сумки парадную. Расфрантившись, как павлин, он занялся своей седоватой прической. Я держал зеркало.

У индейца был свой выходной наряд — строгая тройка и крахмальная белая рубашка. По его морщинам я понял, что он даже старше Флетчера. Он был такой же узкобедрый, но прямой и негнувшийся, как палка. Глаза у него блестели так же, как у его черного товарища, но они не плясали. Они не моргали даже. Они сверлили, как пара закаленных сверл. Его блестящие волосы были заплетены в косы с обеих сторон и сплетены вместе под подбородком наподобие галстука. Конец этой двойной косы он пытался продеть в золотой самородок с дырочками. Видимо, одна из них была сквозная.

— Дай мне этого жира, — сказал он.

— Ну, конечно, Закатный. — Джордж бросил ему на ладонь шматок помады и подмигнул мне. — Я ничего не пожалею, лишь бы подсластить кислое личико мистера Джексона.

Индеец смазал помадой растрепанный кончик косы, а Джордж продолжал болтать.

— Слышишь, в этом поезде пропасть возможностей, если кто готов за ними слазить и в состоянии поиграть. Ты как думаешь, ты в состоянии? — спросил он меня.

— Я в состоянии.

Настроение у меня было бесшабашное. Прикончив вместе со мной последний ямс бабушки Рут, они сразу принялись за ее самогон.

— Только покажите мне, куда лезть.

— Ты сперва обуйся, — Он кивнул на мои грязные ноги, — Нас там ждет высшее общество.

Я сел, надел носки, потом достал из укрытия сапоги. Оба спутника выпучили глаза. Впервые с тех пор, как они вскочили на поезд, Джордж Флетчер, кажется, не нашел слов. Заговорил в конце концов индеец:

— Сколько они стоят, твои сапоги?

— Точно не могу сказать, мистер Джексон. Отец купил их в Нашвилле мне на шестнадцатилетие. Знаю только, что не отдам их ни за какие деньги.

Это заявление вывело Джорджа из транса.

— В Нашвилле? В Нашвилле, Теннесси? Я знал одного коновала из Нашвилла. Ветеринар никудышный, но такого франта ты в жизни не видел. Выходил принимать жеребенка разряженный, как плантатор. Но таких, как на тебе, роскошных, даже у него не было. Мм. Нет, Джордж постарается не выглядеть чучелом рядом с вами, франтами. Будь добр, протяни мне вон ту коробку.

Я достал из-за его ветхого седла круглую коробку. Он отстегнул крышку и вынул стетсон с высокой тульей, цвета свежего масла. Теперь я выпучил глаза. Он крутанул ее на пальце и улыбнулся мне.

— Ты когда-нибудь по верхотуре бегал, мистер Нашвилл? Не думаю. Но лучше этого поезда не найдешь, чтобы поучиться, и луны такой, чтобы освещать дорогу. Только смотри, куда ставишь ногу, и делай, как я, тогда все будет в порядке.

Он надел стетсон и затянул шнурок под подбородком.

Я тоже надел шляпу и заправил шнурок. Индеец поднял свою косу на макушку и нахлобучил шляпу с плоскими полями.

— Осторожней по лестницам, — хмуро посоветовал он, — Ржавчина хорошую кожу испортит.

Приятно было знать, что мои новые друзья заботятся о моих ногах и моей обуви. Оказалось, что ржавые лестницы для меня не самое сложное. Я перешел по сцепу, влез на крышу товарного вагона и только тут почувствовал, как это высоко. Луна хорошо освещала дорогу, но уверенности мне не придавала. Я старался не обращать внимания на каменистый ландшафт, проносящийся мимо, и сосредоточиться на том, куда ставлю ногу. Когда я дошел до гремющего проема между вагонами, он показался мне глубоким, как ущелье Снейк-ривер. Джордж и Сандаун прыгнули, не задумываясь, и приземлились в золотых всплесках. Когда золото опало, я увидел, что они стоят по пояс в полувагоне пшеницы. Они поманили меня, и я знаком показал им, что прыгну, только наберусь сейчас храбрости. Пока я набирался, паровоз дал свисток.

— Прыгай, Нашвилл, — крикнул Джордж, — Давай! Сейчас же!

Худое лицо его друга было повернуто навстречу летящей саже.

Паровоз снова засвистел, и они оба легли в пшенице. Впереди под колесами снова загремел рамочный мост, более короткий, чем над Снейк-ривер, и гораздо ниже! Считанные сантиметры между трубой и поперечной балкой! Я глубоко вздохнул и прыгнул — за мгновение до того, как над нами пронеслась балка. Пшеница забила в рот, заткнула ноздри. Я сел, отплевываясь, но они тут же повалили меня. Мы лежали навзничь и смотрели на пролетающие балки. Когда мост кончился, Джордж сел и улыбнулся мне.

— Какой-то у него пасмурный вид, а, Джек? — сказал он. — Может, пшеница ему в нос набилась?

Индеец сел с другой стороны от меня.

— У них там ямс растет. Может, он не привык к пшенице.

Наверное, он пошутил, но на лице не было и тени улыбки. Казалось, он напрочь лишен чувства юмора.

Мы проползли по пшенице вперед и перепрыгнули на крытый вагон. После пережитого страха это далось легко. Дальше была платформа с каким-то громоздким предметом, запеленутым в брезент, величиной с какую-то из этих новых сельскохозяйственных машин, которые работали на бензине. Мы спустились туда, присели у непонятного предмета и стали выгребать зерна из манжет и других щелей. Джорджа Флетчера одолело любопытство. Он отвязал угол брезента, заглянул внутрь и тихо свистнул. Затем аккуратно привязал брезент.

— Что там? — спросил я. — Комбайн?

Он помотал головой.

— Нет, если только мистер Ролле и мистер Ройс не занялись

сельскохозяйственной техникой. Я же говорю, в этом поезде полно призов. Поднимайся, Джек! Время уходит.

Следующий вагон был украшен закопченной красно-бело-синей тканью, цветов государственного флага. Мы запрыгнули в маленький тамбур. За дверью слышались громкие голоса и смех — они немного пугали. Я рылся за поясом, вытаскивал зерна.

— Чувствую себя как мякина, — прошептал я.

— А я себя чувствую как картежник на миссисипском пароходе, — похвастался Джордж. — Как родное дитя фортуны, — Но сказано это было шепотом, так что не я один робел, — Джек, мумбо-юмбо твое при тебе?

Индеец, нагнув голову, заглядывал в окошко двери. Не обернувшись, он запустил палец в часовой кармашек жилета и вытащил странную монету. Она была большая, тяжелая, медная. Он потерял ее о подбородок.

— Что это? — спросил я. Тоже шепотом.

— Это важный амулет мистера Джексона, — сказал Джордж. — Цент с головой индейца — с Всемирной ярмарки тысяча девятьсот четвертого года в Сент-Луисе. Бюро по телам индейцев отправило его в Сент-Луис — бесплатно!

— Я последний живой родственник вождя Джозефа [\[13\]](#), — сказал индеец. — Сын его брата.

— Да, мистер Джексон, как он говорит, — законный наследник трона нез-персэ. Если бы у них был трон, хи-хи-хи. Расскажи парню про монету, ваше величество.

Индеец отвернулся от окошка и осмотрел меня с ног до головы — достоин ли я. Потом изобразил, как засовывает медную монету в щель.

— Там была машина. Со щелкой сверху, вроде копилки. Туда суешь двадцать пять маленьких центов, а оттуда...

Он перестал засовывать, и медная монета скрылась между медными пальцами, исчезла, но не картинно, как у фокусника, а естественно, как рак уползает в ил. Индеец дернул воображаемый рычаг, и монета возникла на другой ладони.

— ...выпадает один большой. В двадцать пять раз счастливее.

— Индейская арифметика, — пояснил Джордж. — Мы цивилизованные люди, мы понимаем, что так не бывает. С другой стороны, знаем, что так может быть. Лично я однажды целое Рождество играл в орлянку против этого чертова centa — и не выиграл ни разу.

Я посмотрел на них с сомнением.

— То есть в среднем, ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать — ни одного броска! Орел, решка, не угадал —

проиграл. Этот чертов медяк никогда не проигрывает.

— Никогда? Это невозможно.

На лице у индейца мелькнуло что-то отдаленно похожее на тень улыбки.

— Хочешь поспорить?

— Поспорить? На что?

— На мой золотой самородок — что из двадцати пяти раз не угадаешь ни разу, — Большим пальцем он щелкнул ко мне монету, — Подбрасываешь ты.

Я поймал монету одной рукой и шлепнул на тыльную сторону ладони. Если я хочу завоевать уважение этих ветеранов, нельзя поддаваться на их блеф.

— Играем, — сказал я, — Решка.

Я поднял ладонь. При свете из окошка заблестел медный профиль индейского вождя. Я снова подбросил.

— Один раз угадываю из двадцати пяти, и самородок мой, так?

— Теперь из двадцати четырех.

— Да, из двадцати четырех. Орел... а что я ставлю — на тот невероятный случай, если проиграю?

Флетчер хихикнул. Лицо индейца ничего не выражало.

— Что-нибудь такое же хорошее, — сказал он и посмотрел на мою руку. Монета лежала решкой, — Осталось двадцать три раза.

Я сдался примерно на пятнадцатом. Устал слушать хихиканье Флетчера. Поэтому, когда мои ковбойские сапоги величественно шагнули из тамбура в вагон, они были на ногах другого ковбоя. Я шел в индейских мягких.

Мы стояли и моргали при виде неожиданной роскоши: ковры, богатая отделка, охотничьи трофеи — как кабинет важного господина в особняке.

— Черт, — огорчился Флетчер. — Это не общий вагон, это персональный вагон Оливера Нордструма.

В вагоне плавал табачный дым и теснилась на удивление разношерстная публика: туристы, игроки, ковбои, парикмахеры и просто горожане. Большинство — у черной доски в другом конце салона, и толстый человек на возвышении записывал их ставки. Записывал мелом, пил шампанское и потел, как чайник. Официантка с бутылкой на подносе заменила ему пустой бокал полным. Она была то, что в Новом Орлеане называется «французская светло-желтая» ^[14]. Одета, как южная барышня, — в голубое шелковое платье с открытыми плечами и голубые ботинки на высоком каблуке со шнуровкой спереди. Наряд вполне сгодился

бы для любого светского бала, если бы не кушак. Это было пестрое хулиганство — из попугайского оранжевого и павлиньего зеленого, завязанное узлом на талии. Женщина смеялась, наливая бокалы и взмахивала кушаком, как дерзкая цыганка, — пока не увидела нас. Она извинилась и направилась к нам с таким разгневанным видом, что можно было подумать, сейчас нам расшибут головы бутылкой или огреют подносом с бокалами.

— Джордж Флетчер! Ты что тут делаешь? Я слышала, ты поехал скот клеймить на состязаниях в Кулдесаке и получил заражение, когда тебя мул укусил. Надеюсь — смертельное.

— Добрый вечер, мисс Джубал, — сказал Джордж, дотронувшись до шляпы, — Скончался мул, а не Джордж. Однако приятно знать, что ты обо мне думаешь, — Ослепительная его улыбка была обращена к ней, но взгляд — на шампанское. — Я тоже о тебе думал. Каждый раз, когда ставил тавро на круп хорошенькой телки, думал о тебе.

— Мне все равно, о чем ты думал или не думал. Я знать хочу, что ты делаешь в моем поезде?

— Ты не читала? Я еду в Пендлтон на родео, чтобы выиграть большой Мировой чемпионат. На первых страницах, по всему Айдахо.

Вагон дернуло в сторону, ей пришлось сделать шаг, и Флетчер смог ухватить конец ее кушака.

— Газета в Бойсе называет меня Черным Королем наездников, только еще не коронованным.

— Не жди от меня короны, черный. — Она поворачивалась то влево, то вправо, чтобы он не достал до бутылки и до подноса с бокалами, — Хватит с меня того, что ты не явился и не повез меня на ярмарку в Харни, как обещал. Я чуть не все воскресенье проторчала на станции, ждала телеграммы, что тебя зарезали или еще что-нибудь. А потом выясняется, что ты отправился на какое-то навозное представление!

Джордж крутил в пальцах конец ее шелкового кушака.

— Луиза, зачем такие грубые выражения? Тебе это не к лицу. — Глаза его смотрели искренне и вместе с тем похотливо. — Извини за это недоразумение. Я, наверное, перепутал день. Но даю тебе честное благородное: когда меня коронуют, я сделаю тебя моей королевой. Что ты на это скажешь?

— Скажу: брехня собачья, — Она круто повернулась, оставив кушак в его руке, — Тебе наденут кое-что на голову, Джордж Флетчер, только не корону.

Джордж повернулся к другу.

— Джек, почему эта женщина во мне сомневается? Надо было привезти ей газету из Айдахо...

— Она сомневается в тебе, потому что у нее правильные понятия, — ответил Джексон Сандаун.

— Правильные понятия? — Джордж широко раскрыл глаза, — Любой человек с понятием знает, что Джордж Флетчер обязательно победит.

— Нет, лошадиный король, — только не тот, у кого есть доллары. — Женщина показала на доску тотализатора.

Справа были написаны столбиком имена. Первым — «Индеец Джек Сандаун», восемь к пяти против второго кандидата «Нигера Джорджа». Джордж фыркнул.

— Нордструм и остальные простофили? Много они понимают? Половину от ничего — вот сколько! Послушать их, так еще Нашвилл нас обоих объедет. Луиза, я хочу познакомить тебя с нашим молодым джентльменом, если на время воздержись от крепких выражений.

Церемонию знакомства прервал крик из толпы:

— Джордж Флетчер? Хо-хо, это ты, Джордж?

— Гляди, — проворчал Джордж. — Сам главный набоб.

Толстяк спустился с возвышения и заковылял к нам. Я заметил, что у него одна нога короче и на ней ортопедический ковбойский сапог.

— И Джек Сандаун здесь! — Голос его источал дружелюбие, — Вы в нашем поезде, джентльмены? Великолепно! Я понятия не имел. И вид у вас просто потрясающий, честное слово! Твоя золотая шапо просто ослепляет. А у тебя, Джек, что я вижу? Новые сапоги, изумительно, ничего подобного не видел. Слушайте, вы, двое. Окажите мне честь.

Он подозвал Луизу и взял с ее подноса два бокала. Женщина при этом не могла удержаться от иронической улыбки. Она выдернула кушак из руки Джорджа.

— Где вы расположились? — продолжал Нордструм, — Полагаю, ехали впереди, в пассажирских?

— Не совсем, — уклончиво ответил Джордж.

— Мы ехали сзади, — монотонно, без тени юмора, сообщил индеец, — В нашем личном вагоне.

Привлеченные потной суматохой вокруг индейца и негра, стали подходить другие люди.

— Ребята? — Нордструм обнял их за плечи и притиснул к себе, — Как говорится, из первых уст. Кто из вас, тузы, в субботу унесет с арены седло чемпиона мира?

Они не ответили сразу. Даже жизнерадостная болтовня Джорджа

утонула в потном потоке дружелюбия. Было продолжительное молчание. Потом, словно сговорившись, Джордж и Сандаун одновременно подняли правую руку по-индейски: «Вот кто». Это вызвало хохот у окружающих, а Нордструм опять их тиснул.

— Речь настоящих тузов, — Нордструм засмеялся, — Кстати: хочу представить вам других королей, дам и валетов, которые примут участие в нашем маленьком карточном сражении. Билл? — Он махнул толстой рукой. — Вот один из тех джентльменов, которых вы мечтали увидеть. Идите к нам, сэр. Все вместе, все вместе...

Народ расступился, пропустив из плюшевого сумрака внушительную группу, движущуюся клином. Впереди шел, очевидно, «сэр», приглашенный Нордструмом: поразительный господин со снежными волосами до плеч и такой же масти усами и эспаньолкой. Одет он был в светло-коричневый костюм из оленьей кожи, скроенный по последней моде, если не считать вшитых на бедре ножен с ножом и чехла с фляжкой, висевшего на ремешке с бисером.

По пятам за ним шли не первой молодости наездница с волосами мандаринового цвета и мужчина с лицом терьера и бордовыми подвязками на руках. За этой парой — трио, настолько же бесцветное, насколько колоритны были трое первых, — угольно-черные костюмы, угольно-черные цилиндры и лица, как остывшая зола. Замыкал группу невероятных размеров человек или же нечто, прямоходящее, как человек, и втиснутое в человеческую одежду. Он был без шляпы и без волос, даже без ресниц. Мышечный аппарат так и выпирал из-под кожи — он весь был в мускулах, вплоть до черепа. Даже ушные отверстия почти заросли мускулами. Ростом он был с меня, если не выше, и весил, наверное, вдвое больше моих жалких семидесяти двух килограммов. Но толстым он при этом не был, наоборот, угадывалась словно бы какая-то истощенность, словно он еще рос, и телу было тесно, не хватало объема. Грудь распирала рубашку и подтяжки. Рукава были туго натянуты на длиннющих руках, фасонные полотняные манжеты едва сходились на толстых запястьях. Можно было подумать, что обезьяну противоестественно одели и обрили для циркового номера. Но было в нем нечто еще более противоестественное, только не видимое глазу, — оно окутывало гиганта, как облако заразного воздуха. Даже угольно-черные с мертвыми лицами сторонились его.

Оливер Нордструм надувал щеки и улыбался подошедшим, глаза его напоминали яичные желтки под сливочным маслом. Он походил сейчас на жирненького богатенького мальчика, необъяснимым образом принятого в шайку отчаянных ребят. Он взял седого за кожаную манжету и подвел к

нам.

— Билл, пожмите руки двум лучшим наездникам в мире: Джеку Сандауну и Джорджу Флетчеру. Ребята, познакомьтесь с Уильямом Коди [\[15\]](#).

Я чувствовал, что Нордструм не просто так раздувает щеки, но не ожидал ничего такого выдающегося.

— Баффало Билл? — тихо вырвалось у меня. Я думал, он давно преставился. Но вот он сам во плоти и по-прежнему молодцом, — Буффало Билл Коди?

Джордж и Сандаун вежливо кивнули. Буффало Билл не подал им руки. А на негра едва взглянул. Краснокожего, однако, измерил долгим взглядом, словно оценивал племенное животное.

— Ну вот, Билл, когда вы увидели нашу пару тузов, что вам подскажет ваше игроцкое чутье? На кого бы вы поставили?

— Я не игрок, Оливер. Это по части мистера Хендлса.

— Без меня, без меня, — твякнул маленький мужчина, — Не в этой глухомани с темными лошадами. Попадешь тут, как кур в ощиц.

Буффало Билл обратился к великану:

— А ты, Фрэнк? Ты разбираешься в лошадиных статях. На кого ты поставишь?

Трое угольно-черных расступились, чтобы он рассмотрел соперников поближе. Сперва он остановил глаза на Джордже, голубые и холодные, как сосульки. Он произвел толстым носом тихий звук, который, вероятно, означал насмешливое фырканье, и продолжал смотреть.

— Фрэнк Готч, — театральным шепотом произнес Нордструм, загородив ладонью рот, — Отобрал пояс у Фармера Бернса в девятьсот первом и с тех пор его удерживает.

Джордж выдержал тяжелый взгляд Готча, не изменившись в лице, — он смотрел на великана благодушно и улыбался. А мне уже приходилось видеть такой взгляд — из прорезей в белом капюшоне.

— Фрэнк Готч? — сказал я, чтобы отвлечь этот взгляд. — Где же я слышал это имя...

Я прекрасно помнил где. В мой десятый день рождения отец повез меня на ярмарку в Мемфис. Мы видели, как молодой кудрявый Адонис — Фрэнк Готч — дважды за сорок пять минут уложил на лопатки Душителя Льюиса. Трудно было поверить, что эта туша и тот Адонис — один и тот же человек.

— Вы борец, мистер Готч, будете бороться?

Пока он переводил взгляд на меня, окружающие сдерживали смех.

Ответ его прозвучал сдавленно и тихо, как рычание кого-то запертого в клетке.

— Толстый щенок пернет, когда его пнешь?

Тут публика взвыла. Нордстрем шлепнул себя по короткой ноге, а Буффало Билл заблеял из-под усов, как козлик. Ответил мне мистер Хендлс.

— Да, молодой человек, он борец. Очень хороший борец. Но ты не поэтому слышал имя Фрэнка Готча. Хороших борцов на свете много. Фрэнк Готч не просто борется. Он сокрушает, понятно? Сокрушает с нечеловеческой силой. Вот чем прославлено имя Фрэнка Готча. — Мистер Хендлс повернулся к остальным. — Он *крушит*. Он *ломает*. Он *размазывает*. Покажем им, Фрэнк? Что мы можем сделать всего двумя пальцами? У кого-нибудь есть монета? Только большая, толстая? Серебряный доллар? Песо?

Не подумав, мы с Джорджем одновременно посмотрели на индейца. Сандаун быстро сжал кулак, но было поздно. Вслед за нами на него посмотрели все. И придвинулись поближе, вытянув шеи. Сандаун попался. Прятать монету было невежливо. Он разжал кулак — монета лежала на медной ладони. Мистер Хендлс цапнул ее, как змея — мышку.

— Эта годится, Фрэнк?

Готч взял монету и повернул ребром — убедиться, достаточно ли толста. Удовлетворенный осмотром, он шевельнул плечами и отошел назад. Кружок вокруг борца расступился.

— Вот он, почтенная публика, — кривя рот, пролаял зазывала, — ваш чемпион мира по борьбе и всемирно известный силач Сокрушитель Фрэнк Готч! С демонстрацией той самой нечеловеческой силы, о которой мы говорили! И для вашего просвещения сегодняшняя демонстрация абсолютно бесплатна! Чемпион, прошу...

Готч выпрямился и выставил два пальца буквой V. Они были большие и розовые, как сосиски. Потом поместил монету между пальцами, вдохнул сквозь зубы и начал монету сжимать. Лицо у него побагровело. Сначала ничего не происходило, потом монета стала гнуться. Она гнулась медленно и неуклонно и наконец образовала прямой угол. Зрители закричали и захлопали. Готч победоносно улыбнулся и небрежно подбросил монету. Сандаун поймал ее в дыму и зажал в кулаке.

— Бьюсь об заклад, вы никогда не видели, чтобы человек мог так сделать. — Буффало Билл улыбался зрителям, еще более походя на козла, чем прежде.

— Ну, что, друзья? — подзуживал зазывала. — Кто видел что-нибудь

подобное? Всего двумя пальцами?

Люди вокруг только качали головами и бормотали: «Никогда такого не видел» или «Нужна сверхчеловеческая сила» и тому подобное... Вдруг раздался монотонный голос, и все разом смолкли.

— Один раз видел, одного человека, — Это произнес индеец. Он спрятал монету в карман брюк, — Только он сделал это без пальцев.

Готч снова помрачнел. Он резко повернулся к индейцу, но Буффало Билл со смехом отмахнулся:

— Дурацкие индейские рассказы, Фрэнк. Ты не так их знаешь, как я. У них своя манера шутить.

— Это правда! — вставил мистер Хендлс. Он выскочил в середину круга и хлопнул борца по плечу. — Дурацкие индейские рассказы. Ты со временем привыкнешь, чемпион.

— Я на него не поставлю, — мрачно сказал Готч, но я заметил, что он смотрит на индейца уже не так сердито, а оценивающе.

Да и вся компания Буффало Билла внимательно присматривалась к Сандауну. Прикидывают, я понял, не взять ли его в труппу, и решение отнюдь еще не принято.

— Ставки! — прервал их размышления Джордж, громко щелкнув пальцами, — За этим я и пришел — сделать ставку. И вам советую не отставать, потому что всякий, у кого мозгов больше, чем у курицы, поставит на того же, на кого я.

Он засунул руку в карман, прошел между Сандауном и Готчем и остановился в конце вагона перед столом, где принимались ставки. Он посмотрел на доску, где мелом было написано его имя: НИГЕР ДЖОРДЖ, покачал головой, недовольный эпитетом, и шлепнул на стол пыльный рулончик денег.

— Поставьте их на мистера Джорджа Флетчера, — объявил он, поклоунски мотнув головой, и сдвинул на веселые глаза свой золотисто-желтый стетсон, — представляющего Пендлтон, штат Орегон!

Кружок со смехом распался. К столу подошел Сандаун и расправил несколько бумажек. Он положил их рядом с рулончиком Джорджа и посмотрел на доску. Он значился там как Индеец Джек.

— Джексон Сандаун, — сказал он. — Народ незперсэ.

За ним, галдя, потянулись другие, делать ставки. Джордж воспользовался суматохой и схватил с подноса еще бокал. Луиза не отвела поднос, Джордж взял второй бокал и вручил мне. Она весело улыбнулась мне и гордо отошла, взмахнув кринолином. Джордж такой же важной походкой последовал за ней. Нас с Сандауном оттеснила в сторону

женщина с приятным лицом, державшая перед большой, как буфер вагонетки, грудью черный блокнотик. Она ткнулась амортизатором прямо в индейца.

— Ах, извините, — пропела она. — В поездах так качает...

Трудно было поверить, что этому милому застенчивому личику принадлежит такой могучий трубный голос. Сандаун галантно поддержал ее под локоть, а она разгладила на груди габардин и поправила очки. Сандаун, решив, что она обрела устойчивость, отпустил ее руку и двинулся прочь. Она опять преградила ему дорогу.

— Мистер Сандаун... я хочу сказать, мистер Джексон... Я Надин Роуз из газеты «Солт-Лейк интеллидженсер». Вы наездник, весьма известный даже в Юте, и я буду очень признательна, если вы скажете несколько слов для наших читателей. Очень вас прошу. Два-три слова.

Она выдернула из блокнота тоненькую ручку и ждала, дыша грудью. Единственным ответом ей было бурканье, пригодное для всех случаев жизни. Оно могло означать «угу», или «не-а», или просто выражать его мнение о дамах-репортерах, но ясно было, других слов от этого известного наездника она не услышит. Устав дожидаться их, она обратилась к Джорджу, который как раз подошел с очередными напитками.

— Мистер Флетчер, — гаркнула она, — Я слышала, это мистер Джексон научил вас всему, что вы знаете о родео. Так ли это?

— Да, мэм, — вежливо ответил Джордж. — И это заняло не больше минуты.

Зрители засмеялись, а Сандаун вторично буркнул. Я увидел, что часть публики направилась к нам от стола и там образовался просвет. Я допил бокал и, пока мои новые друзья любезничали с газетчицей, решил уступить очередному бесшабашному порыву — из тех, что возникали у меня после каждой порции спиртного. Я покажу им, что южанам тоже присущ спортивный дух, если не трезвая оценка шансов.

— Прошу меня простить.

Я поклонился и подошел к столу. Затылку моему стало жарко от устремленных на него взглядов, но я держал марку. Я залез под рубашку и извлек из пояса с деньгами купюру — холодно и невозмутимо, как матерый игрок. Настолько холодно и невозмутимо, что даже не поинтересовался ее достоинством.

— Буду признателен, — объявил я, — если вы поставите это на Джонатана Спейна.

— Джонатана ко-кого? — переспросил человек за столом и продолжал, моргая, смотреть на положенную перед ним купюру.

— С-П-ЕЙ-Н, — отдельно повторил я.

Он взял деньги, записал имя и мелом на доске сумму. Сто долларов. Я прошел обратно через весь вагон с маленькой распиской, выданной взамен моих ста долларов. Джордж и Сандаун уставились на меня, как и вся чванливая разогретая компания, круглыми глазами. Я пожал плечами и сунул расписку в карман.

Джордж с одобрением воспринял мою дерзкую выходку.

— Ей-богу, Нашвилл. — Он хлопнул меня по спине. — Мне нравится, что ты не теряешься. Мой папа говорил: если надумал съесть арбуз, съешь арбуз.

Но я понимал, что совершил глупость, поставив все деньги на себя. С другой стороны, она вполне сочеталась с прочей глупостью в этом частном вагоне. Оконные занавески с золотой каймой там, где нет никаких окон, — не глупость? Большой письменный стол у стены и глубокое кожаное кресло перед ним — не глупость? Бокалы на высоких ножках, шатающиеся и звякающие от качки вагона на захоластной железной дороге в полуобжитом еще краю, — не напыщенная ли глупость? Всё тут, от богатых украшений до безудержного панибратства, — вахлацкий шик, типичные янки. Кто я такой, чтобы портить им обедню?

За следующие полчаса я уяснил, что эта надутая публика разогрелась не только от тотализатора; они испытывали подъем, они парили, они летали, как аэропланы, и топливом был настой покрепче шампанского и покрепче желтого самогона бабушки Рут. Происходило нечто чрезвычайное, и они ощущали себя чем-то особенным. Разве они не в особом вагоне и не в экстренном поезде на родео?

Я уяснил, что эти граждане — часть делегации инвесторов, которая проехала на восток, в Бойсе, по этим же самым рельсам четыре дня назад. Они ездили в большой город отчасти для того, чтобы закупить товары ввиду ожидаемого наплыва зрителей — ветчину, колбасу, лесоматериалы, картофель и все бочки пива, какие можно добыть за несколько дней в этой части Айдахо. Но главной их целью было убедить Первый национальный банк Бойсе ссудить им деньги на эти закупки. Банкиры наотрез отказывались выдать кредит всем просителям-торговцам, молочникам и скотоводам, пока — об этом уса́тый зазывала напоминал при каждом удобном случае — в программу не включился Буффало Билл. По чистой случайности старый шоумен оказался в пендлтонском экстренном — он ехал в Портленд, чтобы подготовить рекламу своей знаменитой «Феерии "Дикий Запад"», — и был знаком с Оливером Нордструмом. Они договорились. Старый охотник на бизонов великодушно согласился

задержаться на несколько дней в Пендлтоне, *бесплатно*, ради его отчаявшихся граждан и их свежевылупившегося родео в прерии. Больше того, пояснял гаденький зазывала, в качестве дополнительного аттракциона мировой чемпион по борьбе Фрэнк Готч выступит с демонстрацией своей *нечеловеческой* силы и, может быть, даже борьбы без правил, если найдется доброволец. Это склонило чашу банкирских весов в пользу просителей и развязало шнурки на тугих мошнах.

Дай им бог, подумал я, банкирам и зазывалам, парикмахерам, фермерам и дуракам и всем прочим. Я чувствовал себя полноправным их компаньоном. И жаждал отведать всех удовольствий, какие мог предложить этот необыкновенный поезд.

Глава четвертая

Спорим на твои сапоги

Атмосфера в следующем вагоне была такой же разогретой и возбужденной, как в личном вагоне мистера Нордструма, но гораздо менее утонченной. Это был ковбойский вагон. Никакой роскошной мебели, ламп и ковров; только скопище мужиков, вместо мебели — душистое сено и сосновая стружка вместо ковров. Под потолком качался одинокий фонарь. Под ним — кружок орущих и вытягивающих шеи, чтобы увидеть какое-то зрелище. В общем гвалте высокий голос вел обратный отсчет: «Пятнадцать... четырнадцать... тринадцать...»

Сквозь крики и счет пробивался другой звук: странное, тихое гудение.

Джордж и Сандаун встали на тюк позади зрителей. Мне хватало роста, чтобы видеть и без этого. В дыму и сумраке я разглядел, что отсчет ведет стоящий в центре круга худой человек с карманными часами. По краям, друг против друга, сидели на корточках двое.

Странное приглушенное гудение исходило от меньшего из них. Он держал во рту всю голову черного петуха и, гудя, вдувал в него воздух, словно это была какая-то волынка в перьях. Его рябой оппонент держал толстого огненно-рыжего петуха между сжатыми коленями. Петух пернатой пружиной ярости рвался вперед. Иначе как с помощью коленей рябой не мог удержать его от нападения до того, как кончится отсчет.

— Я видел, как дерутся эти рыжие, — сказал Сандаун, — Они сильные.

— Этот старый мешок с требухой? — возразил Джордж, — Да любому видно — ерепенится и топорщится, а на самом деле трус.

— Ты не знаешь птиц, — безучастно отозвался Сандаун.

— Да? Поспорим?

Индеец посмотрел на него заинтересованнее.

— На что?

Чем ближе отсчет подходил к началу, тем громче галдел народ. Джордж наклонился и что-то прокричал индейцу на ухо. Индеец кивнул.

— ...три... два... один... Пускайте!

Гудящий вынул изо рта голову черного петуха и повернул его к противнику. Обалделый петух неуверенно сделал несколько шагов. Красный яростно налетел на него, опрокинул на спину. Болельщики

красного гикали и трясли деньгами, зажатыми в кулаках. Красный развернулся и снова налетел на маленького. Хозяин черного петуха перестал гудеть и огорченно стонал, глядя, как его птица лежит кверху лапами в стружках и моргает. Рыжий снова развернулся и набросился на него. Замелькала сталь; несколько секунд он полыхал над несчастной темной птицей, как пламя, пляшущее на конце фитиля. И вдруг словно черный порыв ветра задул пламя. Рыжий сам опрокинулся на спину, вспоротый от глотки до живота. Обалделый черный петух перекатился на бок и встал. Он сделал два неуверенных шага, клюнул распоротого врага в помутневший глаз — победный клевок — и повалился рядом мертвый. Я даже не видел удара, который убил большого рыжего.

— Лезвия — Сандаун плюнул, сердито глядя на шпоры мертвых петухов, — Я думал, на них шипы, а не лезвия. Иначе не стал бы спорить.

Джордж ухмыльнулся.

— Похоже, большая лысая обезьяна согнула удачу в твоём волшебном центре. С нечеловеческой силой. Может, теперь это неудачный цент...

— Нет, — сказал Сандаун. Он сошел с тюка и сел на него, горестно глядя на свои ноги. — Просто это был неудачный удар. — Затем он обратил мрачный взгляд на меня, как учитель оборачивается от доски к ученику. — Никогда не держи пари, если у птиц мексиканские лезвия на шпорах. Никакого запаса прочности при лезвиях. С шипами ты можешь получить неудачный удар и драться дальше.

— Вот в чем беда с вами, краснокожими, — объявил Джордж. — Никогда не можете признать, что вас победили. Скидывай их.

Сандаун скинул их. Через несколько минут мои сапоги горделиво шагали по сосновой стружке и петушиным перьям, но теперь на ногах Джорджа. Я шел следом — мне не терпелось увидеть, что ждет нас дальше. Сандаун остался сидеть на тюке и смотрел на согнутый цент у себя на ладони. Он сказал, что будут еще бои с шипами и он попробует немного отыгаться.

В тамбуре следующего вагона я спросил Джорджа о чуде этого другого силача.

— Сандаун сказал, он может гнуть монету без пальцев.

— Это родственник Сандауна из якима [\[16\]](#), Монтаник, — сказал Джордж, — Пастор Монтаник. Но бог с ним, нам надо познакомиться с чудесами, которые поближе. — И распахнул дверь.

За ней нам открылось неожиданное зрелище венского вальса.

Вагон был устроен как благородный бальный зал, весь в бархате и орехе. Вдоль стен горели керосиновые лампы под абажурами, и богато

одетые пары кружились под смутную музыку Штрауса. Эти одышливые звуки выпускала из себя украшенная золотыми листьями фисгармония. Джордж замешкался на секунду, смущенный изысканностью общества, потом храбро улыбнулся мне и вошел.

Улыбка быстро потухла за порогом. Одна за другой пары останавливались и упирались в него взглядом. Золотая фисгармония всхлипнула и умолкла. Джордж сдернул свой большой желтый стетсон и стал извиняться за наше вторжение, запинаясь и шаркая ногами, как батрак. Навстречу ему шагнули седой, с морщинистым лицом скотовод и его жена.

— Добрый вечер, мистер Флетчер, — сказал он, протянув мозолистую руку.

Когда они обменялись рукопожатием, атмосфера в вагоне изменилась словно по волшебству. Нахмуренные лбы разгладились. Поджатые губы заулыбались. Фисгармония оправилась от шока и снова запыхтела.

— Добрый вечер, мистер Келл. Рад вас видеть, и это правда.

— И я тебя, Джордж. Новые сапоги?

На лице Джорджа появилась привычная широкая улыбка. Он нагнулся, задрал штанины и показал звезды и полосы на красивых сапогах.

— Для меня новые, — сказал Джордж, с улыбкой бросив взгляд в мою сторону, — Любезно с вашей стороны, что вы заметили, мистер Сесил, — Он повернулся к женщине и отвесил поклон, — Добрый вечер, миссис Келл. Танцевали мимоходом, мы с молодым другом. Простите великодушно, что помешали.

Миссис Келл подала длинную изящную руку.

— Добрый вечер, Джордж. И желаю удачи. Весь город в ожидании вашего успеха.

Джордж прижал шляпу к груди.

— Спасибо, миссис Келл, — почтительно сказал он. — Надеюсь, не огорчу их.

Он подтянул меня вперед, чтобы представить. Ее узкая ладонь была теплой и мягкой, в отличие от заскорузлой мужниной. Она напомнила мне руку одной из моих теток, и я почувствовал укол в груди.

Перекинувшись несколькими словами, мы распрощались и пошли между танцующими, извиняясь налево и направо. Я не понимал, всех тут знает Джордж или нет, да и не очень это меня занимало. Я все еще думал о Келлах. Вот достойные люди, ничем не уступающие ни одному из тех благородных южан, с кем мне доводилось встречаться. Келл среди здешних был человеком особого покроя — необыкновенным, но совсем не в том смысле необыкновенным, как Буффало Билл или Готч. Достоинство

ветерана войн с индейцами поистрепалось и поблекло, как старая банкнота. В Готче ничего фальшивого не было, но он не вполне укладывался в обычные представления о *homo sapiens*. Сесил Келл показался мне и особенным, и в то же время обычным — благородным человеком, но обеими ногами стоящим на земле.

Когда мы добрались до конца вагона, я напомнил Флетчеру, что Сандаун все еще смотрит петушинные бои.

— У него может целая ночь уйти, чтобы натянуть мои сапоги, — сказал Джордж. Он опять говорил шепотом. — Кстати, у тебя осталось еще сколько-нибудь Важных Зеленых?

— Немного осталось, — признал я.

Он взял меня под руку.

— Хорошо. Дядя Джордж покажет тебе, как сделать из этого немного целую уйму, — И направился в следующий вагон.

Это был спальный вагон, и в нем — ни души. Все либо спали, либо гостили в других вагонах. Проход вдоль окон был так узок, что нам пришлось идти гуськом. Когда Джордж прошел на цыпочках мимо одного из купе, дверь позади него открылась и из нее выдвинулась немыслимая кипа белья на двух маленьких ножках. Я решил помочь.

— Давай помогу, мальчик.

Я принял кипу, и передо мной оказалось лицо красивой азиаточки. Под моим взглядом оно стало быстро менять цвета, как китайский фейерверк. Вагон шатнуло, и ей, чтобы не упасть, пришлось обхватить меня за талию. Я почувствовал, что на моем лице тоже начались пиротехнические явления.

— Спасибо, большое спасибо, — с запинкой сказала девушка. Она стала обходить меня, приговаривая: — Добрый вечер, большое спасибо. — Она увидела Джорджа и радостно повернулась к нему, — А, добрый вечер, мистер Флетчер.

— И вам добрый, мисс Сью Лин, — сказал он, — Это мой новый товарищ. Мятежник Джонни Нашвилл Третий.

Меня качало вместе с кипой, но будь я неладен, если позволю ему шутить надо мной.

— Джонатан Спейн, мэм, — поправил я, — Джонатан Э. Ли Спейн. Счастлив познакомиться. Очарован.

Я пустил в ход всю галантность, какую мог призвать на помощь, — мне страшно захотелось познакомиться поближе с этим разноцветным блуждающим огоньком.

Джордж игнорировал и мою галантность, и мое желание.

— Сью, золотко, где остальная прислуга? — тихо спросил он, —

Попряталась?

Она ответила так же тихо, только тонким голосом:

— Вы, может быть, пойти в ту сторону, куда идете. Может быть, в том вагоне. Может быть, последняя дверь. Мне надо идти в другую сторону.

Она протянула руки к белью, поезд снова качнул ее ко мне — всего лишь легкое касание, — но огонь разгорелся во мне с новой силой. Джордж дернул меня за рукав.

— Ну ладно, мистер Очарованный. Ты, может быть, пойти со мной в ту сторону. Если не собираешься тут стоять и глазеть, как рыба на крючке.

Следующий вагон тоже был спальный, но более старый, и часть его занимали служебные помещения. На дверях были свежие надписи жирным цветным мелом: КЛАДОВАЯ, ТЕЛЕГРАФ, АВАРИЙНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ. На последней двери значилось: ТОЛЬКО ДЛЯ Ж. Д. ПЕРСОНАЛА. Джордж приоткрыл ее, и мы заглянули внутрь. В помещении висела пыль, и полукругом, молитвенно, на коленях стояли люди. На полу было расстелено индейское одеяло с зигзагами, и, словно в алтаре, горел фонарь тормозного кондуктора. Я увидел черные лица и жесткие форменные пиджаки официантов, проводников, поваров, судомоев. Обслуга. Они не молились, они играли. По одеялу катались кости, туда и сюда перемещались зеленые бумажки. Игроки вели себя азартно, чертыхались, ликовали, призывали на помощь Даму Фортуны — но всё шепотом. Джордж со стуком распахнул дверь и ворвался с криком:

— Шабаш! Кончай игру!

Произошло смятение. Руки схватили деньги, люди вскочили на ноги. Потом они увидели, кто это гаркнул на них.

— Нелегкая тебя возьми, Джордж Флетчер! — крикнул один из игроков, — Нашел когда дурака валять!

— Правда, Джордж, — поддержал его человек постарше, с хмурым лицом. Он один не поднялся с колен, — Шутка дурного вкуса.

— Приношу извинения, ваше преподобие Линкхорн, — Джордж снял шляпу и смиренно поклонился. — Черт меня под руку толкнул, как говорил мой папа. Подурачиться захотелось, не удержался.

— У черта в дураках служить не годится, — сказал коленопреклоненный голосом, похожим на далекий похоронный колокол. Это был худой человек с печальным ртом, в очках с золотой оправой и в костюме, таком же черном, жестком и пасмурном, как его лицо. — Особенно человеку, который почти у всех успел походить в дураках.

— Да, ваше преподобие, сэр, — покаянно отозвался Джордж. Потом, повеселев, помахал рукой, как бы разгоняя пыль. — Не впустить ли вам

немного свежего воздуха в вашу пыльную игру?

При этом вопросе его преподобие оживился.

— Свежая кровь никогда не помешает.

— Хорошо. А то у меня тут дятел, такой желторотый, что всех нас может сделать богачами.

Джордж втянул меня в душный отсек. Я был еще разгорячен после встречи с Сью Лин, не говоря уже о симпатическом смешении двух бокалов шипучки с желтым самогоном тети Рут, так что, боюсь, язык повиновался мне еще хуже обычного. Его преподобие Линкхорн наклонился, чтобы разглядеть поближе, — но не меня. Он щурился за очками на ноги Джорджа.

— Новые сапоги, брат Флетчер? Или ты опустился до осквернения могил?

— Нынче вечером Дама Фортуна заботилась о моих нуждах. Эти сапоги выиграны честно и благородно, спросите Нашвилла.

Его преподобие серьезно посмотрел на меня, и я серьезно кивнул в ответ. Он поднял кости и похлопал ладонью по одеялу.

— Так примите участие, братья. Дорогие друзья и братья, всех прошу... — Он окинул взглядом остальных, — Преклоним колени и посмотрим, упорствует ли мисс Фортуна в своих непристойных ухаживаниях за братом Флетчером.

Я стал на колени рядом с его преподобием и расстегнул рубашку для быстрого доступа к поясу с деньгами. Джордж присел рядом, взял у меня купюру и у Линкхорна — кости. Подул на кубики.

— Темные дамочки, повернитесь к нам лицом. Семеркой и одиннадцатью. И к черту дюжину [\[17\]](#). Послушаем, что вы скажете, кости.

Рука его описала широкий круг, и кости покатались по одеялу. Змеиные глаза [\[18\]](#). Джордж застонал, кружок заулюлюкал. Я зевнул. Все эти игроки в разных вагонах перетасовались у меня в голове. Паровоз дал долгий печальный гудок, колеса стучали у нас под коленями. Помню, что тоже бросал раз или два, но было трудно сосчитать очки и упомянуть ставку. Я продолжал зевать. Выпитое, бормотание соседей в тесном отсеке, темные фигуры, душное тепло — все это погрузило меня в сонное оцепенение. Лица сделались окороками, висящими у нас в коптильне, где мне не полагалось играть — по крайней мере, с детьми батраков. Кости — двумя моими лучшими выбивальными шариками. Индейское одеяло — кругом, процарапанным на земляном полу коптильни, и я выбивал из круга рубиновые, мраморные и прозрачные и забирал в пухнувший мешочек у

себя между коленями.

Я осознал, что игра кончилась лишь тогда, когда тугой, холодный свежий ветер вывел меня из забытья. Я снова был на крыше вагона! В серой скорлупе рассвета обозначилась фигура Джорджа, ползшего по-крабьи, боком. Одной рукой он тянул за собой женщину, Луизу, в другой держал лосиные сапоги Сандауна. Луиза сжимала на груди края наброшенного на плечи одеяла с зигзагами. Оно хлопало на ветру, Луиза смеялась и взвизгивала.

— Господи Иисусе, не могу поверить, что дала уговорить себя. Ты настоящий змей, Джордж Флетчер, о господи!..

Паровоз откликнулся, и пара провалилась в лунную пшеницу.

Сандаун уже был в нашем скотском вагоне, лежал, завернувшись в свое одеяло. Джордж и повизгивающая Луиза повалились рядом с ним на индейское с зигзагами. Я сел на свое одеяло и принялся стягивать сапоги — мои собственные сапоги. Оказалось, я лучше играю в шарики, чем думал.

Сандаун открыл глаза:

— Чертовски красивые сапоги.

Я поставил их в ящик под брезент. Паровоз загудел, я откинулся на седло. Жемчужная лента дыма пересекла диск луны. Паровоз пыхтел. Когда я очнулся, пыхтел он реже, мы останавливались. Небо было убийственно ярким, и глазами, красными, как солнце, я впервые увидел Пендлтон.

Глава пятая

В городе бум

Я еще не был готов проснуться. Я предпочел бы поспать, пока тело и голова не придут в норму. Но слишком много было вокруг отвлечений. Поезд подкатывался к станции. Паровоз дернул напоследок и с облегчением выпустил пар. Я потряс головой, чтобы стряхнуть с мозгов паутину, и подполз к борту. Напротив — надпись свежей краской: ПЕНДЛТОН. На станционной площади никого, только сонная старая лошадь, запряженная в багажную тележку. На прилегающих улицах пусто и тихо, но... Я прислушался и уловил звуки далекого марша; они как будто приближались.

Я приподнялся на локте, чтобы лучше видеть. Из-за далекого угла показалась беспорядочная колонна горожан, маршировавших к поезду. За ними следовали жиденский духовой оркестр и два индейца рядышком на пегих лошадях. К их пикам был привязан транспарант. Когда они его растянули, я разобрал слова: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РОДЕО — ПУСТЬ БРЫКАЕТСЯ.

Позади послышалась возня. Из одеял в подштанниках выбрался Джордж Флетчер. На подштанниках было столько заплат, что они походили на клоунские штаны.

— Подумать только, — ворчал он, подгребая к себе одежду. — Когда у чемпиона объездчика нет ничего, кроме паршивого старого армейского седла, они хотят его назначить гранд-маршалом парада. Закатный, просыпайся и наряжайся, напарник. Нам уже красный ковер раскатали.

— Уже нарядился, — сказал индеец. Он сидел на ящике, в своем синем шерстяном костюме. — Только дай еще твоей смазки.

Джордж пробормотал, что он не смазчик брату своему, и достал помаду. Я перевернулся на живот и высунул голову между досками. Взырошенные игроки и пассажиры с припухшими глазами пялились из окон на неожиданный парад. Дверь персонального вагона открылась, и вышел Нордструм, сияя улыбкой, как политик. За ним появились Буффало Билл и Готч, и после них — мистер Хендлс.

— Голодные глаза, а, друзья? — обратился к своим спутникам Хендлс. — Цена славы. «Мир вечно жаждет знаменитых чудес», — сказала Саломея в остатней одежке. Или Савская, вылезая из ванны [\[19\]](#).

Буффало Билл устало кивнул. Готч расстегнул пиджак, чтобы показать свой чемпионский пояс с пряжкой. Вышли трое в угольных костюмах и подозрительно озирали парад. Нестройная колонна приветствующих делегатов наконец подтянулась к станции. Оркестрик нестройно бубухнул последний аккорд: *ту-дух!* Готч начал раздуваться, Буффало Билл сорвал шляпу и картинно подмел ею воздух. Приветственных криков не было. Нордструм сказал «кхе-кхе» и хотел обратиться к делегации, но тут оглушительный металлический грохот заставил всех повернуть головы. Это отвалилась дверь скотского вагона, образовав стальной пандус. По нему с визгом сбежала раскрашенная свинья. За ней верхом выехали Джордж и Сандаун. На этот раз делегация разразилась приветственными криками. Джордж не зря хвастался: это ради него граждане вылезли из теплых постелей и парадным строем пришли на станцию — ради городского своего героя и его индейской Немезиды! Оркестр стал смирно и исполнил «Девушек из Буффало» в ритме марша. Два всадника проехали мимо колонны, как генералы, принимающие парад.

Сандаун поверх синих брюк надел чапы [\[20\]](#) из овчины. Он был в перчатках с крагами и вышитыми бисером красными розами на тыльных сторонах. Седло на его пегом жеребце было тисненное, любовно украшенное. Рядом с ним старое армейское седло Джорджа, тусклое и ободранное, выглядело жалко. Чтобы прихорошиться, он набросил на спину своего гнедого мерина одеяло с зигзагами и вместо банданы повязал шею оранжево-зеленым шелковым кушаком Луизы. Учитывая вдобавок его золотистый стетсон, вряд ли кто обратил внимание на невзрачность седла.

— Да, Стоунуолл, — сказал я своему коню, насторожившему уши. — Настоящие вилороги.

Когда демонстрация прошла, Буффало Билл надел шляпу, а Готч вынул большие пальцы из-за чемпионского пояса и свесил длинные руки. Нордструм и зазывала раздраженно жевали сигары.

На улице толпа окружила Джорджа и Сандауна и повела за угол назад, в город. Остальные пассажиры, не торопясь, побрели следом. Я помылся, как мог, из фляги. К тому времени, как я собрал вещи и заседлал коня, начальник станции сгрузил «роллс-ройс» с платформы. Автомобиль завелся с одного поворота ручки и тронулся, дымя. Борец и старый разведчик сидели сзади, мистер Хендлс — позади них на откидном сиденье. Оливер Нордструм ехал на переднем сиденье и показывал достопримечательности как гид. Трое пинкертоновцев ехали на подножках. За рулем сидела женщина с оранжевыми волосами. Она держала руль одной рукой, и вид у нее был скучающий. Я свел Стоунуолла по пандусу и

сел в седло.

Мы потихоньку добрались до центра городка. Стало видно, что Пендлтон приложил немало усилий, чтобы принарядиться к большой гулянке. Люди были повсюду и галдели, как покупатели скота на весеннем аукционе. Ковбои оделись в самые яркие рубашки и самые чистые джинсы. Широкополые шляпы были только что выправлены на болванах и украшены лентами из конского волоса и перьями диких птиц. Сапоги были начищены до блеска, шпоры звенели. Девушки в платьях из оленьей кожи обменивались шуточками с парикмахерами и барменами. Торговцы препирались с коммивояжерами, лесорубы громко любезничали с банкирами. И среди этих горластых столпов пендлтонского общества толклись и бродили индейцы. Десятки и десятки племен, людей во всех возможных состояниях и всех возможных цветов кожи, от кирпично-красного до коричневого, от гордецов с орлиным взглядом в полном перьяном облачении до развалин со слезящимися глазами, еле шаркающих в тряпье. Но выделял их не цвет кожи и не одежда — их выделяло молчание. Они даже друг с другом не разговаривали.

Фасады магазинов были украшены лентами и гирляндами патриотической расцветки. На веревках, протянутых через улицы, колыхались вымпелы и флаги. В окне каждой гостиницы красовалась вывеска: СВОБОДНЫХ МЕСТ НЕТ. На пустырях теснились палатки.

Центр Пендлтона выглядел в значительной степени также, как сегодня. Не столько, конечно, электрического света в темное время, и в дневное не столько тени, которую дарят теперь жителям взрослые вяза и тополя. Свежие дощатые тротуары, прямые широкие улицы. Как и во многих городках, выросших среди прерий, здесь все было проложено строго с юга на север и с востока на запад. Все, кроме здания суда округа Юматилла. Даже в толпе, несмотря на гвалт, я не мог не заметить, что двухэтажный кирпичный суд стоит вкось на своем участке. Совсем косо. Баритон с торчащими зубами и в стоячем воротничке извинялся перед толпой туристов за это геометрическое недоразумение — если бы не оно, весь город был бы прямым и честным. Низкий его голос звучал властно. К лацкану был пришпилен значок «Я ВОЛОНТЕР РОДЕО: СПРАШИВАЙТЕ МЕНЯ». Такие значки мне уже попадались.

— И хотите услышать, кто виноват? Этот колченогий Мозес Годвин и его безмозглая жена — вот кто! Если бы не был он подбашмачником, а она косоглазой, наш городок был бы беспорочен.

Наверное, он хотел сказать «безупречен». Полгода назад он ни за что бы не стал на это претендовать. Но бум, общая лихорадка затронули и его.

Он одновременно гордился и осуждал. Теперь я лучше понимаю его чувства. Я бывал здесь достаточно часто и жил достаточно долго, чтобы тоже гордиться всем прямым и честным и осуждать все кривое и лживое.

Историю этого знаменитого косого суда я прочел зимой, когда залечивал запястье в здешней больнице.

У них в церкви была хорошая краеведческая библиотечка. Мозес Годвин построил платный мост через реку и гостиницу на этой стороне, но земля вокруг ценности не имела, пока округ Юматилла не стал подыскивать новый центр. Мозес немедленно предложил гектар земли для административных зданий. Благодаря помощи соседа, судьи Бейли, и жбану виски его землю приобрели.

Ранние пендлтонцы стремились выстроить город по идеальным линиям, в строгом соответствии с компасом. Это происходило не из особой приверженности к порядку и не из жгучего желания укротить дикую природу. Прибыль питала их страсть. Прямое и честное приносит деньги, а всякий беспорядок напоминает нам, что когда-то *все* было в беспорядке и опять может стать таким, диким и неукротенным, если не позаботимся. Думаю, поэтому граждане так досадовали на этот криво поставленный суд. И главная вина лежала на косоглазой супружнице Годвина.

В припадке супружеской щедрости он разрешил ей выбрать место для нового суда. Она выбрала хорошее место и палкой начертила на земле контур будущего здания. Она прожила здесь всю жизнь, и ей доподлинно известно, где север, а где юг. Незачем валандаться с топографической съемкой. Вот контур. Стройте. Не такое уж это важное дело, что дом встал косо. Я рассказываю об этом, потому что придумал — и хочу поделиться своим открытием, — как понять разницу между правдивой историей и ложной. Правдивое чаще всего неопределенно, хлипко-расплывчато, а ложное по большей части доподлинно известно.

Я ударил Стоунуолла пятками и проехал сквозь толпу слушателей. На улице всюду, куда ни посмотришь, люди держали пари. На ножички, на метание подков — на что угодно, на земле рядом с деревянным тротуаром фермерские мальчишки делали ставки на двух собак, склещившихся после совокупления, зад к заду. Я не стал задерживаться, чтобы выяснить, по какому критерию определяется победитель. Мне нужна была комната и ванна. И еда! Ямс давно забылся. В конце главной улицы я все же увидел белый дом с вывеской: КОМНАТЫ И ПАНСИОН.

Я привязал коня к воротам и по мощеной дорожке прошел к широкой белой веранде. Кивнул постояльцам, которые пили чай со льдом и ели яичницу с горчицей. Мы перекинулись шутками. Хозяйка, отозвавшаяся на

мой стук, сказала, что свободных комнат нет, и для убедительности помотала головой. Люди на веранде согласились: комнат нет, мест нет. Долим взглядом я посмотрел на яичницу с горчицей. На этот раз они замотали головами: лишних завтраков тоже нет. Запасы провианта и напитков быстро истощались.

Я отвязал коня и пошел дальше. Уличный торговец продавал нарезанный арбуз. Вот тебе и завтрак, и питье в одной упаковке. Я купил два больших ломтя и повел Стоунуолла к пыльному облаку, внутри которого происходила какая-то деятельность. Там, наверное, и будет родео. Мы вошли в облако и очутились в центре последних лихорадочных приготовлений: вокруг таскали и пилили лес, стучали молотки. Тот же волонтер, что был у суда, просвещал зрителей.

— В прошлом году было три тысячи человек. Бьюсь об заклад, уже сейчас у нас в три-четыре раза больше. Нам надо расшириться — и спешно. Как видите, мы добавляем места со всей возможной быстротой, — Он подмигнул мне, — Нам ждать топографов — такая же морока, как жене Мозеса Годвина.

Мимо прошли два человека со скромным грузом досок на плечах. Оба тяжело дышали, а задний, казалось, был на грани обморока. Волонтер снова подмигнул мне.

— Парикмахеры, — сказал он, загородив рот ладонью.

Они сбросили доски перед группой людей, таких же загорелых и таких же запыхавшихся. Трибуны, возводимые на скорую руку, окружали четырехсотметровую грунтовую дорожку, огороженную дощатым забором.

Куда ни глянь — всюду деловая суматоха и карнавальное оживление. Один устроил игру в три листика на перевернутой тачке. Другой демонстрировал на томагавке точилку для ножей. Перед двумя окошками кассы клубилась толпа. Все было заставлено бричками, дрожками, драндулетами, всюду привязаны лошади.

Я подвел Стоунуолла к кучке ковбоев. Они собрались перед недостроенным помещением под главной трибуной стадиона. Фасадной стены еще не было, но двухстворчатую дверь уже навесили и над ней объявление: ШТАБ РОДЕО. РЕГИСТРИРОВАТЬСЯ ЗДЕСЬ. Эта двухстворчатая дверь была началом того, что возникнет здесь позже: она до сих пор пропускает людей в салун «Пусть брыкается». Слева от недостроенного штаба стояла армейская палатка. Мелом на зеленом брезенте было написано: ПРЕССА. На столе перед палаткой человек в зеленом козырьке отбивал морзянку. Надин Роуз, грудастая газетчица с

поезда, расхаживая взад-вперед, громко диктовала последнее сообщение. Трубный ее голос заглушал и стук молотков, и гомон толпы. Телеграфист вздрагивал при каждом ударном слоге.

— ...бесконечно волнующая панорама... открывается нашим глазам... все эти закаленные жители пограничья... прибыли на громокипящий праздник... Что? Господи! Г-Р-О-М-О...

Теперь телеграфист получил возможность вздрагивать при каждой букве.

Рядом с палаткой прессы стоял огромный цирковой фургон с парой одномастных мулов в упряжке. Он был украшен такими же полотнищами, как вагон Нордструма. Заднюю стену заменяли вымпелы с рекламой «Феерии "Дикий Запад"». Сам Буффало Билл стоял перед вымпелом с собственным портретом, смотрел вдаль и старался выглядеть картинно. Женщина с оранжевыми волосами стояла на доске, положенной на две бочки, и крутила два ярко-оранжевых лассо. На полотнище позади нее значилось: МЭГГИ О'ГРЕЙДИ — ИРЛАНДСКАЯ НАЕЗДНИЦА.

На третьем вымпеле в кричащих красках и жутковатых анатомических подробностях изображен был ФРЭНК ГОТЧ — ЧЕМПИОН МИРА В ТЯЖЕЛОМ ВЕСЕ, разламывающий голыми руками подкову, а коленями раздавливающий кокос. Живой Готч в одном только кроваво-красном трико выглядел еще жутче, чем его изображение. Он изо всех сил раздувал безволосую грудь для фотографа, насыпавшего магний в лоток вспышки. Мистер Хендлс рявкал и показывал на борца деревянной тростью. Я повернул голову. И конечно, трое с пепельными лицами стояли тут же в тени полотнищ и следили за тем, что происходит вокруг. Хендлс увидел, что я смотрю на темную троицу, и обратил речь ко мне.

— О, это же Длинный Дикси. Все еще удивляется этим трем ребятам, да, Дикси? И правильно, и правильно. Поэтому для твоего сведения, а также других чудесных граждан позвольте объяснить их зловещее присутствие, — Он показал тростью на борца, — Как я уже говорил, друзья, этот мастодонт рядом со мной — ух! — великий Фрэнк Готч, неоспоримый чемпион! Мира! По вольной борьбе без правил! И никаких самозванцев! А вот здесь! — Он поднял парусиновый мешок с деньгами. — Одна! Тысяча! Долларов! Не бумажных. Звонкой монетой! И! Незаметные, на заднем плане... — Он показал тростью на пепельнолицых: раз, два, три. Лица не изменились. — Трое пинкертоновских агентов, которых Буффало Билл нанял специально! Для охраны этой сумки! Лучшие у Пинкертона! А почему, вы спросите, мы колесим по этому необузданному краю с таким соблазнительным капиталом? Чтобы подарить его! Совершенно верно!

Подарить! — Он поднял мешок повыше, — «Феерия Буффало Билла "Дикий Запад"» предлагает эту тысячу серебряных колесиков в качестве приза! Любому человеку, зверю или дикарю! Который продержится всего десять минут на ринге против Грозного Готча! Не победит, друзья! А только продержится! Есть здесь желающие джентльмены? Нет? Что ж, не надо стыдиться. Нет ничего стыдного в том, что вы не хотите схватиться с нечеловеческим гигантом.

Люди зашаркали прочь. Стыдного, может, и не было, но тон зазывалы ясно говорил каждому, что о нем думает зазывала.

— Так! Если никто из присутствующих не вызовется, но вы хотите увидеть этот физический феномен в действии, то в ближайшее воскресенье! Вы сможете увидеть чемпиона в деле на представлении знаменитой «Феерии Буффало Билла "Дикий Запад"» в «Портлендском арсенале»! Мистер Готч будет защищать свой титул *официально* против чемпиона европейских стран Карла! Костолома! Хаммершлаггера! Две схватки из трех. «Портлендский арсенал», в следующее воскресенье. Напружинь мускулы, Фрэнк. Покажи им, что у тебя есть.

Готч напружинил. Магний вспыхнул. Мулы всхрапнули, и цирковой фургон дернулся вперед. Зазывала бросился к вожжам. Нервные ковбойские лошади вскинулись и захрапели.

— Спокойно, — сказал я Стоунуоллу. — Это всего лишь шоу-бизнес, не принимай всерьез.

Когда зазывале удалось осадить мулов, фургон очень кстати остановился прямо перед дверью штаба. Зазывала без особого усердия пытался продвинуть мулов дальше, но они уперлись. Из двухстворчатой двери вышла группа мужчин с официальными значками родео. Возглавлял их Сесил Келл. Седая шевелюра свесилась ему на лоб. В руке он держал большой запотевший глиняный кувшин.

— Мистер Коди, нам желательно, чтобы этот проход оставался свободным, — сказал он. — Уважаемые господа, мы будем признательны, если вы продвинете ваш экипаж чуть дальше...

— Уважаемые господа и так стараются изо всех сил, — крикнул зазывала, дергая вожжи и ухмыляясь.

Мулы не сдвинулись ни на сантиметр и также — картинный профиль старого разведчика. Зазывала еще подергал вожжи, потом с видом крайней усталости отер лоб.

— Может быть, вы, молодцы, поспособите? — обратился он к ковбоям. — Или придется звать мистера Готча, чтобы он подбодрил животных?..

Стало понятно, что все это представление ради Готча и разыгрывается,

чтобы показать его силу. Какие-то добровольцы вызвались помочь, но мулы стояли как вкопанные. Они свой номер знали.

— Похоже, очередь за тобой, Фрэнк...

Но кто-то крикнул: погодите, вон Бисоны идут, они за что хочешь возьмутся. Из толпы вышли два рыжих парня. Они были близнецы, точные копии друг друга — от ржаво-красных чубов на загорелых лбах до тонких сигар в веснушчатых руках. Это явно не входило в программу. Зазывала переводил сердитый взгляд с одного на другого, а они тем временем подошли вразвалочку к задам мулов. Они вынули сигары изо рта и весело переглянулись поверх постромок. Внезапно оба мула рванули вперед. Рывок был такой, что Буффало Билл упал в потные руки борца. Зазывала повалился как подкошенный, выкрикивая непечатные эпитеты. А женщина с оранжевыми волосами устояла на доске, не моргнув глазом.

Все, кроме труппы Буффало Билла, захохотали. Близнецы заново поднесли огонь к растрепанным концам сигар.

— Это если вашу упряжку опять надо разбудить, мистер Коди, — сказал один из них.

Старому разведчику это вовсе не показалось забавным. Громоздкий борец шагнул к краю платформы, а пинкертоновцы вышли из тени. Близнецы смешались с толпой, но тяжелый взгляд Готча по-прежнему не отпускал их. Мистер Келл попытался замаять неловкость, протянув глиняный кувшин.

— Из запасов Хукнера, шесть месяцев пролежало в прошлогоднем льду. Уверен, облегчит пребывание на жарком солнце, мистер Готч.

Готч переводил взгляд с близнецов на кувшин и обратно. В конце концов он решил, что кувшин выглядит привлекательнее рыжих с сигарами, и принял предложение. Его толстенная шея пропустила три громадных глотка, и он передал кувшин боссу. У Коди на случай такого предложения всегда была при себе серебряная фляга. Он протянул флягу, и борец наполнил ее доверху. Коди оценивающе отхлебнул.

— Я бы не советовал вам, ребята, — обратился он ко всем, — повторять эту выходку с сигарами. Фрэнк не любит, когда плохо обращаются с бессловесными животными.

— Я тоже, мистер Коди, да и все мы тут, — сказал Келл. — Я прошу прощения. Обычно братья Бисон ведут себя разумнее. Думаю, неожиданный успех нашей новой затеи во время жатвы слегка ударил нам в голову. Раньше мы ограничивались бейсбольным матчем. В прошлом году для пробы устроили родео. А теперь, посмотрите, — он показал на толпы, заполнившие город, — теперь у нас своя феерия.

— Для второго раза неплохо, — снизошел старый шоумен. — Может превратиться в симпатичное капиталовложение. Но вам для руководства надо поискать настоящих профессионалов. Поверьте, сэр, я видел, как представления рождаются и как они умирают. Извините меня за откровенные слова, но если ваши гуртоправы надеются это зеленое шоу сохранить, вы должны найти внешних инвесторов и опытных антрепренеров. *Непреренно*.

Это заключение прозвучало вызывающе. Все расслышали в нем пощечину. Белые волосы мистера Келла взъерошились еще больше.

— Насчет этого зеленого шоу вы глубоко ошибаетесь, мистер Коди. Это не шоу-бизнес. Для нас, гуртоправов, это не капиталовложение, а дань традиции. Индейцы приезжали в эту долину каждую осень еще до того, как Иисусу давал и грудь! С переговорами, индейской борьбой [\[21\]](#) и скачками. Я не хочу сказать, что неправильно относиться к разъездному цирку как к бизнесу — как вы, господа, относитесь, — но наш маленький бедлам устраивается исключительно ради традиции и честного спорта.

Все увидели, как сузились глаза старого разведчика.

— Вот как? — сдержанно произнес Буффало Билл. — Спорт. Я не ослышался — вы сказали: «индейская борьба»? В таком случае, что вы имеете против борьбы белых людей? Если бы один из этих ребят попытал счастья на ринге с Фрэнком Готчем и продержался десять минут при ставке десять к одному, вы не сочли бы это спортом?

— На Востоке, может, и сочли бы. — Лицо у мистера Келла наливалось кровью, он понимал, что его загоняют в угол, — Но эти ребята не профессиональные спортсмены. Они ковбои, простые, с восхода до заката, провинциальные работяги, не борцы и не бойцы.

Старый борец с индейцами окинул нас оценивающим взглядом.

— Вы хотите сказать, что в этом городе не найдется человека, который вышел бы против Фрэнка Готча за тысячу долларов, и при этом они готовы сесть на дикую лошадь-убийцу только ради *традиции*? Если это вы называете спортом, я остаюсь в шоу-бизнесе.

Старый скотовод предпочел сжать в зубах сигару и промолчать. Он не привык к такому количеству ледяного алкоголя и жарких препирательств среди дня. Вместо него ответил молодой ковбой из толпы:

— Я думал, эта тысяча — только для больших городов, вроде Портленда и Сиэтла.

— Это предложение действительно повсюду, сынок, — сказал Билл, — Мы предлагаем это пари главным образом в больших городах. Мы поняли, что в ваших однолошадных городках — как объяснил мистер Келл и вы,

ребята, только что подтвердили — вряд ли найдется смельчак, который примет наш вызов.

— Мистер Коди, — сквозь зубы сказал Келл, — я с удовольствием продолжил бы эту дискуссию, но у меня нет ни времени, ни навыка. Меня ждут не дождутся кое-какие делишки в моем шоу-бизнесе. — Он круто повернулся и с пылающим затылком вошел в двухстворчатую дверь.

По правде говоря, он не зря сказал «делишки». При всех его разговорах о традиции в воздухе Пендлтона витал сейчас запах большого куша, и у многих этих спортсменов-любителей текли слюнки. Впрочем, не судите, напомнил я себе, — у тебя-то самого разве не текут маленько? Кажется, пора было и мне заявить о своем аппетите.

Я нашел коню уютное местечко на краю парка в тени большой телеги с горой навоза и соломенной подстилки из конюшни. Место было не просто прохладное, а исключительное. Единственным, кто, кроме нас, воспользовался его удобствами, был рослый мерин Джорджа. Я спросил его, где хозяин. На меня он не обратил внимания, а Стоунуолла приветствовал дружеским ржанием. Я положил перед ними остатки арбуза, а сам отправился к двухстворчатой двери.

Глава шестая

Шутовской трон

В те дни его еще не называли «Пусть брыкается», и ничего такого возбуждающего, как колокол-лифчик, в нем не висело. Половина потолка состояла из балок и неба. Но, как и на каждом родео с тех пор, здесь было битком народу. Ковбои, горожане и туристы вперемешку пили, смеялись, делали ставки. Я отстоял долгую извилистую очередь и подошел к столу регистрации. Сесил Келл, отставив кувшин и отложив сигару, деловито записывал ковбоев. Он слегка остыл.

— Джонни Нашвилл, если не ошибаюсь? — сказал он.

— На самом деле Джонатан Спейн, мистер Келл, — ответил я. — Какая плата для участников?

— Десять долларов в день за один вид программы. Двадцать пять на три дня за один вид. И пятьдесят за весь круг, если надеетесь завоевать призовое седло. Записались всего человек двенадцать. Остальные решили, что полный круг все равно выиграют Джордж или Сандаун.

Я расстегнул рубашку и на этот раз убедился, что вынимаю десятку, а не сотню.

— Запишите меня на ловлю теленка [\[22\]](#), сэр, — сказал я. — На один день.

Я наклонился, чтобы расписаться, но в это время из очереди протянулась черная рука и поймала меня за запястье.

— Этого ковбоя можете записать на всю гулянку, мистер Келл, — Опять неведомо откуда появился Джордж, чтобы помочь мне принять решение, — Посмотрите на него: молодой, красивый, гибкий... Могу спорить, у него природные способности, и знаю, что у него есть средства.

Скотовод выжидательно смотрел на меня, подняв брови.

— Моя специальность — лассо, мистер Келл. Наш грандиозный друг, как всегда, преувеличивает.

Джордж не убрал руку.

— Послушай меня, Нашвилл, — Он наклонился к моему уху, — Полный круг дает тебе такую же возможность выиграть ловлю и вдобавок шанс победить в седле. Ты слушаешь дядю Джорджа? Ты уже поставил на себя сто долларов в поезде, если помнишь. Теперь поздно робеть. Ты должен участвовать во всех видах, все три дня, чтобы оправдать свой взнос,

понимаешь меня? Вы-то меня понимаете, мистер Келл? Я прав?

Не успели мы с мистером Келлом ответить, как у другого моего уха раздался другой голос:

— Красивое седло.

Рядом со мной оказался Сандаун. Он показал на конец стола, где на козлах было выставлено великолепное седло. Все в полированной бирюзе и серебре, оно сияло, как драгоценный камень.

— У Хэмли его покрыли особым тиснением, — продолжал Сандаун. — Такого еще не помню.

— Седло первого чемпиона мира, — провозгласил Джордж, — Давай, друг. Пускай даже ты не такой хороший наездник, чтоб выиграть, но риск — благородное дело. Или ты не игрок? Не выложишь пару мелких бумажек, когда есть шанс добыть такое сокровище?

— Они правы, сынок, — согласился мистер Келл. — Одно серебро в инкрустации стоит больше трехсот долларов. Меерхофф показал мне счет от серебряника. Что скажешь?

Мне показалось, что в помещении стало очень тихо. Кто-то дополнил и развил соображение Сандауна:

— Чертовски красивое седло, Джонни-мятежник.

И кто-то еще добавил:

— Пойдет к твоим сапогам.

Я понял, что попал в окружение. Я отсчитал еще четыре десятки из пояса, и толпа разразилась одобрительными криками.

— Какой у вас здесь адрес, Спейн, Джонатан? — спросил мистер Келл. — Вы где ночуете?

— Сегодня я думаю заночевать с моим конем, сэр. Когда найду, где его пристроить.

Одобрительные крики сменились хохотом.

— Худой! — крикнул ковбой с утиным носом, — Тебе легче будет пристроить свой тощий зад, чем коня.

— Они правы, сынок, — сказал мистер Келл, — В эти дни все конюшни и стойла заняты.

— Прошу прощения, мистер Келл, — вмешался Джордж. — Конь Нашвилла может переночевать сегодня с моим.

Келл все еще ждал, нацелив карандаш.

— Нам нужен ближайший родственник или кто-нибудь. На всякий случай.

Я вздохнул.

— Тогда запишите домашний адрес. Фаундер-лейн, четыреста.

— Джонатан Спейн, — записал Келл. — Фаундер-лейн. — Судя по прозвищу Нашвилл, надо записать, что вы из Теннесси?

— Да, сэр. Т-Е-Н-Н-...

— Я знаю, как пишется. Это такой штат.

С горящими ушами я отошел от стола. Спасибо хоть, Джордж и Сандаун пошли следом. Люди хлопали их по плечам и желали удачи.

— За серебряное седло потягайтесь? — крикнул утконосый.

— Похоже на то, — отозвался Джордж.

Сандаун же ответил обычным своим прямым взглядом. Мы прошли сквозь беспокойное море пьющих и вышли за двухстворчатую дверь. Я обрадовался свежему воздуху.

— Теперь слушай, Нашвилл, — сказал Джордж, целеустремленно шагая к границе парка, — Твоего коня я пристрою легко, но *остальные* места могут быть заняты — если мне повезет.

Он подмигнул и в качестве объяснения показал на край парка. Его мерин был по-прежнему привязан в тени телеги — но уже с седоком. Позади седла, на одеяле с зигзагами сидела Луиза Джубал. Она сидела боком, в своем костюме барышни-южанки и китайским веером отгоняла мух.

— Sabe, amigo? [\[23\]](#)

— Смекаю, — Я мигнул в ответ. Я помаленьку осваивался в новом мире.

— У моей семьи из Айдахо здесь в лагере вигвам, — сказал Сандаун.

Я воспринял это как приглашение и поблагодарил его. Джордж приложил палец к губам и пошел на цыпочках.

Луиза, видимо, влезла на свой насест по тележному колесу — сверху ей лучше было видно. Фургон «Дикого Запада» переехал на главную дорогу. Труппа раскинула свои сети в тени большого клена, и в них уже попало изрядно пешеходов. Увлеченная зрелищем, Луиза вытягивала шею. Мне трудно было понять, почему женщина таких достоинств карабкается по колесу телеги с навозом только для того, чтобы посмотреть на лысую гориллу, играющую мускулами. Но тут увидел, что мускулами никто не играет: смотрит она на женщину с оранжевыми волосами. Леди О'Грейди сняла свой ковбойский костюм и, оставшись только в марле и бусах, исполняла египетский танец живота, а зазывала на флейте играл ей змеиную музыку. Луиза даже не заметила, что мы пришли. Когда Джордж сказал шепотом: «Ай-ай-ай, баловница», я думал, она прямо выскочит из своих голубых башмачков.

— Никогда так не делай! И вы тоже. Когда девушка смотрит на

безволосого монстра.

Джордж рассмеялся.

— Ну да, на монстра, рассказывай. Ты смотришь на похабный танец, новые фигуры хочешь перенять. Я вовремя подошел — хорошим девочкам не годится смотреть на такие неприличные зрелища.

— Я специально влезла, чтобы смотреть, лицемер несчастный. Хочу смотреть и буду смотреть, и замолчи.

— Ага, хочешь смотреть и будешь? — Он отвязал поводья от тележной спицы. — Держись-ка лучше за хвост на том конце, глазастая, потому что я увожу тебя от этого неприличия.

— Никуда ты меня не увозишь, нигер! Довольно ты меня повозил по своей дорожке.

— Не вздумай соскакивать, грешница. Конь мой — семнадцать ладоней в седле, а где ты сидишь — еще выше.

Луиза пошипела и поворчала — кто он такой, чтобы говорить про неприличия! Никчемный ковбой не первой молодости, и седло такое, как будто его вытащили со свалки. Потом она вспомнила, что он говорил насчет роста мерина: семнадцать ладоней — солидная высота, если для приземления нет ничего пружинистей этих голубых башмачков, — вспомнила, смирилась, скрестила руки. Ехала в каменном молчании, пока не увидела, куда мы направляемся. Тогда она схватилась-таки за хвост.

— Индейская стоянка! Ты беспокоишься, что на меня нехорошо повлияет белая дама с железным танцем, а сам хочешь затащить меня на вонючую индейскую стоянку? Лучше ничего не придумал? Я эту конскую ручку начисто оторву, если повезешь меня к своим горластым дикарям.

— Луиза! — изумленно воскликнул Джордж, — Как это невежливо с твоей стороны...

Конь остановился как по команде, кося глазом. Луиза сидела с неприступным видом, одной рукой держа хвост, в другой — веер. Обмахивая лицо, она повернулась к Сандауну:

— Извините, мистер Джексон. Я не хотела сказать «дикарям». И «вонючим» и «горластым» — тоже. Но согласитесь, что для носа и ушей эти вигвамы — тяжелое испытание.

— Луи-и-за! — Джордж был скандализован, — Даме не пристало так себя вести. У нас двадцатый век.

Луиза заработала веером быстрее:

— А по мне, там пахнет как в восемнадцатом.

— Ты его еще застала? — поддел ее Джордж, двигая бровями вверх и вниз.

Луиза сидела разгневанная. И не смягчилась, даже когда в роли примирителя выступил Сандаун:

— Можно проехать по речной тропинке.

— Правильно, — сказал Джордж — Она минует вигвамы.

— Знаю, я уже на ней бывала, если помнишь...

Они продолжали ее уламывать. В конце концов она подняла руки в знак капитуляции — отпустила хвост. Джордж провел мерина через ворота, а оттуда пошел напрямик, минуя вигвамы. Он насвистывал в такт шагам. Он заметно успокоился. Не мог же он оставить такой экзотический цветок без ухода.

Я тоже почувствовал облегчение. Кольцо вигвамов выглядело угрожающе, как наконечники стрел, нацеленные в небо. Вигвамов, конечно, было не так много, как теперь, но выглядели они разнообразнее. Всевозможных форм и размеров — некоторые еще крыты шкурами животных, некоторые шкуры еще воняют прогорклым жиром и обсижены мухами. Смешение племен и кланов не сумело договориться об одном центральном костре, поэтому воздух между жилищами был насыщен дымом сотен очагов в земле, где готовилась еда. В дымной мгле блуждали жены и девушки, туристы и дети, собаки и лошади. Мужчины сидели на корточках в любом пятачке тени, какую смогли найти, барабанили, пели и пили. Солнце палило.

Джордж завел мерина в дубовое мелколесье. Сандаун спешил и пошел за ним. Ветки цеплялись, но Луиза отказалась слезть со своего наседа. Я спрыгнул с коня и тоже пошел пешком. В голове гудело — и от дневной жары, и от ночной пьянки. Я сосредоточился на синей шерстяной спине Сандауна. Подложенные плечи казались сделанными из жести — так выношена была материя. Старомодный покрой воротника напомнил о костюме, в котором хоронили прадедушку Спейна.

Мы вышли на опушку и очутились на берегу Юматиллы. Река с небольшим водопадом стремительно бежала в узком русле. Под водопадом возилась и вопила куча голозадых индейских детей. Они играли во что-то вроде «царя горы». Горой был необычный камень посреди водопада. В отличие от остального гранитного порога он был глянцевым, янтарно-желтым и размером с быка. Вода тысячелетиями полировала его, но над вершиной, казалось, поработала человеческая рука, превратив ее в еще более гладкий маленький бассейн. Эта выемка величиной с седло была зеленой от тины и блестела от брызг.

— Этот большой камень смахивает на трон, — заметил я.

— Он и есть трон, — отозвался Джордж, — Трон Ко-Шара, вытесан из

обсидиана. Никто не знает, откуда он взялся.

— Желтый обсидиан, — со значением сказал Сандаун. — Он с Гласс-Бьют ^[24], к югу отсюда.

— Ладно, ладно. С Гласс-Бьют. Но никто не знает, как он сюда попал. Если ты еще не понял, Нашвилл, Сандаун держится мнения, что этот стул дает сидящему какую-то особую силу.

Из кучи вырвался один мальчишка, вскарабкался в быстром потоке и шлепнулся коричневым задом в зеленую ложбинку. Там, к моему изумлению, он принялся орать и лопотать как сумасшедший.

— Какую силу? — спросил я. — Способность галдеть?

— Понимать Языки, — сказал индеец.

— Ко-Шар — Дух Правды, — сказал Джордж.

— Текучей Правды, — поправил индеец.

— Индейцы верят, что ты можешь расслышать его в бормотании реки, если подольше послушать.

— Услышишь, как он говорит правду, — Сандаун сделался почти многословным, когда коснулись этой темы.

Джордж был словоохотлив, как всегда.

— Они утверждают, что если будешь там сидеть и бормотать вместе с рекой, то в конце концов тоже выскажешь правду — если сумеешь просидеть там и болтать достаточно долго. А это на троне Ко-Шара не так уж легко.

Я понял, что он имеет в виду. Лопотание и ор в скользком седле мешали парню удерживать равновесие. Он не мог усидеть под напором воды. С криком отчаяния он скатился в кучу мелюзги, бултыхавшейся внизу. Глядя на них, Луиза покачала головой.

— Хватит вам про этот дурацкий камень. Шутовской трон — вот про что вы говорите, и я лично от этого скучаю. Побожитесь мне оба, что в этом году валять дурака там будут *другие* несмышлениши. Теперь их очередь, вам не кажется?

Джордж захохотал. Сандаун молча смотрел на камень.

— Обещайте сию же секунду, оба! Поклянитесь, что оставите чертов камень в покое, или я на вас такую луизианскую напасть напущу, что вам все кишки сожжет, как красные муравьи.

Жестом, пригодным на все случаи жизни, оба подняли ладони. Луиза, кажется, была удовлетворена.

— Хорошо. Теперь, большие мальчишки, отправляйтесь по своим делам. А я подожду здесь в теньке. Мне удобно на этой старой кляче. И место приятное — смотреть, как голые дети балуются в воде, а не старые уроды.

Джордж засмеялся и бросил поводья, чтобы мерин мог попасть на прибрежной траве. Луиза полулежала на крупе, покрытом одеялом, как дама на диване. Я отвязал свою скатанную постель, приторочил ее к седлу Сандауна, а Стоунуолла привязал к иве, чтобы он угостился диким шпинатом. Сандаун повел своего коня без спешки. Похоже было, шумный индейский лагерь привлекает его не больше, чем Луизу. На всем нашем долгом, медленном пути Джордж поддразнивал его этим, но индеец не сказал ни слова.

Семья жены Сандауна поставила вигвам на дальней стороне круга, у задней ограды. Вигвам, покрытый бизоньими шкурами, был расписан сценами боев и охоты, кое-где очень старыми, кое-где свежими, яркими. Сцены были все вперемешку. Древние фигурки-палочки стреляли из винтовок в синемундирных кавалеристов; свирепый воин держал в правой руке окровавленный томагавк, а в левой Библию; воины в набедренных повязках с заднего сиденья парового автомобиля метали стрелы в давно исчезнувшее стадо бизонов. Мое знакомство с вигвамной живописью прервал смех Джорджа.

— Чего ты ждешь, Заходящее Солнце, хи-хи-хи? Ты главный нынче на дворе твоём на птичьем. Входи, дай им на тебя полюбоваться.

— Мне надо заняться лошадьё.

Сандаун отвязал свою постель от седла и положил возле откидной двери вигвама. Я бросил свою рядом.

Потом он снял седло и заботливо поместил его на брикет соломы. Потом привязал повод к рожку седла и высыпал полную торбу зерна на землю. Джордж все время посмеивался над медлительностью товарища.

— Ты отчего не решаешься, Сандаун? Там, по-моему, все мирно по сравнению с соседями. Может, дома никого. Может, родня твоя поднялась и ушла, зная, как ты не любишь общество.

Сандаун не реагировал на его подначки. Он поднял ладонь и нырнул в вигвам. Дверь закрылась за ним, как страница книги.

Но на этом глава не закончилась. Через две-три секунды в вигваме раздался оглушительный хор жалоб. Собаки, младенцы и женщины — все высказывали свое недовольство одновременно. Сандаун выскочил из двери как испуганный койот. На этот раз его ладонь была приставлена к уху, но ухо обращено не к бушующему вигваму.

— Вы слышите? — спросил он, прищуренными глазами глядя на ограду.

— Слышим ли, как тебя радостно приветствовали? — сказал Джордж — Тут только глухой не услышит.

— Нет. В той стороне. Я слышу колокольчики. Рождественские колокольчики.

Я не понял, о чем он говорит, и посмотрел на изгородь. Там собралось две кучки людей — с нашей стороны изгороди индейцы, с той — ковбои. Мне не было видно, чем они так заинтересовались, но в шуме индейского лагеря и мычании скота я расслышал неожиданный звон санных бубенцов. Сандаун зашагал туда.

— Это двоюродный брат Монтаник. Он наехал на ограду, которую построили поперек дороги.

Джордж поспешил следом за ним.

— Пастору Монтанику помощь вряд ли понадобится, и на самом деле он никакой не двоюродный. Просто надеешься избежать объятий настоящей своей семьи.

— Нет. Я надеюсь выпрямить мой пенс.

Я пошел за ними, предполагая, что это какой-то индейский эвфемизм, в смысле «поднять своего дурака».

Когда мы подошли к зрителям, я увидел, что один столб изгороди выдернут из земли и рядом валяются поперечные жерди. Судя по налипшей на столб земле, он был вкопан почти на метр. Я огляделся: интересно, какой рычаг и какую точку опоры использовали, чтобы извлечь столб? В это время обе кучки зрителей вдруг расступились, и моим глазам предстало поразительное зрелище.

Бренча бубенчиками, в проем проехал фургон с пустыми постромками. Обычный деревянный четырехколесный грузовой фургон, какие и сейчас иногда увидишь на товарных дворах, — но выглядел он отнюдь не обычно. Весь экипаж был расписан картинками библейского содержания. На спинке сиденья был изображен кит, выплевывающий Иону. На борту ангелы и крылатые лошади кружили над туземной сценой Рождества. Малютка Иисус сидел, словно аршин проглотив, на чернохвостом олене с добрыми глазами; три волхва в головных уборах из перьев ехали на пегих лошадках. Все колеса, кроме сломанного запасного, были украшены перьями и лентами, заплетенными в спицы. Такую вещь мог наскоро соорудить Иезекииль после видения колес в колесах.

Но самым удивительным в этом бряцающем алтаре было то, как я уже упомянул, что двигался он без помощи лошадей. Или мулов, или волов, или каких-либо иных тягловых животных. Не было даже дышла, чтобы припрячь животное!

Пока я ломал голову над этой загадкой, показался наконец и сам владелец перевозочного средства — он шел возле заднего угла в

сопровождении хромого старого койота. Человек был возраста неопределенного, формы и цвета картофелины. Одет при этом в подробнейший индейский наряд, равных которому я еще не видел, — от головного убора из орлиных перьев до мокасин из оленьей кожи. Лента на лбу была с бисером, жилет — с бисером, кожаные штаны — с бисером. Ожерелье из четырех ниток свисало до самого картофельного живота; красные бусины в нем перемежались с белыми трубками. Эти трубки, как я позже выяснил, были вываренными хребтами редкого морского ежа и очень ценились. Среди всего этого индейского великолепия выделялось одно маленькое ювелирное изделие — серебряное распятие на изящной цепочке.

Сандаун прошел между зрителями и поднял ладонь.

— Хоу, брат Пастор. *Ия кача катах.*

Человек-картофелина и его экипаж остановились.

Родственники поговорили по-индейски через воз с барахлом и, видимо, пришли к согласию. Сандаун протянул монету. В глубоком размышлении Монтаник так и сяк наклонял голову, изучая согнутый медяк. Движения его были нечеловечески медленны, как у ленивца, изучающего лист. Джордж стал рядом с товарищем.

— Давай, Пастор. Выпрями бедному Сандауну цент. Сомневаюсь, что это вернет ему удачу, но людям до смерти хочется увидеть что-то особенное.

Родственник Сандауна обвел медленным взглядом собравшихся и кивнул. Он стал медленно опускаться. Его угол фургона опускался вместе с ним, пока не оперся на ось. Тогда я увидел, что привязанное в кузове колесо вовсе не запасное. Набожная картофелина в перьях и бисере заменяла собой и заднее колесо, и конную тягу разом.

Монтаник обошел фургон сзади, разминая пальцы руки, державшей ось. На глазах у безмолвных зрителей он взял у Сандауна монету и долго поворачивал ее в руках. Закончив осмотр, спросил:

— Какой филистимлянин это сделал?

Сандаун мешкал с ответом. Монтаник повернул лицо к Джорджу.

— Большой, Пастор, — ответил Джордж. — Сильный, как сам дьявол. Ты можешь его исправить?

— Не предавай монет на поругание безумному, — сказал Монтаник.

Он аккуратно взял пальцами края согнутой монеты и сделал вдох. Джордж опять вмешался.

— Без рук, Пастор. Я хочу показать нашему гостю с Юга чудо во всем великолепии.

Монтаник поднял голову и посмотрел на меня. Чуть погода на лице его

появилась улыбка, белозубая и постепенно расширявшаяся, покуда не открылся изумительный арсенал идеальных зубов. Это было великолепное зрелище.

— Делай, Пастор, — крикнул кто-то с ковбойской стороны.

Несколько индейских голосов поддержали:

— Хоу!

Монтаник поместил монету между коренными зубами и начал сжимать. Казалось, ты наблюдаешь работу фарфоровых тисков. Он вынул монету изо рта — она была плоской. Сандаун торжественно принял отреставрированную монету и в знак благодарности кивнул. Монтаник вернулся к бесколесной оси. Фургон поднялся и поехал, бренча, в направлении вигвамов. Две группы зрителей разошлись, каждая в свою сторону.

— Пойду-ка я лучше к пруду Ко-Шара, — сказал Джордж. — Не люблю оставлять надолго без привязи коня и Луизу — того и гляди, кому-нибудь приспичит сбежать.

Мы вернулись вдоль изгороди. Я все еще думал об индейце с челюстями-тисками.

— Откуда он вообще? — спросил я, — Почему его зовут пастором?

— Он оттуда же, откуда я, — сказал Джордж. — Родители неизвестны. Белые считают нас сиротами; у индейцев такого понятия нет. Индейские семьи всегда берут беспризорных детей и кормят.

— Пока у них волосы не появятся под мышками, — прибавил Сандаун, — Тогда их отправляют жить самостоятельно.

— Ага, на подножном корму... хи-хи-хи. Я пожил на подножном корму. Летом — не так плохо, когда кругом кузнечики и голубика. А зимой тощему пацану иной раз приходится туговато. Монтаник на вольные хлеба ушел раньше, чем подмышки зашерстились. Так и живет с тех пор.

— Он живет один в пещере, — сказал Сандаун. — С койотом.

— Койот — тоже, наверное, был сиротой, — сказал Джордж. — Щенком. Однажды шмыгнул в пещеру и заполз под одеяло. Монтаник не прогнал — решил, что двум сиротам под одеялом теплее, чем одному. А вскоре после этого, говорит, и услышал.

— В сочельник, — сказал Сандаун.

— Услышал? — нетерпеливо спросил я, — Что услышал?

— Голос, — сказал Джордж. — Голос звал его из леса: «Монтаа-а-аник». Он вылез из-под одеяла, а щенок дрожал и вылезать не хотел. Монтаник пошел на голос, вверх по горе. Но догнать его не мог. Из-за тучи вышла луна, и тогда... Монтаник что-то увидел.

— Он вылетел из-за другой стороны луны, — сказал Сандаун.

— Ну? — (Эта пара могла растянуть притчу больше, чем проповедник.) — Что он увидел?

— Белого орла, — сказал Сандаун. — Орел опустился на скалу и позвал. Мальчик вскарабкался. Орел перелетел на скалу повыше. Мальчик вскарабкался. Орел перелетел на скалу повыше. Мальчик вскарабкался. Он был в стране снов. Он карабкался дальше, пока голос не сказал ему то, что хотел ему сказать.

— Что же?

Что он будет воином. Иисуса.

— Конечно, когда он вышел из этой страны снов, ничьим он воином не был, — сказал Джордж. — Он замерз, был испуган и не знал, где находится.

— Тогда он услышал другой голос. Койот выл. Он пошел на вой и пришел к своей пещере.

— И лежа там, под теплыми одеялами со своим зверем, Монтаник понял, для чего живет. Ему предназначено стать странствующим проповедником.

— Он нашел своего вевейкина, — сказал Сандаун.

— Это у вас вроде ангела-хранителя? — спросил я, — Твоего особого духа?

— Твой вевейкин может быть многими духами, — сказал Сандаун, — У молодого Монтаника это был орел, который звал его прочь, и койот, который звал его обратно. Он долго скрывал, что ему было сказано.

— Еще бы не скрывал! — фыркнул Джордж, — Он был молодой, сильный и полон задора. Он хотел бузить, а не проповедовать! Ему разгуляться хотелось!

— Он досаждал племенам на всей территории. Пьянствовал, играл, людей задира. Сильный был. Бывало, свяжем его, а он веревки перегрызет. А потом, тоже холодной ночью, он опять услышал голос. Тоже под Рождество. В салуне в Якиме. Он вышел за голосом наружу, но был пьян и не мог подняться на гору. Свалился в сточную канаву и обгадил себя. К нему прикоснуться никто не хотел. Даже якима.

— Говорят, даже койот им побрезговал, — добавил Джордж. — Потом, если верить этой байке, когда вонючий пропойца засыпал уже вечным сном, в небесах появился младенец, голый, как лягушка, и светящийся, как красный уголь. Он спустился, улегся рядом и не дал ему замерзнуть насмерть. Монтаник, понятно, утверждает, что это был младенец Иисус.

— Это многие видели, — сказал Сандаун. — Видели тоже Марию и

Иосифа, и Святой Дух всю ночь бил в барабан для младенца и Монтаника. С тех пор он пастор Монтаник. Он крестит и венчает по всему Северо-Западу.

— Может, в этой части с орлом и койотом есть доля правды, — сказал Джордж, — но Святой Дух не посещает пьяных индейцев в канаве, в Якиме, штат Вашингтон. И на барабанах не играет.

— Думай как хочешь, — сказал Сандаун. — Монтаник все равно пастор.

Джордж фыркнул и замолчал. Да и шум на стоянке не позволял продолжать разговор. Казалось, сотни святых духов барабанят в барабаны и постепенно входят в раж. Из вигвама Сандауна по-прежнему неслись оглушительные крики младенцев и женщин. Ни одного мужского голоса я не слышал. Сандаун с безнадежным стоном взял мою постель под мышку, другой рукой — свою. Чтобы еще немного отсрочить неизбежное, пригласил нас с Джорджем зайти посмотреть.

— Я этот салон уже видел, — сказал Джордж, — А наш южный гость может посмотреть позднее, когда добудем харчей и проверим окрестности. Пойдем, Нашвилл. Этот женский гвалт меня нервирует. Спокойной ночи, Закатный. Спи крепко, и чтоб тебя твои курицы не клевали.

Сандаун, пригнувшись, вошел под полог. Его приветствовал дружный хор жалоб.

— Насчет своих вещей не беспокойся, — успокоил меня Джордж. — Индейцы знамениты тем, что не крадут.

Барабаны били громче. Мне вдруг пришло в голову, что чем дольше я здесь нахожусь, тем больше от меня отваливается вещей, которые я называл своими: деньги, постель, даже собственное имя. Что подумают дома? В голове ветер, так и в кошельке сквозняк.

Когда мы пришли к реке, прудок был безлюден и на камень Ко-Шара никто не покушался. Стоунуолл мирно щипал шпинат на берегу. Гнедой мерин Джорджа куда-то делся, Луиза тоже.

Глава седьмая

Дженни Линн

Джордж безошибочно угадал, куда упорхнула Луиза.

— К этому дешевому, грошовому цирковому рыдвану. Как мотылек на огонек! Твоему коню придется везти нас двоих, Нашвилл.

Толпа вокруг фургона стала такой плотной, что со стороны парка не подступиться. Пришлось дать круг и подъехать к представлению с Далласской дороги. Мы сразу заметили Луизу в толпе.

Буффало Билл сидел в тени своих полотнищ. Женщина с оранжевыми волосами подбирала шесть своих покровов.

Готч расхаживал по откидной площадке фургона, а зазывала завел свою песню. Воинственность в глазах борца сменилась скукой, а слова зазывалы стали еще оскорбительнее и звучали как пощечины.

— Сотня долларов в минуту, вы, пугливые сенотрусы! Всего за десять! Коротких! Маленьких минуток. Кто умеет складывать, знает, что получается тысяча долларов. Тысяча дол-ларей! Серебряными кружочками. Любому коньку, кобылке и жеребенку! У которых хватит пороха влезть на этот квадратный ринг к этому великолепному физическому экземпляру всего на десять минуток!

Он повернулся к Готчу и громко, в расчете на публику, пояснил:

— Я включил кобылок и жеребят потому, Фрэнк, что жеребцов здесь не заметно. Ты хоть одного видел?

Не прерывая ходьбы, Готч обратил злобный взгляд на зрителей. Одного за другим он заставлял их отводить глаза.

— Пока нет, — сказал он зазывале. — Буду смотреть дальше.

Мы с Джорджем стояли у заднего края платформы и видели больше спины Готча, чем лицо, но ясно было, что он наслаждается этой сценой. Он методически запугивал зрителей одного за другим. Под его тяжелым голубым взглядом человек пригибал голову, как побитая собака. Видеть это было грустно.

Пригибал каждый, пока не дошло до Луизы. Она не желала пугаться. Во-первых, она сидела на высоком мерине Джорджа и смотрела не снизу вверх, как другие зеваки; ее глаза и Готча были на одном уровне и так же не мигали. Во-вторых, сидя на коне, в своих голубых башмачках и открытом платье, она тоже сознавала себя особым физическим экземпляром. Она

ответила взглядом на взгляд Готча и не отвела его! Он тоже. Глаза его сузились, и выражение скуки ушло с его лица. Можно было почти услышать гудение этих гляделок, как в телеграфных проводах.

Готч сам прекратил соревнование, сделав вид, что ему надо принять другую, более напряженную позу, а для этого сосредоточиться, закрыв глаза. Это позволяло обеим сторонам отступить, не теряя достоинства. Но когда Готч поднял веки, бесстыжая красотка все еще зырила на него, небрежно обмахивая веером свой богатый фасад, — и скучающий вид был у нее.

— Ой-ой-ой, — забеспокоился Джордж у меня за спиной. — Эта женщина дикобраза пнет босой ногой.

— Я вспомнил, где я видел эти зенки. Ты желтенькая курочка с поезда. Ищешь, с каким петушком поклевать, цыпа?

— У нее очень вызывающий вид, Фрэнк, — встрял зазывала, — Может, она примет наш вызов?

— Ну, что, желтенькая, — сказал Готч. — Хочешь побороться? Десять минут без правил, и можно заработать тысячу. А?

Толпа мужчин заржала. Они были рады, что Готч направил огонь на кого-то другого, пусть и на женщину. Все повернулись к ней, ожидая ответа, но Луиза молчала. Веер продолжал работать, взгляд не дрогнул. Я понимал, почему Джордж нервничает. Она попала в щекотливое положение: единственная женщина перед Готчем и мужчинами и предмет для шуток.

— Как думаешь, Билл? — продолжал Готч, — Можем мы рискнуть тысячью долларов, если я соглашусь провести с ней десять минут на ринге?

Рукой в бисерной перчатке Буффало Билл загородил глаза от вечернего солнца и посмотрел на всадницу.

— Я вот что скажу, Фрэнк. Поборись с ней девять с половиной минут, а потом уложи. Ты получишь удовольствие, публика развлечется, а я сэконоблю тысячу долларов.

Все сочли это замечательной шуткой. Они хохотали, шлепали себя по коленям и веселились, как на мальчишнике с представлением. Тут уже Луиза не выдержала. Она опустила глаза, и по ее гордой шее стала подниматься краснота, как в трубке уличного термометра. Гогот стал еще громче. Она заерзала в седле, озираясь в поисках героя, который помог бы ей выпутаться из затруднительной ситуации. Естественно, ее умоляющий взгляд остановился на Джордже. Гигант повернул голову, чтобы увидеть, кого это она нашла.

— Провалиться мне, если это не дядя Джордж пристроился к франтужанину. Слыхал спортивные новости, дядя? Я и Желтая Опасность договариваемся о схватке — прямо здесь и прямо сейчас. Если она не пойдет на попятный. А она не похожа на рака, верно?

Джордж не ответил. Готч принял другую позу, чтобы удобнее было разговаривать с нами. Голос его звучал по-кошачьи — как у кота с убранными когтями.

— Ей, конечно, понадобится секундант. Станешь на коленки в ее углу с полотенцем и ведерком — не откажешься, Дядя Джордж? Помахать полотенцем?

Джордж дипломатично воздержался от ответа. Я не видел его лица, но слышал, как его дыхание со свистом выходит сквозь зубы. Меня прошибла позорная дрожь страха. Кто знает, долго ли этот ковбой-дипломат сумеет держать язык за зубами. Отмочит в ответ какую-нибудь дурацкую шутку, и ярость этого животного обрушится на всех нас. Я подумал, не лучше ли было мне остаться у Сандауна. Но, слава богу, Джордж Флетчер был не такой дурак. Он только пожал плечами и поднял руки.

— Это даме решать, масса Готч, — сказал он, — Старик Джордж станет на колени, где его попросят. Хочет возиться с вами — мое дело маленькое.

Готч был разочарован. Мистер Хендлс выступил вперед со своей неразлучной тростью.

— Вот это, я понимаю, дух! Речь истинного республиканца. Но эти люди заслуживают развлечения, столько времени простояв на жаре, — как считаешь? Может быть, ты сам, Джордж, поднимешься сюда и защитишь честь твоей дамы? Приз в тысячу долларов не отменяется. Согласен?

— Да, — сказал Готч. — Я даже дам тебе разок свободно ударить по этому мешку с требухой.

Он ухмыльнулся и сцепил руки за спиной, чтобы продемонстрировать брюшной пресс во всей красе. Пресс походил на рифленое железо. Джордж улыбнулся в ответ, но ничего не сказал, и тогда Готч обратил свой тяжелый взгляд на меня.

— А может, ты, Дикси? Один свободный удар в мое незащищенное брюхо. Покажи ваш знаменитый южный задор. Похоже, у этих северян его совсем нету.

— Я не по этой части, мистер Готч, — вырвалось у меня, — Помните, вы согнули одной рукой монету? Я только что видел, как человек ее выправил.

— Это правда, это правда, — крикнул Джордж и ткнул меня в спину,

чтобы я замолчал, — Выправил ее! Только не прилагая рук. Вот кто ваш соперник, масса Готч. Пастор Монтаник! Пусть эта девушка отдаст мою лошадь, и мы приведем его к вам, слово чести.

Услышав это, десятки зрителей подхватили: «Пастор Монтаник, конечно! Самый сильный индеец на свете и пастор вдобавок!» У Готча проснулся интерес. То же самое — у мистера Хендлса и Буффало Билла. Старый антрепренер сообразил, что может получиться номер, который все же принесет выручку в этом захолустье. Если столько народу в толпе считает, что этот индейский пастор — достойный противник Готчу, значит, сборы «Дикому Западу» обеспечены. Нас троих живо отрядили найти и сговорить местного богатыря, желательно до вечера, на худой конец — до завтрашнего полудня. Кивая и кланяясь, Джордж слез со Стоунуолла и сел позади седла на своего мерина.

— Мигом вернусь, как только найду пастора и уговорю его бороться. Скажу ему, что это — во славу Божью.

Чтобы закрепить соглашение, Готч кинул Джорджу серебряный доллар. Перед тем как мы тронулись, они успели хорошенько посмотреть друг на друга. Отъехав на безопасное расстояние, Джордж опустил монету в карман рубашки.

— Если не сумею уговорить Монтаника по-родственному, верну массу Готчу его доллар... Согнутый. Ии-ах! — Он пустил мерина вскачь.

Луиза ничего не смыслила в посадке, и при таком аллюре ей сильно доставалось от старого жесткого седла. Она понимала, что заслужила это.

Джордж направил коня не к фургону Монтаника, а в противоположную сторону, вверх по реке. У шумного брода он поменялся местами с Луизой и выбрал подводную дорожку для переправы. И у меня, и у Стоуни возникли сомнения, однако мы последовали за ним. По пути мы проехали мимо подвесного моста на толстых тросах и с дощатым настилом, достаточно широкого для лошади со всадником. Мост представлялся мне более надежной переправой, чем бурлящая стремнина с водорослями, но я промолчал. Да и вряд ли был бы услышан. Река с ревом неслась между поросшими папоротником берегами. Позади гомонил город, готовясь к завтрашнему открытию празднеств, а впереди препиралась парочка верхом на лошади. К Луизе вернулся ее гонор, а к Джорджу его обычная невозмутимая разговорчивость: они препирались, как две вороны, которые не могут поделить сук. Непонятно было, продолжают они старый спор или затеяли новый. В конце концов они пришли к какому-то взаимному несогласию и продолжали ехать в состоянии хмурого

перемирия.

Гомон за спиной становился тише, а прибрежная тропа — все уже. Редкие хибарки у реки — все меньше и безлюднее. После второго брода Джордж свернул налево, на заброшенную дорогу. Заросшие колеи вывели на бугор, за которым открылось пастбище. Олениха с двумя пятнистыми оленятами запрыгала по высокому клеверу и перемахнула через разрушенную каменную изгородь. На дальнем краю луга перед некрашеными строениями ветви необрезанных плодовых деревьев гнулись под тяжестью фруктов. Это были остатки брошенной молочной фермы, в прошлом, видимо, амбициозного предприятия, и разорение его обошлось хозяевам дорого. Сарай был огромен, навесы для дойки и силосные ямы могли обслужить, наверное, сотню коров. Дом на три четверти сгорел, но, судя по оставшемуся, в свое время это было весьма привлекательное жилище. Дом был построен между двумя высокими кленами, в их тени. Фронтоны были широкие и низкие, так что их окна глядели из-под зеленых лиственных кленовых ресниц. Теперь клены были голые, погибли при пожаре, копоть черными веерами оттеняла пустые окна, как маскара — глаза ведьмы.

Джордж проехал мимо сгоревшего дома к массивному сараю и осадил мерина перед раздвижной дверью. Эта дверь из колотых досок была огромна — добрых семь метров от деревянного порога с желобом до железного рельса с роликами наверху и почти столько же в ширину, сколько в высоту. Фактически две двери, как их устраивали в сараях до того, как сено стали прессовать: створки раздвигались в стороны, чтобы мог въехать воз с горой сена. У того, кто соорудил эту двойную громадину, была дьявольски большая телега или же чертовски большие планы.

Створки запирались ржавой трелёвочной цепью, пропущенной в отверстие, обведенной вокруг обоих боковых брусьев рамы и выходящей из отверстия в другой створке. Концы цепи соединял висячий замок размером с копыто мула. В сарай не смогло бы прорваться стадо слонов, изголодавшихся по сену.

Джордж спешил и откуда-то из подштанников извлек ключ. Ключ был величиной с охотничий нож. Он засунул ключ в ржавую скважину. Мы с Луизой ждали на нетерпеливых конях.

— Можно подумать, старый жмот хранил здесь сокровища королевского замка, — как бы мне, но во всеуслышание заметила Луиза, — Может, бриллианты.

Ключ наконец провернулся, и замок со скрипом открылся. Джордж повесил его на штырь и с грохотом стал вытягивать цепь, звено за звеном.

— К сожалению, нет. У старика Джорджа нет короны с бриллиантами в его коллекции. Пока еще. Но говорят ведь, что дом человека — его крепость? Так вот, в моем доме и крепости тоже есть королевские сокровища... и их надо охранять, как любые другие.

— *Твоем* доме? — сказала Луиза. — Ты вряд ли так скажешь, когда Миллисент Макконки в очередной раз заявится сюда с неожиданной инспекцией.

— Ладно, в моем временном доме и замке. — Он повернулся ко мне. — Здесь раньше была молочная ферма Макконки. Я еще мальчишкой помогал Макконки и двум его братьям по хозяйству — и на моих глазах стадо выросло до сотни голов призовых гернси. Они были молочники, Макконки, но страшно упрямые, гордые и жадные. Молоко человеческой доброты ^[25] тут не доилось. Работников гоняли, как негров. В конце концов никто уже не хотел у них работать, кроме членов семьи. И меня, конечно, — я привык, что меня держат за негра. В конце концов, они и друг друга загоняли — всех, кроме папаши Макконки и его бедной маленькой дочки Миллисент, росшей без матери.

— Без матери? — сказала Луиза. — Я другое слышала. Я слышала, папаша Макконки был в близких отношениях с несколькими хорошенькими телками. У Миллисент, скорей всего, было целое *стадо* мамочек, тетюшек и бабушек.

— Луиза! Разве можно так говорить! Неудивительно, что тебя так и тянет к фургону этих мошенников.

— Нет, что-то там было неладно. Иначе откуда она такая тупая корова?

— Она не тупая, — возразил Джордж. — Она держит хороший косметический кабинет, а вечерами преподает в косметическом училище Юматиллы. Думаешь, тупая корова смогла бы так?

— А это, может, даже помогает. Ты когда-нибудь откроешь дверь?

Джордж возобновил свое занятие.

— В один прекрасный день папаша Макконки взял и поджег дом, а сам ушел в горы. Даже собака его за ним не пошла. Через семь лет его официально объявили умершим и вручили свидетельство дочери. Мисс Миллисент назначила меня сторожем. На случай, если старый папаша вернется с гор с коробком спичек, чтобы закончить дело. Говорю тебе, Нашвилл, это дом. Слезай и пособи мне.

Вдвоем мы налегли на дверь, и она отъехала с глухим гроыханием. Джордж подставил ладонь Луизе под ногу, чтобы она слезла, и ввел мерина в сумрачный сарай. Это было огромное, гулкое помещение, в темноте вырисовывались черные угловатые предметы, пахшие колесной мазью и

старым деревом. Джордж взобрался на один из них и отворил ставень наверху. Золотой сноп солнечного света пробил поднятую пыль и высветил покрытый ковром пятачок в безграничном пространстве. На золотом пятачке стояли кресло и аккуратно застеленная латунная кровать. Когда глаза привыкли к сумраку, я увидел, что стену около кровати украшают картинки родео и призы. На резном колышке висела гитара. В ногах кровати поблескивал кедровый сундук; на его лакированной крышке стояли парные кувшин и тазик. Среди хлама и грязи это был островок порядка, любовно обихожженный. Джордж запустил свой желтый стетсон на кроватный столбик и стоял, улыбаясь, в ожидании моей реакции.

— Первый класс, Джордж, — сказал я, — Замок.

Хозяин был польщен.

— Просто старый амбар со сквозняками. Но для старого потрепанного холостяка сгодился.

— Я всегда удивляюсь, Джордж Флетчер, — сказала Луиза, — как это потрепанный холостяк может быть таким опрятным. Ты уверен, что тут обошлось без женского влияния?

— Ну, как это без женского влияния? — оскорбился Джордж, — У меня ведь мисс Дженни Линн, забыла?

Он протянул руку в темноту, и там загудела как будто бы толстая струна. Что-то темное поползло в сумраке, как гигантский черный паук по паутине. Джордж подтащил лесенку, чтобы открыть еще один ставень, повыше. Свет из этого окна упал на темный предмет, оказавшийся обыкновенной бочкой, которая лежала на сетке плужных постромок, натянутых между стенами.

Джордж прыгнул и дернул еще одну ременную струну. Бочка вздрогнула.

— Нашвилл, познакомься с моей подругой детства — Прыгучей Дженни Линн. Она может шагать, может скакать, может на пол тебя бросать.

Я подошел к ней. Бочка была снабжена латунными болтами с ушками и подвешена горизонтально метрах в двух над полом. Спереди был приделан рожок седла. Сзади, в сливное отверстие, вставлен вместо затычки конский хвост. По бокам висели стремена, кавалерийские стремена, надраенные до блеска. Я поднял руку и провел по пузу бочки — оно было гладкое, как у младенца. Все приспособление было начищено до такого же матового блеска, как стремена. Клепки выглядели как вощенное дерево дорогой мебели. Железные обручи и латунные ушки блестели не хуже воскресного серебра у двоюродной бабушки Рут. Я присвистнул.

— Ага, — с улыбкой сказал Джордж, — Красавица. Ее соорудил для меня старый черный кавалерист Ти Спун. Стремена? Они от моего седла. Спун переделал их для работы на ранчо. Он был мастеровым у Макконки, а я его подмастерьем — ну и научился быть почти таким же оглоедом, как дошлый Спун. Но армейская жизнь приучила его к опрятности: побрит, помыт, начищен, рубашка не болтается, — и меня к этому приучил. Чтобы нос был чистый, штаны выстираны, башмаки блестели — пускай дырявые. Так же я и Дженни воспитываю.

Он провел рукой по ее деревянному боку, потом с легкой улыбкой повернулся ко мне.

— Ну что, ковбой? Хочешь на ней прокатиться? Я ее тихо поведу, честное слово.

— Не верь ему, — сказала Луиза. — Он обманщик и прохвост.

— Честью клянусь, — пообещал Джордж, — Тихо, спокойно, без фокусов. Просто закинь ногу и почувствуй ее, скажешь, хороша ли на ходу — как наездник наезднику.

Джордж потянул за один ремень, чтобы я мог дотянуться до рожка. Я вставил ногу в стремя и оседлал бочку. Она задрожала в паутине ремней. Я вставил ногу в другое стремя и уселся поустойчивее. Качнулся раз-другой и улыбнулся сверху Джорджу. Он все еще держал ремень.

— Хороша на ходу, — сказал я.

— Еще бы.

— Но ощущение зыбкое, — заметил я, — Боюсь, может оказаться норовистой. — Беспокоил меня ремень в руке Джорджа, — Если отпустишь повод, может, она будет меньше нервничать.

Джордж сказал:

— Может, ты и прав.

И отпустил постромку. Весь сарай загудел, как огромный контрабас. Волна пошла по тугому ремню, и бочка резко взбрыкнула левым плечом, как делают иные хитрые лошади, когда хотят сбросить новичка еще до того, как он уселся. Но Джонатан Спейн, несмотря на юный возраст, новичком не был. Я погасил толчок, перенес вес влево. И тут понял — с опозданием, — что этот взбрык вовсе и не был настоящим взбрыком: это был финт. Волна отразилась от стены и вернулась справа, только усилившись. Чертова штука обманула меня, использовав энергию моей реакции, чтобы удвоить силу волны. Не успел я опомниться, как уже сидел на полу и, мигая в пыльном луче света, смотрел на склонившихся ко мне Луизу и Джорджа. Я попробовал улыбнуться.

— Вот это подковал. Представляю, каким дураком я выглядел.

Джордж помог мне подняться и стал отряхивать.

— Это было не нарочно, Нашвилл. Ты сказал: отпусти. Ничего не сломал?

Я заверил его, что цел. Он перестал меня отряхивать, отступил, потер подбородок.

— Ты сидел слишком жестко — вот в чем дело, если хочешь знать. Сидел, как банкир-баптист на личной скамье в церкви. Если надеешься чего-то добиться на родео, прими толковый совет. Первое — всегда старайся сидеть гибко и не думай о том, что по-дурацки выглядишь. Видишь этот конский хвост? Конский хвост, может, тоже по-дурацки выглядит, болтается, мотается, будто для смеха приделан, но ты когда-нибудь видел, чтобы лошадь стряхнула хвост? Потому что он гибкий! Давай-ка размягчись и попробуй еще раз.

Я попробовал и снова был сброшен на пол. На этот раз никто даже не трогал ремней. Я сидел и откашливался в облаке поднятой пыли. Джордж не помог мне подняться.

— Слишком жестко держишься, — строго повторил он, — И недостаточно гибко. А ну-ка. Попробуем немного опустить стремяна...

На выручку пришла Луиза.

— Не надо! — сказала она, отмахнувшись своим китайским веером и от пыли, и заодно от Джорджа. — Отстань от парня. Какая может быть гибкость после такой дороги в скотском вагоне, ночной беготни по крышам и пьянства. А ты еще донимаешь его со своей дурацкой старой бочкой. Как не стыдно.

— Послушай, моя золотая, — запротестовал Джордж с самой открытой, самой ослепительной улыбкой. — Я просто даю умный совет зеленому пареньку, как наездник наезднику.

— Оставь ты его в покое! Что-то я тебя на ней не видела последние годы, Гибкий. Может, ты сам уже зеленый, заплесневел?

Тут глаза у Джорджа засверкали не хуже улыбки. Ни слова не говоря, он отошел и сел на кровать. Напевая с закрытым ртом, он снял сапоги. Когда сапоги были аккуратно поставлены рядышком, он встал, снял стетсон с кроватного столбика и надел на голову. Ленивым шагом он вернулся к бочке и стоял рядом, не трогая ее и напевая, как напевают всадники, чтобы успокоить нервную лошадь. Внезапно он схватился за седельный рожок и, будто без малейшего усилия, подбросил себя в воздух. Он даже не коснулся стремени. Он сразу встал обеими босыми ногами на спину бочки — встал в полуприседе, пружиня коленями, как канатоходец, дожидаящийся, чтобы успокоился канат. Потом медленно выпрямился и

раскинул руки.

— Друзья? — Он посмотрел на нас сверху. — Вы готовы увидеть что-то — как выразился этот горластый змей? — что-то совершенно исключительное? Тогда дерните несколько ремней, и пусть брыкается!

Луиза издала радостное восклицание и дернула за первый же ремень, до которого смогла допрыгнуть. Бочка чуть-чуть дрогнула. Луиза дернула сильнее. Джордж только скрестил руки на груди и пропустил под собой пертурбацию с таким видом, будто ему было скучно от этих ничтожных колыханий. Он запел короткую песенку, словно желая скоротать время.

Эх, я констебль в Охломонвилле,
Где у людей лошадей уводили.
Мое имя Джошуа Эбenezер Фрай...

— Берись за ремень, Джонни! — крикнула Луиза и дернула еще сильнее.

Джордж запел громче:

Я старый волк, в охоте знаю толк,
Меня не проведешь, ты так и знай.

— Хватай два ремня, — завопила она, — чтобы этот зазнавшийся сукин сын шлепнулся на свою нахальную задницу!

Мы дергали, отпускали и трясли ремни изо всех сил, так что бочка расплылась в неясное пятно. Джордж продолжал петь, ни разу не запнувшись. Лицо его было — маска наигранной скуки. «Нахальной» — правильное слово! Как мы ни старались, сбросить его не удалось. Я подумал, что мы действительно наблюдаем нечто исключительное — он раскачивался в правильном ритме и распевал, словно какой-то закопченный ангел. Нет, в самом пении ничего ангельского не было. В ноты он попадал точно, но голос был совершенно земной, резче резкого. И пел он совсем не в ритме движения бочки. И действовал против ритма. Когда к нему подходила волна по ремню, он не перепрыгивал ее — тогда она вернулась бы с удвоенной силой, как было со мной, — он прыгал *отдельно* от нее, перед ней или после, или комично извернувшись боком, как прыгнул бы клоун. Вот в какой роли, наверное, он выступил бы лучше всего на родео: клоуном. Хорошему клоуну на родео требуется совершенно особое умение.

После несчастья с рукой были сезоны, когда я пробовал работать клоуном при езде на быках. Тогда я узнал, что на самом деле требуется в этой работе. Зрители думают, что твоя задача выручить драгоценного седока, когда он сброшен на землю. Они думают, ты влезашь между быком и наездником, чтобы быка отвлечь, чтобы он попер на тебя вместо него. Думают, что для этого нужна храбрость, чутье и незаурядная ловкость, — все эти качества у Джорджа были в избытке. Но они не понимают, что важнейшее качество, необходимое в этой профессии — и антрепренеру, и его бухгалтеру, и болельщикам, и *самому наезднику* — способность сделать спектакль увлекательным. Публика любит, чтобы ее подвели к самому краю опасной бездны, поглядеть в нее, пока дрожь не проберет, а потом — чтобы благополучно отвели от страшного. Это — задача клоуна на родео. После того как он вытащит безусого паренька из-под топчущей тонны разъяренного мяса, он должен повернуться и танцевать перед этим живым тараном. Бросать в него грязью, плевать, поворачиваться задом и пукать — как угодно чудить, чтобы превратить страх в смех, надсмеяться над чудищем. Кассиус Клей делал так с Сонни Пистоном [\[26\]](#). Джо Намат — с «Колтами». Впервые я увидел этот смешной танец, когда Джордж Флетчер паясничал на бочке и распевал «Джошуа Эбенезера Фрая»:

Ну, пора мне тронуться в путь.

Просыпайся, Наполеон, в воздухе пахнет дождем.

Нас с Луизой такой разобрал смех, что мы уже не могли держаться за постромки. Она даже села на пол от смеха. И я сел на горку сена. Бочка уже не взбрыкивала, а только подрагивала. Джордж стоял, прижав руку к сердцу и откинув голову, как исполнитель гимна на открытии первой Мировой серии [\[27\]](#).

Надо сено навивать, или нам несдобровать.

Заходи, если будешь на ферме, — мы тебя ждем.

Он невесомо спрыгнул на пол. Бочка чуть качнулась. Если и поднялась какая пыль при его приземлении, то — от шляпы, которой он взмахнул над полом, сделав поклон.

Луиза в ответ сделала реверанс, потом сказала, что ей надо приодеться перед работой, — не подождем ли мы снаружи, если не трудно. Джордж

обулся, и мы вышли посмотреть, как там наши кони. На эту ночь, по крайней мере, Стоунуолл был пристроен. Мы разделись до пояса и ополоснули лица у водопойного корыта. Когда Луиза вышла к нам, мы оба широко открыли глаза. Волосы она собрала в большой узел на макушке и увенчала тиарой из горного хрусталя. Блузку повернула задом наперед и спустила с плеч, так что показались пенистые кружева рубашки, а из-под юбки выпущена была одна из нижних юбок кринолина, пурпурная. В хрустальной своей короне она выглядела как цыганская королева. Оранжевый кушак через плечо был королевской мантией, а сложенный веер — скипетром.

— Узри волшебство женщины, — сказал Джордж. — Королевская судомойка преобразилась в королевское лакомство. Ммм! — Он шагнул к ней, облизываясь, — Бифштекс из грудинки под коричневым соусом, печеный ямс и сливочное масло. А на десерт заварной крем с карамелью, так и пенится.

— Замолчи. — Луиза остановила его наступление тычком веера. — Хватит чепуху городить. Не будь ты таким старым и шелудивым, мистер Флетчер, непременно вскрыжил бы девушке голову своими речами.

— Будем надеяться, — сказал он, предлагая ей руку. — А не пройтись ли нам вдоль речки, покажем городу, каковы люди высшего разбора.

Позднее солнце еще пекло, и над лугом, где давеча паслись олени, колебался раскаленный воздух. Жарко было даже возле речки. Ивы опустили ветви, черные дрозды с красными крыльями сидели в ветвях, разинув клювы. Но зной как будто не утомлял Джорджа. Когда я сказал Луизе, что изумляюсь тому, как этот шелудивый старый жеребец резвится на таком пекле, словно жеребенок, она ответила, что причиной тому — резвое молодое общество. Джордж немедленно согласился.

— При виде молодки старый жеребец всегда резвеет. Особенно в присутствии благородной, длинноногой, кофейного цвета кобылки. — Джордж ускорил шаги, а потом пошел назад, чтобы посмотреть ей в глаза, — У него слюнки текут.

— Я заметила, как ты облизывался.

— Я нагулял аппетит, пока знакомил нашего Нашвилла с мисс Дженни Линн. До того голоден, что готов сжевать китовый ус из одной — как бы это выразиться — невыразимости.

Чтобы не засмеяться, Луиза зашагала быстрее. Джордж пятился перед ней, как рак. Он просил ее удостоить нас удовольствия отужинать в ее обществе. Она сказала, что у нее свои планы на ужин и связаны они с работой, а не с удовольствием — подавать к столу в салон-вагоне.

— Тогда после работы давай встретимся у Хукнера, — предложил Джордж, — И станцуем кадрили.

— У Хукнера! — Она покачала головой. — Нет, ты дурак, Джордж, факт. Эти охломоны станцуют там кадрили на твоей глупой черной физиономии.

— О нет, — сказал Джордж, — Только не сегодня вечером. И не в эти три дня.

И он опять запел скрипучим голосом, пятась вприпрыжку и в такт песне:

Кофе на белых дубах растет,
В реке течет виски.
Я найду ту, что со мной пойдет
И будет слаще ириски.

Я узнал песенку, старую южную школьную песенку, только у Джорджа, в соответствии с его натурой, она звучала залихватски. Я растянул плоскую травинку и стал ему подыгрывать.

— Поете, как поросенок, застрявший в заборе, и кролик в силке, — засмеялась Луиза.

Но следующий куплет запела вместе с нами, высоким нежным голосом, шагая в ногу с Джорджем.

Два посередке, и я не танцую, Джози,
Три посередке, и в голове туман.
Посередке четыре, и тебя не догнать, Роза,
Здравствуй, Сюзи Браун.

Они спели всё снова в удвоенном темпе, с ладушками, потом снова, еще быстрее. Ритм все ускорялся и ускорялся, и в конце концов мы не выдержали и расхохотались, как дети.

— Хватит, — отдуваясь, сказала Луиза, — Вон мостик на станцию, мне нельзя опаздывать. Кое-кому из нас надо работать ради хлеба.

— Приходи потом в город. Там будет дым коромыслом. Скажи ей, Нашвилл.

— Если вечером будет как днем, то дым — до неба. А в вашем обществе, Луиза, — до седьмого.

Я поймал себя на том, что становлюсь языкастым, как Джордж. Луиза тоже это заметила. Она подняла брови и улыбнулась мне.

— Спасибо, Джонни. Но мне надо вернуться в поезд. А вы, молодые люди, подойдите тихонько сзади к вагону-ресторану — может быть, мне удастся вынести вам угощение. Сегодня у нас южная кухня — оленья вырезка, горох, оладьи.

— Это очень мило с вашей стороны, мисс Джубал, — сказал Джордж, — И соблазнительно. Но я хочу продемонстрировать нашему гостю с Юга наше северное гостеприимство. Тогда, может быть, попозже?

— Может быть, — сказала она, взмахнула юбками и под развернутыми знаменами поплыла по подвесному мостику.

Я никогда не видел ей подобных. В те времена на Юге не было места таким женщинам, как Луиза Джубал, — ни черным, ни белым. Здесь, на молодом неотесанном Западе, жизнь еще не вошла в настолько цивилизованное русло, и женщина, подобная Луизе, могла хорохориться сколько влезет — если не опоздала на работу.

Глава восьмая

Самые хитрые силки

Когда я поднялся с постели и стал ходить, мне нетрудно было найти твою палату. Хорошо, что тебя поместили в дорогую, просторную. У тебя была масса посетителей. А вот идет компания «Выживающих» после налета на супермаркет — с Номером Девятым во главе.

— Нашел тебя по запаху сигары.

Разреши открыть у тебя окно. Если бы ты мог встать и выглянуть, увидел бы, где был тот пешеходный мостик. Его снес буран двадцать второго года, ледышки величиной с «бьюик». Или тридцать второго? За эти годы я видел много перемен, но река сохранилась более или менее в прежнем виде. Благодаря ей и стоит здесь город, и лишь во вторую очередь — благодаря пшенице и скоту. Эта вырезанная рекой маленькая арена собирала публику с тех пор, как мы лишились хвостов. Видишь, как это кольцо невысоких гор окружает ее, словно трибуны. Может быть, еще пещерные люди сходились сюда каждую осень — объезжать мастодонтов и стреноживать саблезубых тигров. Как сказал мистер Келл, здесь всегда было место сбора индейских племен. Это видно по наскальной резьбе. А потом — первопроходцев, потом — трапперов и поселенцев. Некий Джо Крабб построил салун. Еще двое предприимчивых людей расширили салун, превратили в факторию и построили паром. Рядом поставил свой дом судья Джей Джей Джонсон и стал вершить суд. Это означало, что нужна и тюрьма. Ну а когда у вас есть салун, паром, судья и тюрьма, у вас есть город. До сих пор видны тележные колеи, которые вели к паромной пристани.

Одной из них и была тропинка, по которой шли мы с Джорджем. Тропинка расширилась в дорогу, а дорога — в улицу, застроенную домами. Мы шли в задумчивом молчании. Не знаю, о чем размышлял Джордж, а я лично думал об ужине. Солнце скатилось за гору, из кухонных окон лились аппетитные запахи. Это вывело Джорджа из задумчивости. Он поднял голову и принялся. Нос его, как стрелка компаса, повернулся в сторону самого великолепного дома на улице. Это был трехэтажный особняк, покрашенный ослепительно белой краской. На веранде, на качелях курил полный мужчина в белой рубашке и белом жилете. Увидев нас, он подошел к перилам с коробкой сигар в руке.

— Джордж! Джордж Флетчер! Заходите сюда, угоститесь сигаркой. Высшего качества.

Джордж послушно повернул к воротам.

— Большое спасибо, мистер Меерхофф, — Джордж взял сигару и поднес к носу. — Ммм, да. Вот это аромат. Вы всегда умеете выбрать самое лучшее. — Он жестом подозвал меня, — Нашвилл, перед тобой один из судей на родео. Имей в виду. Мистер Меерхофф, с этим молодым другом мы познакомились на экстренном поезде. Пожмите руку Джонатану Э. Ли Спейну. Он приехал к нам из Теннесси.

Губы у мистера Меерхоффа были влажные, ладонь — нежная и мягкая.

— Ах, Теннесси, — восхищенно сказал он, — Табачный край. Эти тонкие сигары прибыли грузом с Юга на том же самом поезде, — Он протянул мне коробку. — И вы, молодой человек. Возьмите, это высший сорт. Возьмите две, в честь генерала Роберта Э. Ли.

— Сэр, вы очень щедры, — Прошлой ночью я так надышался сигарным дымом, что, наверное, почтил и генерала, и всю мятежную армию. Я хотел уже отказаться, но Джордж толкнул меня локтем. — Оставлю ее на потом, — Еще толчок, — Оставлю обе — Я опустил сигары в карман рубашки.

— Я сам сходил на станцию, — продолжал мистер Меерхофф, — чтобы сразу выгрузить эти сигары из вагона. Но в эти дни мы выгружаем только питье и курево, верно, Джордж? Другим предметам первой необходимости, типа фасоли и колючей проволоки, придется подождать до будущей недели.

— Верно, — согласился Джордж, — Подождут, — Он продолжал принохиваться.

— Позвольте поднести вам огоньку, — сказал мистер Меерхофф, — Зажженные, они пахнут еще ароматнее.

— Я прислушивался к другим ароматам, мистер Меерхофф. Это тушеная капуста с солониной, да? Помню запах по тем временам, когда помогал миссис Меерхофф делать заготовки.

Меерхофф принялся.

— А, кажется, да. Миссис Меерхофф старалась точно следовать немецкому рецепту моей мамы. Дочери тоже всячески стараются, но, чтобы делать капусту, как моя мама, мир ее праху, надо иметь воспоминания о родине. Ах, капуста с солониной...

На лице его появилось странное выражение. Печальное и слегка сумасшедшее, мне показалось. Как будто он сейчас сморщится и заплачет.

А потом вдруг его что-то удивило. С веселым видом он повернулся к Джорджу:

— Могу ли я надеяться упросить вас и вашего молодого товарища разделить с нами ужин? В честь миссис Меерхофф, да хранит ее Вседержитель.

— Нет, сэр, мы не можем... незваные гости... — сказал Джордж. — Это будет неприлично. Правда, Нашвилл? Нет, сэр, неприлично.

Весь облик Джорджа претерпел превращение. Он как будто стал ниже ростом, согнулся. Сделался неуклюжим, раболепным. Даже дышать стал как-то подобострастно, с присвистом. Я понял его стратегию и тоже ссутулил плечи:

— Совсем неприлично.

— Все равно мы очень признательны, — сказал Джордж. — Мы с парнем направлялись в таверну Хукнера. Мистер Хукнер подает из черной двери жареные индюшачьи гузки, по пять центов тройка. Но все равно, за приглашение благодарны.

Джордж поплелся прочь, я зашаркал за ним следом. Голос Меерхоффа заставил нас остановиться.

— Джордж Флетчер! Я буду глубоко оскорблен, если вы с вашим другом не останетесь, — Голос его звучал сурово, но лицо по-прежнему было веселым, — Миссис Меерхофф тоже оскорбилась бы. Помните, она всегда настаивала, чтобы вас пригласили к столу? Будь она с нами сейчас, она была бы очень обижена.

Джордж медленно повернулся:

— Вы правы, мистер Меерхофф, кругом правы. Видно, я забыл и миссис Меерхофф, и приличия.

— Значит, решено. — Меерхофф широким жестом показал на дверь. — Теперь идите на запах.

Следуя за своими носами и пухлым задом хозяина, мы вошли в дом. Внутри он был еще великолепнее, чем снаружи: мягкая темная мебель, блестящие дубовые полы. За дверью столовой мы увидели накрытый к ужину длинный стол под полотняной скатертью. На языке, которого я прежде не слышал, Меерхофф позвал кого-то из кухни. С шелестом юбок появилась пухлая молодая женщина и сделала книксен. Лицо ее обрамляли темные локоны, и длинные ресницы трепетали, когда она посмотрела в мою сторону. Она сцепила руки под пышной грудью в обтягивающей белой блузке и тяжело дышала.

— Папа, мы поставили еще два прибора, — дыша, сказала она. — Увидели из кухонного окна, что у нас могут быть гости.

— Моя старшая дочь Рут, — сказал мистер Меерхофф, — Теперь — хозяйка дома. Рут, это мистер Джонатан Спейн из Теннесси.

Ее ресницы опять затрепетали, она одарила меня взглядом, подобным сахарной пудре на штруделе, и с шелестом ушла. Меерхофф сунул сигару горелым концом вверх в жилетный карман, занял место во главе стола, а Джорджу и мне показал на стулья справа и слева от себя.

Дверь кухни распахнулась, и показалась еще одна пухлая брюнетка, только задом и в облаке пара. Когда она повернулась, я увидел, что пар идет из громадного блюда с тушеной капустой и солониной. Блюдо размещалось под грудью, еще более пышной, чем у сестры.

— Моя вторая дочь Наоми, — сказал мистер Меерхофф. — Наоми, мистер Джонатан Спейн.

Взгляд, которым обволокла меня эта дочь, был еще более сладким — как теплая карамель. Дверь опять распахнулась. Я испугался этого нового блюда: если и дальше так пойдет, она будет такой сладкой, что получишь сахарный диабет от одного только взгляда. Но третья дочь оказалась настолько же костлявой и едкой, насколько пышны и сладки были две первые. Она была тонкой и гибкой, как мальчик. И не брюнетка. Волосы у нее были цвета новой пеньковой веревки и собраны в тугий узел на затылке. Блузка тоже белая, как у сестер, но явно с чужого плеча — велика на несколько размеров. Тоже — и темная юбка. Из-под подола выглядывали мексиканские сапожки с серебряными мысками; она топала в них, как мальчишка, изображающий ковбоя. В одной руке она несла кувшин с темным пивом, в другой — полную тарелку свежее испеченных булочек. Она стрельнула в меня глазами и со стуком поставила на стол кувшин и тарелку. Мистер Меерхофф возвел глаза к небу.

— Моя третья дочь Сара. Сара, познакомься с Джонатаном Э. Ли Спейном. Мистер Спейн — соотечественник выдающихся южных генералов.

— Здравствуйте, полковник, — сказала девица вежливым и вместе с тем ядовитым тоном.

Она села рядом со мной. Хотя она старательно смотрела в сторону, я ощущал ее внимание — она приценивалась ко мне, как торговец лошадьми. Я чувствовал себя в окружении трех ловушек, и эти последние силки, похоже, были самыми хитрыми. Когда мистер Меерхофф закрыл глаза и начал молитву на иностранном языке, мне сильно полегчало. В конце все сказали «аминь», но папа Меерхофф еще не кончил. Он поднял розовый палец.

— Дочери мои, подождите. Из уважения к нашим гостям — теперь по-

английски. *Благослови* сию пищу, дабы слугам *Твоим* достало сил совершать труд Твой, Бог наших отцов, Вседержитель. И благослови сих незамужних дочерей, дабы сохраняли веселость в своих трудах. И благослови наш дом, ибо сей есть дом Господа...

И так далее. И еще много всего. Было ясно, что повторялась эта молитва всегда слово в слово и что он выделял голосом всегда одни и те же слова, но, подойдя к заключению, он поднял глаза на Джорджа и выпустил слова на новую территорию. На лице его опять было печально-ошалелое выражение.

— И еще, Бог наших отцов, благослови Джорджа Флетчера, дабы одержал победу и возликовал... ради всех погранных народов Твоих, во благо укоряемых и презираемых, ради оправдания оклеветанных горько и покарания клеветников, да низвергнуты будут они в Преисподнюю. Дабы воздалось безвременно ушедшим и беспомощным в своих могилах, бессильным ответить поношениям злоязыких, бессильным... бессильным...

Он запнулся, открытым влажным ртом ловя воздух и вдохновение. Молитва приобрела озлобленный характер, нам стало неловко, смутились и дочери. Не дав бедняге отдышаться, Джордж выкрикнул: «Аминь!» Худая дочь, моя соседка, подхватила насмешливо:

— Аминь! Жить невозможно с ними, даже умереть невозможно. Они тебя выкапывают и гложут.

— Сара, не огорчай нас, — сказал Меерхофф, — Будь милой, как твои сестры, — Он взял нож. Пока он резал мясо, вернулась его влажная улыбка, — Мистер Спейн, извините мою горячность. Но вы должны понять: для некоторых из нас Джордж Флетчер стал героем. Нашим символом. Изрядное повышение в статусе, правда, Джордж? С той поры, когда вам не позволяли ехать на лошади лицом вперед.

— Да, сэр, кое-какая вода утекла с тех пор, — ответил Джордж. — Но я все тот же никчемный пастух, который, бывало, ездил задом наперед... все тот же грубый шут.

— Не верьте ему, — сказал мне Меерхофф, — Да, он бывал и шутком, и, случалось, неотесанным, но никогда не был никчемным. Джордж и такие, как он, — рука, помогавшая Господу укротить этот враждебный край. Этой руке иногда приходится быть грубой, понимаете? Чтобы укротить дикую страну. Вы-то понимаете, Джордж?

— Наверное.

По тону Джорджа было понятно, что с религиозной и философской дискуссией придется подождать. Он молча склонился над своей тарелкой.

Мы с Меерхоффом болтали о моем доме и странствиях, и какое-то время ужин протекал спокойно. Потом между сестрами завязалась легкая перепалка из-за того, чья очередь готовить кофе. Мистер Меерхофф разрешил спор, как принято у большинства родителей: в сомнении поручи работу младшему. Младшая снова с насмешкой сказала «аминь» и затопала в кухню, оставив дверь приоткрытой, чтоб мы слышали, как она мелет. Средняя сестра громко заметила, что Сара — избалованная девчонка. Джордж попытался пролить масло на бушующие волны, заметив, что маленькая Сара становится все больше и больше похожей на маму в этом возрасте — когда мистер Меерхофф еще не перевел свой бизнес в город. При упоминании о жене мистер Меерхофф опять захлюпал. В конце концов он встал из-за стола, извинившись, что не хочет обременять нас своим горем.

— У нас есть новый ролик для пианолы. Дебюсси. Мне кажется, чудесно подойдет к десерту.

Вскоре из гостиной полились печальные звуки фортепьяно, сопровождаемые всхлипыванием, вздохами и стонами. Все молчали, пока из кухни не вернулась Сара с кофейным подносом. Она ехидно наморщила нос:

— Кажется, Дебюсси подхватил мыт.

Сестры пожурили ее за дерзость, но на меня она произвела впечатление. То, что балованная дочка купца в маленьком городе слышала о Дебюсси, меня не особенно удивило, но это упоминание мимоходом о редкой болезни носоглотки у лошадей было неожиданностью. Трудно ожидать таких познаний от богатенькой девицы. Или же сапоги с серебряными мысками, выглядывавшие из-под розовых кружевных юбок, не были надеты понарошку.

— Скажите, мисс Меерхофф. Я нечаянно заметил на вас интересную обувь. Вы ездите на лошадях?

— Езжу ли я, мистер Спейн? — Все тот же смех и короткий, острый взгляд. — А толстый щенок пернет, когда...

— Сара! — хором ужаснулись сестры.

Сара договорила прибаутку, а отец вышел из гостиной, чтобы ответить на мой вопрос.

— Сара не только ездит — она одна из Принцесс нашего родео. Кронпринцесса. Только одна дама получила больше голосов: знаменитая наездница Прерия Роз Хендерсон.

— Которая скорее лошадь, чем дама или наездница, — пояснила Сара. — Ей не хватает только копыт и хвоста. Да, я езжу, полковник Спейн.

Вы не заметили, кто тут больше всего скачет туда и сюда? Вы хотели кофе? Сара — рысью за кофе. Вы хотели сахару? Топ, топ, топ. Хотели молока — ой-ой-ой! Наоми извела все молоко на яблочный штрудель. Может быть, мне сбегать в город, за лошадиным, если Прерия Роз позволит себя...

— Са-ара!

— Вы правы, для дойки поздно. Может быть, у Петерсенов осталось в леднике.

— Черный — прекрасно, — быстро соврал я. — Я всегда пью черный.

— Не выдумывайте, полковник Спейн. Южные джентльмены всегда пьют со сливками, это всем известно. Только конные бродяги пьют черный. Терпеть не могу конных бродяг. У всех у них темное прошлое и туманное будущее. Сбегаю к соседям, попробую занять чашку сливок.

— Сара?.. — сказал мистер Меерхофф.

— Да, постараюсь просить сладким голосом. Хотя, боюсь, Рут и Наоми весь сахар тоже использовали.

Когда она, топая, вышла в переднюю и скрылась из виду, Меерхофф рассмеялся.

— Она себя так ведет, потому что вы ей понравились, Джонни. Это хорошо, это хорошо. С тех пор как умерла мать, Саре мало кто нравится. Но вы, замечаю, понравились.

Меня это наблюдение мало утешило. Если так она отбрасывает тех, кто нравится, не уверен, что хочу нравиться дальше. Ее долго не было — долгая мирная четверть часа. Меерхофф и Джордж обсуждали работы, для которых понадобится дополнительная рабочая сила после празднеств. Две старшие сестры надвинулись и завалили меня сладостями и вопросами. К тому времени, когда вернулась Сара с молочником сливок, я почувствовал, что немного перегружен. Рут заставляла меня съесть еще ломтик чего-то, называвшегося халвой, а Наоми налегла с другой стороны на стол, бесстыдно выставив блюдо своих роскошеств.

— Съешьте еще блинчиков с яблоком, мистер Спейн. Очень сладкие, очень вкусные.

— Большое спасибо, дамы, но я, по-моему, уже обЛИнился.

Это впервые вызвало смех у насмешливой Сары.

— А там, откуда вы родом, разве не любят сладкое?

Теперь я разглядел, что глаза у нее серо-стальные и в остром их взгляде есть и дерзость и загадочность. Я не ошибся — эта ловушка тут самая опасная.

— Очень умеренно, мэм, — ответил я, — От избытка пирожных и вообще сладкого у меня слегка... мутится в голове.

— Да? — сказала она. — Тогда Сара подливает вам кофе. На этот раз можете со сливками.

Она снова наполнила чашку и поставила передо мной. Когда она наклонилась, чтобы налить сливки, ее свободная, с чужого плеча блузка открыла пару китайских яблочек, таких востреных, какие вряд ли увидишь на ветвях. Она передразнивала сестрину демонстрацию и вместе с тем не желала отстать. А китайские яблочки могут быть не менее интересны, чем канталупы, даже самые сладкие.

Меерхофф встал с чашкой на блюде.

— Не надумали покурить, Джордж? Поскольку другими ароматами мы уже надышались.

Широкая мокрая улыбка засвидетельствовала, что дуракаваляние Джорджа на веранде его нисколько не обмануло. Это была у них старая игра.

— Я с удовольствием, мистер Меерхофф, — сказал Джордж.

Извинившись, мы встали из-за стола и втроем удалились, как говорится, в кабинет хозяина.

Потертая мебель пережила множество послеобеденных бесед за многие годы — еще в другие времена, в другой стране. Меерхофф принялся рассуждать о положении в мире. «Вся Европа поглощена... новые границы... Запад встречается с Востоком... Торговая экспансия в Китае...» Джордж вежливо слушал, кивал и пыхал дымом, как паровоз на остановке. Я по его примеру изображал внимание и старался не затыгиваться. Чем дальше Меерхофф говорил, тем больше ерзал Джордж. Когда его сигара была вежливо докурена до середины, Джордж сказал «кхе-кхе» и встал.

— Мистер Меерхофф, я бы с радостью остался побеседовать. Честное слово. Но обещал нашему парню пройтись с ним по городу, чтобы познакомился с ночной жизнью Пендлтона. Так сказать, проветриться.

Лицо Меерхоффа выразило озабоченность.

— Не уверен, что это разумно, Джордж. В атмосфере чувствуется буйство, оно может принять зловещий и опасный характер. На месте Джорджа Флетчера я бы воздержался от прогулки. Не лучше ли остаться здесь и поболтать? Можем послушать пианолу.

— Я уже дал слово, — не уступал Джордж, — И обещаю, мы будем избегать опасных влияний.

— В таком случае, я избегал бы заведения Хукнера. Держите дальше от него путь ваш и не подходите близко к двери его — ни к парадной, ни к задней. Там не только индюшачьи гузки поджаривают.

— Хороший совет, мистер Меерхофф. Да, сэр, хороший совет. Спасибо

вам за заботу. Мы будем держать себя в узде.

На дворе смеркалось, и за дверью голос Джорджа обрел обычную насмешливую скрипучесть.

— Некрасиво так срываться — мистер Меерхофф обычно подает бренди под пианолу. Но потом его тянет молиться, а потом горевать о жене. А потом он плачет. Кроме того, от избытка европейских разговоров и сладостей человек пухнет. Но ужин был первоклассный, а?

Я согласился. Первоклассный.

— Ну что, надеюсь, девчонка Сара не очень тебе досадила? Это озорство у нее от матери ирландки. Приходится терпеть, что поделаешь.

Я сказал, что не досадила. Ни капли. Я надеялся как-нибудь в скором времени опять потерпеть это озорство. Взгляд мой привлекло вдруг осветившееся окно на верхнем этаже. Она стояла там в ночной рубашке. В одной руке держала свечу, в другой — маленькую ирландскую арфу. Увидев, что я смотрю, она подняла свечу к щеке. И за секунду до того, как задуть ее, подмигнула мне — отчетливее некуда.

— Сара всегда была задиристой девчонкой, — сказал Джордж, открывая калитку в штакетнике.

Я вышел за ним, ничего не ответив. На улице он снова запел:

Кофе на белых дубах растет.

В реке течет виски...

Я догнал его, пристроился в ногу. День у меня получился наполненный, если считать по тому, что случилось со мной в первый раз. Первая сигара, первый раз мне подмигнула девушка, первый ужин под не баптистскую молитву. Завтра мне предстояло ехать на открытие Первого чемпионата мира по родео. А сегодня ночевать с индейцами на древней стоянке, куда сходились для переговоров племена до всякой письменной истории. И до постели было еще не скоро.

Я найду ту, что со мной пойдет

И будет слаще ириски.

Глава девятая

Как следует помыться

Мы с Джорджем шагали посередине бурлящей улицы под газовыми фонарями и глядели по сторонам. По дощатым тротуарам сплошняком — по четверо в ряд — двигались люди, а вдоль бордюров в несколько рядов стояли брички, повозки, «фордики». Моторы автомобилей ворчали, белоглазые лошади топали. Фермеры с семьями отдыхали у повозок и беседовали о своем, фермерском. Ковбои, прислонясь к чему можно, курили в уединении, которое ковбои всегда находят под полями своих шляп. Под угловым фонарем на земле ребята играли в шарики.

В буче пендлтонского центра Джордж притих. Хотя он этого не показывал, предостережение Меерхоффа на него подействовало. Если его окликали, он подносил пальцы к шляпе, проборматывал несколько слов и шел дальше. Так мы прошли все четыре квартала по главной улице. Когда повернули обратно, я сам уже чувствовал легкое беспокойство. Под праздничным весельем как будто притаилось злое буйство. Любой пьяный выкрик или гогот мог стать сигналом к заварухе. Такое же ощущение назревающего взрыва было у меня на Бил-стрит ^[28] накануне Южных скачек — только по другую сторону цветного барьера.

— Ничего себе гулянка, — заметил я, желая успокоить Джорджа да и себя заодно. — Город, наверное, расцвел.

— Наверное. — Джордж посмотрел на меня меланхолически, — Расцвел...

Он хотел сказать что-то еще, но нас отвлекла серия громких хлопков. Похоже было на выстрелы дешевого пистолета. Из толпы в баре, визжа, выбежал молодой китаец. Он с криками пробежал мимо нас: к его косичке была привязана низка горящих шутих. Он внезапно исчез на другой стороне улицы, словно провалился под землю. Джордж закончил прерванную фразу:

— ...только думаю иногда, не будет ли *мой* цвет тут лишним.

Он продолжал идти с еще более грустным видом. Бедный Джордж, подумал я, может, и не стоит тебе чересчур резвиться нынче вечером. Когда мы проходили мимо кучки ржущих шутников, он вдруг остановился.

— Внемли! По-моему, это его преподобие Линкхорн за пианино.

Из двери таверны неслось бречание пианино. Его сопровождал

оркестр, ужасно исполнявший песню «Девушка из Буффало». Все вместе это напоминало бунт на котельном заводе.

— Его преподобие — мой дальний родственник, — сообщил Джордж. — С новоорлеанской стороны. Музыкальная родня. Когда не работает проводником на рейсе и не трудится для Иисуса, он нанимается играть на пианино. Ей-богу, Нашвилл, бедному дяде Сильвестру сегодня не помешало бы подкрепиться для Иисусовых трудов. Нам всем не помешало бы выпить.

Он развернул плечи и направился к двери таверны, я — за ним. Пока он протискивался сквозь толпу шутников, смех сменился изумленными взглядами. Перед входом в глаза мне бросилась вырезанная на дереве надпись «Хукнер». Похоже было, что вырезана она разбитой бутылкой.

Гам в заведении стоял невообразимый. В дыму под люстрой толклись и кричали сильно пьющие ковбои, горожане и туристы. Вокруг грубо оструганных столов с видом на улицу сидели на хлипких стульях ужинающие. Чтобы тебя обслужили за баром, надо было долго стоять — люди выстроились вдоль него в четыре-пять-шесть рядов. Не способен больше стоять — заключил я — больше не налью. На помосте у дальней стены я увидел пианиста. В цилиндре, во фраке, лицо намазано белилами, как у клоуна, золотые очки на кончике носа. Его окружал разношерстный оркестр, во всю мочь игравший тустеп. Никто не танцевал, потому что никто ничего не слышал. Пьющие старались перекрыть музыку, музыканты — перекрыть пьяный ор.

Джордж наконец прорвался к бару. Хлопнул ладонью по мокрой стойке, чтобы привлечь внимание. Оба бармена посмотрели на Джорджа, потом друг на друга, вздернув брови, словно не поверили своим глазам. И через секунду отбежали, как будто нас и не было. Джордж ухмыльнулся им вслед, и в глазах его появился знакомый бесшабашный блеск. Я подумал, что, может быть, лучше бы пройтись обратно до Меерхоффа и мирно выпить бренди под пианолу. Джордж снова шлепнул по бару ладонью.

— Вот прямо здесь, — заорал он, — знаменитый черный бандит Нат Лав бросил вызов. Мистер Лав вынул свой длинноствольный кольт и положил на стойку. Вот сюда... — он снова хлопнул по стойке, разбрызгав пролитое пиво, — и рядом положил стодолларовую бумажку. И черный бандит вызвал любого белого, который считает себя быстрым стрелком, выйти вперед и попробовать взять эту сотню. Это не просто исторический факт — я сам был свидетелем! Я был уборщиком у Хукнера, пошел выносить плевательницу и как раз в это время вернулся. Все видел собственными глазами. Один дряхлый, старый негр вызвал всех белых, кто

здесь был!

Он снова ударил ладонью по красному дереву стойки. Но это ударение было уже лишним. К моему огорчению, его и так слушали все, кто стоял у бара.

— А у другого конца, — продолжал Джордж, — тощий, злой и зеленый от ржаной сивухи, которой угощал тогда старый мистер Хукнер, стоял Ред-Домовой, в прошлом гроза Уолла-Уоллы. Не бывало такого человека, чтобы Домовой не принял вызова. «Я быстрый», — говорит Ред и кладет свой кольт на стойку. После того как три минуты и тридцать три секунды никто не шевелится, Джонас Хукнер теряет терпение. «Давайте, черт бы вас взял!» — орет он, и они хватают пистолеты. По правде говоря, оба были быстрые, как медведи в зимней спячке. Из них только что гравий не сыпался. Нату Лаву, надо думать, было шестьдесят, и Домовому около того. И кольтам их примерно столько же. Эти одиннадцатимиллиметровые стреляли пулей размером с большой палец, а начальная скорость у них такая маленькая, что прямо видно, как дура кувыркается в воздухе. Одна пуля попадает Нату в большую медную пряжку, а другая — в пряжку Домового. Оба с копыт. Хлоп! Хлоп! Погодя немного Нат Лав перекачивается на пузо и встает. Плетется к Реду-Домовому и помогает встать. «Ну, — говорит Нат, — по-моему, мы доказали, что я не очень быстрый и ты не очень быстрый. По такому случаю надо выпить!»

Джордж завершил байку хлопком по бару. У посетителей вокруг она вызвала смех, но бармены занялись другими клиентами. Нас оставили без выпивки. Галдеж возобновился, оркестр принялся уродовать новую песню.

— Твой родственник славно играет, — сказал я Джорджу в утешение.

— Дядя Сильвестр очень неплох, — отозвался Джордж. — Учítывая.

— Мне даже не верится, что под этой клоунской раскраской — его преподобие Линкхорн.

— Он самый. По субботам дядя Сильвестр освобождает души, а по воскресеньям их спасает.

Рядом с пианино стоял лысый мужчина с рыжими усами и в толстых очках. Он держал у рта два глиняных кувшина и, поочередно дуя в них, умудрялся извлекать лягушачью каденцию. Рядом с ним кривошей человек пилил скрипку; глаза у него были закрыты — видимо, чтобы не терять контакта с его музой. Вокалисткой была матрона с желе́йным телом, чересчур красным ртом и улыбкой, купленной в магазине. Она втиснула себя в платье с блестками, искрившееся при каждом сотрясении.

— Могу спорить, эта певица купила новенькое платье специально к сегодняшнему вечеру.

— Жалко, что не купила заодно новенький голос. Бедный дядя Сильвестр — с поддержкой у него не богато.

С другой стороны пианино человек с ввалившимися глазами стучал по ведру. У него получалось что-то вроде похоронного марша. Последний член ансамбля, кажется, в нем уже нуждался — так он был плох. Мертвецки пьяный, он уснул в кресле, свесив подбородок на грудь. Между расставленных ног его косо стояла гитара «Добро» с железным резонатором ^[29]. Джордж взял меня за локоть.

— Нашвилл? Поверти своей гусиной шеей, поищи проход. Я хочу просочиться поближе к музыке.

Будь я неладен, если понял зачем, однако просвет нашел и двинулся первым. От приближения музыка не улучшилась. Оркестранты выглядели полусонными. Глаза у всех были мутные, даже у его преподобия. Траурный ритм погрузил их в забытие. Казалось, любой из них вот-вот скапустится по примеру бесчувственного гитариста.

Их уныние было комично. Я обернулся — оценил ли эту комичность Джордж, но он исчез. Его не было ни возле бара, ни возле картежных столов, ни в кучке людей на танцевальной площадке. Либо гам, либо жажда выгнали его обратно на улицу, решил я и стал пробираться к выходу. Но на полпути остановился и прислушался. С музыкой что-то произошло — темп убыстрился, оживился. Скрипач открыл глаза, явно раздосадованный тем, что его оторвали от музы. Ведерщик и кувшинщик застучали и заквакали быстрее — и вид у них тоже был кислый. Певица пела, поджав от злости губы. Только пианист не выражал недовольства новым темпом. На его накрашенных губах застыла благодарная улыбка.

Джордж поднялся на помост и завладел гитарой. Большим пальцем он отстукивал на басовой струне слабые доли, а остальными играл мелодию. Вторжение рэгтайма заставило всех посетителей повернуть головы к музыкантам. Пить перестали. Разговаривать перестали. Несколько мгновений мне казалось, что вот-вот они бросятся на нахала и прижгут ему хвост, как предупреждали Луиза и мистер Меерхофф. Потом кто-то в гуще людей одобрительно гикнул:

— Вот это дело, Джордж. Пришпорь мула.

Сесил Келл взобрался на стол и салютовал Джорджу кружкой пива:

— Подстегни ленивую старую клячу!

Джордж стал наяривать на гитаре всерьез. Его преподобие Сильвестр Линкхорн с таким же усердием склонился над клавишами, а толпа стала хлопать. Скрипач пустился вдогонку. Ведро и кувшины старались не отставать. Хлопанье стало громче. Рукоплескания разбудили аппетит у

певицы, и она, со всей своей магазинной оснасткой, алчно набросилась на песню:

Девушка из Буффало, выйдешь вечером?
Выйди вечером, выйди вечером.
Девушка из Буффало, выйдешь вечером,
Танцевать при лунном свете?

Джордж подборматывал ей, публика одобрительно шумела. Пожилой ковбой с седой щетиной вскочил на соседний с Келлом стол и заплясал, высоко задирая колени. Вскоре плясали уже на каждом столе, под всеобщий топот и гиканье.

Казалось, ты присутствуешь на сеансе магии и наблюдаешь за тем, как волшебник превращает разрозненное стадо одров в лаву крылатых коней, штурмующих небо. Разъездной проповедник на молитвенном бдении «возрожденцев» сказал бы, что это чудесное явление Святого Духа, нисшедшего с небес. Но я-то знал, откуда он взялся, этот дух. От земли.

«Девушка из Буффало» с топотом перешла в «Красивую Санти», а «Санти» без перерыва — в «Штат Арканзас». Так продолжалось до тех пор, пока Джордж не отложил гитару, сказав, что до мяса ободрал пальцы. Все уплясались до седьмого пота. Джордж поблагодарил оркестрантов за то, что позволили с ними поиграть, и сказал, что, может быть, пора им сыграть вальс, раз он им так хорошо удастся. Под рукоплескания и крики: «Удачи завтра, Джордж!» и «Ты наш чемпион!» он спустился с помоста. Один из барменов наградил его бутылкой шестилетнего «Джонни Уокера». Публика приветствовала награждение новыми аплодисментами.

— Вы мне льстите, — произнес он скромно, но звучным голосом, как актер, которого попросили сказать несколько слов после овации. — Я гроша бы не стоил без поддержки остального оркестра.

Это вызвало новые аплодисменты и изрядный смех. Джордж воодушевился и хотел сказать что-то еще, но сегодня ему не суждено было долго купаться в лучах славы. Громкое «динь-динь-динь» ножа по стакану прорезало общий шум. За круглым столом возле стены кто-то требовал внимания. На этом столе не плясали. На нем стоял стул, а на стуле — тонконогая деревянная табуретка. На этом ненадежном пьедестале стоял мистер Хендлс. Ноги у него были такие же тонкие, как у табуретки, и кривые, как у отощавшей собаки. Добившись полного внимания публики, он завел свою песню:

— Граждане Пендлтона и дорогие соотечественники! Почтенные гости и игроки! И все, кто любит спорт бескорыстно, ради него самого... прошу внимания! Как официальный представитель компании «Феерия Буффало Билла» я уполномочен выразить вашему обществу наше искреннейшее восхищение. На этом далеком форпосте нашего пограничья вы задумали и организовали *исключительное* зрелище. И мы, специалисты по зрелищам, приветствуем вас!

Публика радостно загалдела. Зазывала поднял руку, прося тишины.

— На этой неделе, — продолжал он, — в вашем молодом городе Пендлтоне, штат Орегон, творится история!

Публика опять разразилась приветствиями. Она была в приветливом настроении. Но зазывала призвал к тишине.

— В честь этого первенства «Феерия "Дикий Запад"» решила здесь задержаться и внести свою лепту.

Энтузиазм несколько поутих, но мистера Хендлса это не обескуражило.

— Хотя ваше сооружение еще не закончено! И ваша торговая деятельность, естественно, наивна! Мистер Коди предложил включить в вашу программу Мирового чемпионата еще одно состязание. Осведомленные люди *гарантировали* участника. Достаточно *сильного*! Достаточно *твердого*! Достаточно *мужественного*! Чтобы встретиться с нашим чемпионом!

Он обвел посетителей возбужденным взглядом, удерживая их внимание своими мигающими глазками и эквилибристикой.

— Ваш нигер Джордж дал нам гарантию. Но если по какой-то причине эта гарантия не оправдается — без обид, мистер Флетчер, — мы подняли ставки против обычного! Фактически удвоили! Поэтому *завтра*! На вашей арене! Чемпион мира по вольной борьбе Фрэнк Готч готов поставить на кон свой чемпионский *пояс*! Против любого мужчины, который сможет провести с ним на нашем брезентовом ринге установленного образца *сокращенную* схватку — пять быстротечных минут. И чемпион покроет любой и каждый доллар ставки... — он выхватил из жилетного кармана и развернул веером пачку зеленых, — двадцатью наличными! Простая арифметика: если ваш человек проведет на ринге пять минут и не будет положен на лопатки и не крикнет: «Сдаюсь!» — ваша ставка возвращается *двадцатикратно*! *Двадцать к одному*, джентльмены, вы не ослышались. Все детали — на печатной афишке, которую вам раздаст милая мисс О'Грейди.

Грянули фанфары, и в зал, пылая, ворвалась женщина с оранжевыми

волосами. Афишки были такие свежие, что еще пахли бензином. Вместе со своей я получил оранжевую улыбку.

«МУЖЧИНЫ ПЕНДЛТОНА, — крупными черными буквами спрашивал заголовок, — ГДЕ ВЫ?» Далее следовали подробные условия схватки, со всякими оговорками и отказами от ответственности. И в завершение опять крупным шрифтом: «КТО ИЗ ВАС ОТВАЖИТСЯ БРОСИТЬ ВЫЗОВ... ЭТОМУ!» Последнее слово было напечатано кроваво-красной краской, и под ним — такая же устрашающая фотография. Безволосый борец держал на плече кабана вверх ногами. Руки борца были сцеплены в замок, а глаза у секача выпучены из-за давления на его грудную клетку. Готч улыбался. Под литографией повторялся заголовок «КТО ИЗ ВАС?». Джордж отшвырнул листовку, как струп прокаженного. Она оставила на его потной ладони красное пятно.

— Посмотрите на Джорджа! — крикнул какой-то человек, — Ему уже пустили юшку. Может, ты и будешь этот самый «кто», если не приведешь ему соперника.

Джо поворачивал ладонь вверх и вниз, как потрепанную страницу.

— Надо как следует помыться, — протянул он, — Это факт. И всхрапнуть не помешает.

Испачканной ладонью он хлопнул меня по спине.

— Пошли, Нашвилл. На юге время спать [\[30\]](#).

Он пошел к двери — бутылка с красной этикеткой в одной руке, красная типографская краска на другой.

Я направился за ним, стараясь идти как можно прямее, несмотря на довольно чувствительную тошноту. На улице я ухватился за первый попавшийся столб и закрыл глаза. В глазах кружились лошади, бычки, ковбои, девушки. Джордж тряхнул меня и повел дальше, поддерживая за локоть.

— Прими это как еще один урок, школьник. Еще один урок в курсе твоего обучения.

— Хорошо, еще один урок. Можно осведомиться, каков предмет курса?

— Предмет курса, — сказал он, — опыт. Единственный предмет, который интересует молодых южан. На-ка поддержи. Я не хочу измазать красной краской порядочный шотландский виски. Посмотрим, сможешь ли одновременно стоять и открыть пробку.

Я доказал ему, что могу. Он одобрительно кивнул.

— Конечно, никто не может научиться опыту, пока на опыте не узнает, чему он учится. Даже любознательный юный южанин.

Я возразил, что многое узнал не из опыта. О Гражданской войне, например, — из семейных преданий. О Лондоне — из книг Чарльза Диккенса.

— Я не был в Англии, но знаю о ней. Так?

— Допустим, — сказал он на ходу, — Но ответь мне, мистер Книгочей. Ты думаешь, из семейных преданий и твоих библиотечных книг ты много узнаешь, например, о дамах? Не попробовав — хи-хи — на опыте? Об ах-муре?

— Порядочные люди в Теннесси косо смотрят на парней, попробовавших амур до венца. Хотя, если подумать... — меня тоже разобрал смех, — они косо смотрят и на парней, которые не попробовали его до веща.

— Выходит, вы, теннессийская молодежь, кругом не правы. Стоп! — Джордж остановился, держа меня за локоть, — Мы пришли.

Мы стояли перед самой замысловатой постройкой из всех, какие попадались за время недолгого пребывания в Пендлтоне. Больше, чем особняк Меерхоффа и гораздо наряднее. Дом был трехэтажный, с галереей на три стороны. Витиеватая резьба украшала карнизы и наличники. Окна светились разными цветами, и на занавесках колебались соблазнительные тени. Я не был уверен в своей готовности к столь смелым изысканиям.

— Ты хочешь вести меня туда, наверх?

— Наверх? — Джордж не отпускал мой локоть, — Нет, конечно. Ты приличный южный джентльмен, и прочее, — Он осторожно повернул меня и показал пальцем. — Я веду тебя сюда, вниз.

Посреди широкой лужайки борделя зияла черная прямоугольная яма. Хлипкие бамбуковые перила ограждали ее с трех сторон, чтобы в нее не свалился ослепленный любовью посетитель. С неогороженной стороны сидел очень старый китаец. Здесь и исчез, наверное, тот паренек с фейерверком на косичке! Старик сидел на маленькой полотняной тряпке, скрестив ноги, и курил глиняную трубку. Джордж подвел меня к яме. Я увидел земляные ступени, ведущие в туманно светящееся нутро. Старик встал и поклонился Джорджу. Джордж поклонился в ответ, старик отступил в сторону и показал на глиняные ступени. Джордж стал спускаться, старик жестом предложил мне следовать за ним. Я привел себя в равновесие и последовал, но тут же был обращен вспять горой дымящихся полотенец. Эту громадную кипу несла маленькая фарфоровая фигурка.

Из пара выглянуло лицо.

— Сью Лин?

— Мистер Джонни Ли, это вы? Я рада, большое спасибо. — На ней

было синее с отливом кимоно, расшитое мелкими черно-белыми лошадами. Ее голос звучал в пару, как колокольчик. — Я сейчас вернусь, спасибо. Снимите вашу одежду, пожалуйста.

Она заторопилась прочь, а я спустился во мглу. Ступеньки кончились в низком наклонном туннеле. Мне пришлось идти, согнувшись в три погибели. Наконец, к моему облегчению, туннель привел в огромный подземный зал с потолком на массивных деревянных балках, впереди и по сторонам терявшихся в тумане. Не знаю, размером он мог быть с сарай Джорджа. Пар поднимался над большими ваннами, под которыми тлели угли. В пару сновали мужчины, женщины и дети со свертками одежды, ведрами, подносами. Я увидел Джорджа — он сидел на деревянной скамье со своей бутылкой и раздевался. Никто не обращал на него ни малейшего внимания. Он поманил меня и жестом показал, что мне тоже надо раздеться. Но первым делом я взял бутылку. Потом сел, закрыл глаза и основательно, с наслаждением глотнул.

Когда я открыл глаза, оказалось, что уже сижу по шею в горячей ванне. Рабочие по-прежнему сновали в пару. Джордж полулежал в соседней ванне с сигарой в углу рта — подозреваю, что моей, — и разговаривал.

— ...и вот, когда городская власть постановила, что они не могут иметь и строить недвижимость на улицах, они зарылись под землю. Построили *под* улицей.

Я вглядывался в туман.

— Все-таки, кажется, ненадежно, — сказал я. — Эти туннели, балки. Я бы побоялся здесь жить.

— А почему, позволь спросить? У китайцев большой шахтерский опыт.

— Все равно. Жить в туннелях? Господи, как только люди выдерживают жизнь в таких жутких условиях?

— Выдерживают? Спрашиваешь, как они выдерживают? — Джордж глубже погрузился в ванну. — Как конский хвост на ветру — вот как. Куда большой этот зад ни дернется, хвост послушно туда же — вот как они выдерживают. А теперь — тихо. Молчок и глаза закрой. Или хочешь, чтобы Сю Лин подошла и застала тебя голого, и мокрого, и с открытыми глазами?

— Нет, — ответил я. — Ни мокрого, ни сухого, большое спасибо, — ни с открытыми, ни с закрытыми.

Это было последнее, что я помню о моем первом дне в Пендлтоне. Очнулся я по-прежнему голым, но сухим. Вся моя одежда исчезла, и Джордж тоже. Я лежал на стопке выстиранного белья и совсем в другом

помещении. Освещали его только лучи солнечного света, протянувшиеся над приставной деревянной лестницей. Сон как рукой сняло. Я сел рывком, в панике: *пояс с деньгами!* Часы! *Сапоги!* Потом увидел пояс рядом с сапогами на перевернутом ведре. Деньги лежали на месте, в застегнутом кармашке. Мои золотые часы тоже были в поясе. С громадным облегчением я стал их заводить... и тут посмотрел на время.

Мне предстояло ловить бычка ровно через сорок пять минут.

Глава десятая

Кое-какое посвящение

Я поднялся по приставной лестнице опасливо, как луговая собачка, вылезаящая из задней двери норы. Худую свою наготу я прикрыл единственным, что удалось найти: обычным нарядом кули — черной свободной блузой и такого же цвета штанами. Верх сидел нормально, но брюки, как я их ни спускал, заканчивались на добрых пять сантиметров выше голенищ. Я понимал, что выгляжу глупо, но я проделал большой путь и внес большие деньги за участие в родео, так что чувствовал себя во всех отношениях обязанным. Экономность я унаследовал от двоюродной бабушки Рут.

Сквозь щели и дыры от сучков в наклонной подвальной двери проникали солнечные лучи. Я открыл дверь и вылез наружу. Передо мной была заросшая дорожка позади борделя. В переулке я прикинул, в какой стороне может быть река, и побежал. Я угадал правильно. Вот пешеходный мостик на речную тропу. Наконец, пытаясь как паровоз, я остановился перед сараем Макконки. Большая дверь была заперта, но Стоунуолл, уже оседланный, стоял на привязи у водопойного корыта. Я вскочил на него, и мы галопом помчались к арене. Когда мы подъехали к задним коридорам, как раз объявили ловлю телков.

Потный регистратор без шляпы склонился над столом и подсчитывал карточки участников. Я соскочил с коня и шлепнул свою на стол рядом с его шляпой. И только тут почувствовал, как сильно перепил вчера. Лассо извивалось у меня в руке, как рассерженная змея. Регистратор был слишком занят и не заметил.

— Ты поторопись, ковбой, — вовремя подоспел. — Он вернул мне карточку и, вытянув шею, оглядел мой наряд. — Пстой-ка, Спейн, Джонатан Э. Ты не участвуешь в этом номере, черт возьми, в таком виде, черт возьми!

— У меня одежду забрали, пока я спал. Рубашку, жилет, штаны — все. Это единственное, что я смог найти.

— Мне наплевать, что на тебе надето ниже головы — рубашка, жилет, штаны или вообще ничего. Но выше головы... — Он показал на объявление, прибитое к столбу, и прочел вслух: — «ВСЕ УЧАСТНИКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ В ШЛЯПАХ».

Я пришел в отчаяние, но потом увидел Джорджа среди ковбоев под трибуной судей.

— Когда мне выезжать, шляпа будет, — пообещал я. — Красивая шляпа.

Ковбоев и Джорджа очень порадовал мой наряд.

— Добрый день, Нашвилл. Похоже, ты не в ту сторону глядел, когда наряжался. Тут Дикий Запад, а не Дальний Восток.

— Куда ты делся вчера ночью? — спросил я. — И что с моей одеждой?

— Это долгая история, — сказал он, — После ванны и бритья я стал такой красивый, что потянуло к дамскому обществу, захотелось порадовать людей своей красотой. А ты еще мок и спал, я не стал тебя тревожить. Когда вернулся, в ванне тебя не было. Решил, что тебя забрал Сандаун и уложил у себя. А про одежду ничего не знаю.

— Ты ошибся, — сказал я.

— Со мной это часто бывает. — Он ухмыльнулся, — Но всегда рад, если меня поправят. Где ты спал?

— Позже поговорим. А сейчас требуют, чтобы я был в шляпе. Одолжи мне твою.

— Мою? — Ухмылка исчезла. — Не пори горячку...

— Ему нужна шляпа, или его вычеркнут, — сказал один из ковбоев, — Это написано в каждой карточке. Исключений не делают.

— Дай, Джордж, — стал упрашивать я. — Всего на пару секунд.

— Пару секунд грязной возни с коровой. — Он снял свой золотистый стетсон и сокрушенно оглядел его. Ладонью подровнял залом на тулье и протянул шляпу мне. — Только что вычищена и выправлена на болване в Бойсе.

— Спасибо, Джордж. Ты настоящий джентльмен, — Я чуть не сказал ему, что он поступил как белый человек, но вовремя спохватился.

Я сел на Стоунуолла и затрусил к воротам арены. Регистратор осмотрел меня и показал: проезжай. Диктор на арене оглушительным голосом представил меня:

— Следующий роупер, друзья, — молодой ковбой из... сейчас посмотрим — да, из штата, где разводят знаменитых рысаков и гонят наш отличный виски «Джек Дэниеле», — из прекрасного штата Тен-нес-сии!

Я поднял голову и увидел, что громовый голос исходит из коротконового человечка. Чтобы дотянуться до трехрупорного мегафона, ему приходилось вставать на цыпочки. Вероятно, это был известный боксерский диктор Сирена Клэнси.

— Он готов. Встретим нашего южного гостя горячим орегонским

приветствием: Джонатан Э. Ли Спейн!

Веревочный барьер упал. С громким мычанием выбежал годовалый бычок, и Стоунуолл устремился за ним. Горячее орегонское приветствие сменилось взрывом хохота, когда увидели меня в куцей одежде кули и непомерно большой желтой шляпе. Когда я сдвинул ее назад, чтобы не застила, в глаза мне ударило солнце. Небо закружилось, земля встала дыбом, но верный Стоунуолл был тверд, как его имя. Мне надо было только доехать и бросить лассо. Я не знал, накинул его или промахнулся, и понял только, когда Стоунуолл остановился. Бычок круто повернул и встал на все четыре, головой в ту сторону, откуда бежал. Я спешил, скомандовал Стоунуоллу стоять и кинулся к бычку. У роупера в голове секундомер. Заарканил я быстро. Если стреножу без возни, то покажу хорошее время на первом своем выступлении. Я уже поздравлял себя, но тут шляпа Джорджа съехала мне на глаза. Я даже не увидел, что он атакует. Пестрый дьявол долбанул меня прямо в грудь.

Когда в глазах у меня прояснилось, я был уже за коридорами и блевал, перегнувшись через забор. Джордж тер мне спину и утешал. Я увидел, что шляпа его на нем и без пятнышка. Сам же я, наоборот, был грязнее грязного — горькими осадками вчерашнего вечера были покрыты и грудь моей блузы, и брюки. Джордж внушал мне, что нет худа без добра.

— Подумай, как удачно, что ты был не в своей одежде.

Позади прозвенел чей-то голосок:

— Мистер Флетчер, он будет ходить?

Сью Лин держала мою одежду. На свертке лежала шляпа, аккуратно выправленная.

— Будет ли он ходить? — сказал Джордж. — Он еще всех нас обойдет. Ласточка, ты видала, как он управлялся со своим чалым без ничего, одними коленками? Парень — прирожденный чемпион.

Я сказал Джорджу, что, по-моему, она имела в виду, смогу ли я ходить ногами, но его занимала сейчас более важная тема.

— Однако каждый человек, — продолжал он, вытирая мне подбородок своим носовым платком, — должен пройти кое-какое посвящение и перетерпеть.

Новый рвотный спазм не позволил мне выразить свое возмущение. Я ковбойствовал с того дня, когда бросил Нашвиллский начальный колледж, и брал главные призовые на роупинге. Если я молодой и новичок, то и само родео такое же, и я считал, что не хуже любого знаком с большинством видов состязаний в этом новом спорте.

Переодевшись в свое, я нашел Джорджа с десятком других наездников.

Они выстраивали своих лошадей перед скачкой — она была бы вполне обычной скачкой, если бы не то, что наездники сидели в седлах лицом назад. И вместо поводьев держались кто — за торока, кто — за края потника, кто — за хвост.

Джордж радостно пыхал сигарой, видимо, тоже меерхоффской. Он крикнул мне:

— Нашвилл, давай сюда. Твой взнос позволяет тебе участвовать во всем. Поворачивайся задом вместе с нами, шутами.

— Господи, что еще-то?

— Дурацкая скачка, вот что... и всегда есть место для еще одного дурака.

Он пришпорил мерина, чтобы освободить мне место. Как только я сел задом наперед, Стоунуолл стал бить копытом. Я повернулся посмотреть на дорожку — он еще сильнее занервничал. Спокойны были только Джордж и его гнедой.

— Теперь слушай меня, — тихим голосом сказал он, — На старте сильно отклонись назад, все время смотри на хвост. Повернешься, чтобы посмотреть на финишную черту, — потеряешь равновесие. Пусть конь о финише побеспокоится. Ты беспокойся о старте — он самый трудный.

Другие всадники оборачивались, вертели шеями, и лошади их нервничали, били копытами. Я заставил себя сидеть спокойно. Как только я замер, замер и Стоунуолл. Он стоял тихо, дожидался, когда подведут к старту остальных. Я вслух удивился, почему не участвует Сандаун. Джордж ответил, что эти шутовские номера не в его вкусе.

— Мне, бывало, *приходилось* скакать задом, — сказал он, — Просто для смеха, так мне объясняли. Когда я все равно стал выигрывать, они решили так же задом повернуть остальных и назвали это «Скачками дураков». — Он усмехнулся, — И странная вещь: с тех пор, как все стали ездить задом, я столько же раз приходил последним, сколько первым. Убей меня бог, если знаю почему. Ладно, отклонись назад.

Выстрелил пистолет. Лошади рванулись вперед, всадников бросило назад. Джордж был прав, что старт — самое трудное. Первый рывок застает тебя врасплох, ты валишься на круп лошади, а ухватиться не за что. Лошадь чувствует, что на зад у нее кто-то возится, и в панике выскакивает галопом — из-под тебя. Треть участников ссыпалась от первого рывка, еще треть — из-за этого галопа. Несмотря на предупреждение Джорджа, я распластался на крупе и держаться было не за что. Я был близок к тому, чтобы присоединиться в пыли к другим неудачникам, но тут вспомнил, что конь подо мной привычен к роупингу. Такой конь слушается и без

поводьев. Я крикнул:

— Стоунуолл, стой!

Он ударил по тормозам так, как если бы я заарканил бычка. Инерция выпрямила меня в седле.

— А теперь ию-ап! — крикнул я. — Иию-ап!

Мимо нас неслись лошади, но большинство — с пустыми седлами. Джордж был где-то впереди. Я поборол желание обернуться. Шлепнул Стоунуолла по крупу и еще раз издал клич мятежников. Джорджа мы обошли на самом финише. Зрители вскочили с приветственными криками.

Ко мне подъехала Принцесса родео и вручила приз — это была Сара Меерхофф. И в качестве дополнительной премии наградила поцелуем. А призом была синяя шелковая бандана с золотой бахромой и вышитой шелком надписью:

СЛАВА ДАВАНО
ПЕРВЫЙ ПРИЗ

Поцелуй был прямо в губы и дополнения в виде золотой бахромы и ракоходной надписи не требовал. Смысл его был так же ясен, как обещание в конце первой серии фильма: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Это был первый из многих моих пендлтонских призов и самый почетный. Я обмотал банданой шею так, что концы свисали за спиной. Джорджа я нашел в тени под трибуной. Он все еще расстроено качал головой.

— В следующий раз я, пожалуй, поверну коня задом. Может, он быстрее побежит, если будет знать, где был, а не куда торопится. Красивый платочек, Нашвилл. Ты не чересчур ли его затянул? А то у тебя лицо, как свекла.

Мы не успели обсудить этот вопрос — заиграл горн. Слишком быстро для следующего состязания. Он снова заиграл, и выбежала звездная свинья. Ее патриотическая окраска блестела от жира. Горн заиграл в третий раз, и за хрюшкой погналась стая визжащих демонов. В стае были только индейские дети. На некоторых были кожаные обноски, на некоторых — ничего, кроме раскраски и грязи. Свинья визжала и бегала, дети гонялись за ней, взбивая пыль. Игра была неравная. Трофей был опытный и в руки не давался.

Когда новинка приелась и ребята окончательно выдохлись, вышла

оранжевополосая с горном и лассо. Она протрубила отбой. Свинья сразу затрусил к ней и вдела голову в петлю. Оранжевая увела ее, помахав трибунам.

— Я буду рад, когда мы вырастем из этих глупостей, — сказал Джордж.

Нас их ожидало еще много. Сирена Клэнси уже объявлял следующую через свой трехгорлый мегафон.

— Приглашаем на эстафету «Одеяла скво». Победитель получает одеяло. Проигравший получает скво.

Я понимал, почему эти новшества не по вкусу Сандауну.

Джордж уговорил меня составить с ним пару в этой скачке. Сказал, что это верные тридцать долларов, если поедем на его плечистом гнедом.

Команда в «Одеяле скво» состояла из двух человек и одной лошади. За лошадью волоком тащится толстая воловья кожа. Один едет на лошади, его напарник — на коже. В конце арены они меняются местами и едут обратно. Кожу и буксирные веревки предоставили волонтеры. Я медленно подошел к своей коже, наблюдая, как ведут себя соперники. Некоторые становились на колени, другие садились с вытянутыми ногами. Я вопросительно посмотрел на Джорджа.

— Самый надежный способ, — сказал он невинным тоном, — лечь на пузо, как мальчишка на санках.

Я лег на пузо. Выстрелил пистолет. Джордж пришпорил мерина, и меня потащило по буграм, рывинам, пыли и навозу, который со сволочной меткостью летел мне из-под копыт в лицо.

К концу поля мы подъехали, далеко опередив соперников. Джордж повернул мерина и соскочил. Я извожился, как свинья. Моя чистая одежда покрылась навозом. Навоз был под воротом, в ушах, даже под шляпой.

— Ты нарочно возил меня по коровьим лепешкам.

— Может, пару раз, — объяснил он, — Для смазки, как сало на волоке.

— Ладно. — Я вскочил на его гнедого, — Смазка — так смазка.

Я пустил гнедого галопом и направил на самую большую кучу.

— Посмотрим, как тебе понравится, Джордж Флетчер, — крикнул я через плечо, — смазка для твоей франтовской шляпы.

Но увидел, что он не лег на пузо. И на колени не стал, и не сел. Он стоял на прыгающей шкуре, согнув колени и балансируя руками, как тогда на бочке. Грязь, отброшенная копытами, попадала ему только на сапоги.

Мы заняли второе место и поделили призовые у корыта, пока пил гнедой. Пятнадцать долларов. Я разложил на два столбика по семь, а лишний подкинул в воздух. Джордж поймал его на лету.

— Если бы ты не завернул к коровьей куче, мы делили бы тридцать, и лишнего бы не было, — Он бросил свои доллары в кожаный мешочек на седле и повернул коня кругом. — Сейчас ловля бычка. Пойдем посмотрим, в каком настроении эти рогатые ящерицы из Техаса.

Выяснилось, что он имеет в виду техасских лонгхорнов. Они были в паршивом настроении, толклись в загоне, пыряли друг друга. Случайно мотнув головой, такой мог оставить собрата без глаза. Вот почему скотоводы в штате Одинокой звезды перешли на другие породы: эти длиннорогие были так же опасны друг для друга, как для ковбоев и их лошадей. Помню, один старый трейл-босс сказал: «Их пасти — все равно что пасти дикобразов».

Понаблюдав, как эти склочные скоты пыряют и бодаются, я сказал Джорджу, что сегодня, пожалуй, пропущу стир-роупинг.

— Я не только никогда не пробовал, я даже никогда не видел, как это делается. Понаблюдаю за техникой.

— Понаблюдать тебе надо только за одной: мистера Джексона. Лучше его нет.

— Удивительно слышать это от Джорджа Флетчера. Почему он лучший?

— Сандаун терпеть не может пачкать свой нарядный костюм. Когда он заваливает бычка, подлец уже *не встает*. Главное — правильный угол, он говорит. Посмотришь.

Я посмотрел. Теперь это состязание не часто увидишь на родео. Слишком жестокое, слишком грубое. А в те времена не было условия, чтобы животное потом могло встать, доказав тем, что у него не сломана шея. Я подумал, что именно так и обошелся Сандаун со своим бычком. Он бросил лассо слева и завернул маленького толстого пегаша направо со всей быстротой, на какую тот был способен. Лассо, захватившее рога быка, протянулось за его задними ногами под углом девяносто градусов, и Сандаун резко натянул поводья. Голову быка рвануло в одну сторону, а ноги еще топали в другую. Он грохнулся оземь с такой силой, что весь стадион застонал. Сандаун стреножил его и поднял руки; бык за это время не шевельнул ни одним мускулом. Когда его развязали и он, шатаясь, поднялся на ноги, публика наградила его аплодисментами.

Джордж был прав, все дело в угле, под которым уводят лассо. Стоунуолл вырезал этот угол за пятками моего быка так, словно записывал за индейцем. Я показал третье время, всего на несколько секунд отстав от Джорджа. Сандаун опередил нас на добрых полминуты.

Всю вторую половину дня состязание следовало за состязанием —

сплошная, нерасчлененная масса животных, пыли, солнца. Я все надеялся, что мне посчастливится выиграть еще раз и получить еще одну сладкую премию от Принцессы Сары. И в одном виде занял-таки с напарником первое место — в гонке дилижансов. Сандаун удивил меня, пригласив к себе в пару. Что еще удивительнее, предложил мне ехать кучером, а сам поедет слева, на месте охранника, и будет бросать камни в упряжку. Я ожидал противоположного: что он возьмет вожжи в свои опытные руки, а я своей молодой буду метать камни. Но у хитрого индейца была припасена одна штука. Палка с ложбинкой и с дырками для пальцев на одном конце и зарубкой на другом. В ложбинку укладывается короткая стрела; индейские ребята охотятся с этим орудием на кроликов. Атлатль как бы удлиняет предплечье и мечет стрелу с поразительной силой и точностью. Сандаун сказал, что он также хорошо годится для камешков.

— Они у меня побегут, — сказал он, глядя на четыре крупа впереди, — А ты смотри, чтобы не понесли.

Когда выстрелил пистолет, передняя левая лошадь, наверное, решила, что пуля попала в нее. Она чуть не свалила с ног остальных трех. Сандаун перезарядил свою катапульта.

— Сейчас по правой. Будь готов.

Еще один камень — и, так сказать, в десятку. Мы промчались мимо остальных дилижансов, подгоняемых слабо брошенными камнями. У поворота мы были первыми и заняли внутреннюю дугу. По внешней нас никто не мог обойти. Тем не менее Сандаун продолжал жгучий обстрел. Мы установили рекорд в гонках дилижансов, и он не побит до сих пор. В следующем году метательные орудия были запрещены. Но наше время занесено в книгу рекордов. Можете убедиться в этом сами.

Как на грех, приз в этот раз вручала сама Королева родео Прерия Роз Хендерсон. Верхняя губа над торчащими зубами у этой крупной девушки распухла и посинела в результате борьбы с быком, поэтому она только пожала нам руки и сразу отъехала. Джордж сидел на тюке сена под трибуной важных гостей, где расположилась тройка наемных детективов Буффало Билла. Джордж встал и поздравил нас.

— Жалко, что у нее губа распухла. Я слышал, Прерия Роз Хендерсон может так поцеловать, что заодно удалит у тебя гланды.

Я устал, проголодался, мне было не до шуток. Трое пинкертоновцев тоже не улыбнулись. Джордж пошел рядом с Сандауном.

— Посмотрим доску — кто там записан на объездку с седлом.

— Вы идите, — сказал я, — Я не записывался.

— Я тебя записал, — сказал Джордж, — Пока ты лакомился сладкими

лепешечками у дочек Меерхоффа.

— Они называются блинчиками. И сколько раз тебе говорить, шут возьми, я *роупер*.

— Очень может быть. Но через три минуты этот дядька с трехрогим мегафоном назовет тебя объездчиком.

Мой желудок бурчанием выразил свое недовольство, но его перебил мегафон. Сирена Клэнси объявил всем и каждому, что последним официальным состязанием сегодня будет езда на мустанге с седлом. Но *сперва!* Пока лошади и наездники готовятся, с любезного согласия «Феерии Буффало Билла "Дикий Запад"» — еще одно дополнительное развлечение.

— Ууу, — закричал Джордж, — Я думал, этот бизоний цирк больше не будет путаться под ногами.

Сандаун не проявил интереса, а мы с Джорджем пошли к арене смотреть.

Заиграл горн, и из ворот выехала рыжая О'Грейди. Она держала флаг кавалерии и на блестящем медном горне трубила атаку. На этот раз по ее сигналу появился сам Буффало Билл. Он выехал галопом на большой соловой лошади; его шестизарядный кольт сверкал, и длинная седая грива развевалась, совсем как у его лошади. Публика громко приветствовала его, он медленным галопом проехался вокруг арены, осадил лошадь рядом с лошадью О'Грейди и рукой в перчатке показал на ворота. Женщина затрубила. Из ворот выехала платформа с борцовским рингом. Но на брезенте, огороженном канатами, стоял не Готч. Там стояли мистер Хендлс и ревуший бычок. Зазывала стоял на табурете в одном углу. Вол был привязан к талрепу в другом углу.

Фрэнк Готч шел в упряжке вместо мулов. Он был в высоких черных ботинках, черно-желтом полосатом трико с чемпионским поясом. На голое плечо его был наброшен пятисантиметровый буксирный трос, привязанный к дышлу платформы. Гигант тянул всю махину в одиночку. Ему уже, наверное, рассказали про Монтаника.

Когда платформа выехала на середину арены, зрители вежливо зааплодировали. Готч сбросил трос, оперся рукой на платформу и вспрыгнул на ринг. Зазывала подвел к нему бычка. Готч вытер ладони о бедра и наклонился к бычку. Своими жуткими длинными руками он обвил животное вокруг брюха. Потом крикнул и вскинул его на плечо, ногами к небу. Готч держал его на себе и сжимал хватку, пока не задавил его рев. Удовольствовавшись этим, он сбросил бычка за канаты. Тот лежал в пыли, оглушенный и неподвижный.

Люди повскакали на ноги. Они стояли и хлопали, пока мистер Хендлс

не завел свою песню. Тогда все сели. Готч расхаживал по рингу, скрестив на груди руки. Когда стало ясно, что с трибуны никто не побежит принять вызов, рыжая О'Грейди протрубила вечернюю зорю. Тут же рысью вывели пару мулов и живо припрягли к платформе. Вслед за соловой Буффало Билла платформа уехала туда, откуда приехала. Готч стоял с торжествующим видом, пока платформа проезжала мимо безмолвных трибун. Выехала пара ковбоев, захлестнула арканами рога бычка и уволокла его, а О'Грейди сыграла несколько тактов военного похоронного марша — в качестве шутки. Публика оценила юмор и закатилась смехом. Джордж сохранял серьезность.

— Хорошо, что это был бычок. Если б телка, он бы ее не только обнял. Пошли.

Мы подошли к столу регистратора с другими наездниками. Сандаун был уже там, сидел на корточках в тени. Он поднял руку.

— Я вытащил за вас. — Он отдал нам листки, — Джорджу достался Капитан Кидд. Он едет первым, потому что лидирует по очкам. Мне достался Костотряс. Парню — Мистер Суини.

— Мистер Суини ему выпал? — Джордж закатил глаза, — Этих южных мальчиков, видно, вскармливают четырехлистным клевером, — Он затопал прочь, натягивая перчатки и ворча. — Ему дают Мистера Суини, а мне — Капитана Кидда. Подхалимского мула.

Я повернулся к индейцу.

— Этот Капитан Кидд — верно, какой-то особо злой старый бандит?

— Просто старый, — сказал Сандаун, — Джорджу придется поработать, чтобы он ожил.

— Тогда почему он недоволен?

— Потому что твой даст больше всего очков. Мистер Суини — человеконенавистник. На него садились всего три раза. Один раз — Джордж.

— А кто остальные два?

— Я.

Индеец важно поднялся, и мы пошли смотреть к ограде.

На арене конюхи держали мерина с завязанными глазами. Один держал его за уздечку, другой — за конец джутовой повязки на глазах. Над ареной загредел голос Клэнси.

— Кажется, старый Капитан Кидд готов отвергнуть любого пассажира. А вот выходит его Немезида, леди и джентльмены, гроза закоренелых пиратов и гордость Пендлтона, ваш, сограждане, *Джордж... Флетчер*!

Зрители радостно закричали. Выбежал Джордж и вскочил в седло. Как

только он вставил ноги в стремяна, повязку с глаз коня сорвали и уздечку отпустили. Джордж, откинувшись назад, пришпорил его плечи, и старый мерин припустил окостенелым, тряским, сбивчивым аллюром, словно какая-то адская машина, разваливающаяся на части.

Это мне и пришлось наблюдать — плохих брыкунов и хороших наездников. Джорджа подбрасывало, конь тряс его, но Сандаун был прав: старик очень быстро растрясся на части. После первой пробежки он перешел на неуверенные прыжки. Джордж, видимо, осыпал его бранью и шпорил от плеч до крупа. Это немного взбодрило одра, но далеко не так, как было вначале.

Прозвенел колокол, Джордж перекинул ногу, спрыгнул и побежал. Он с презрением бросал комья земли вслед коню, как в собаку. Трибунам это понравилось, но очков он получил мало.

После еще четырех или пяти наездников подошла очередь Сандауна. Стиль индейца отличался от флетчеровского, как ночь ото дня. Если Джордж обращался с конем так, как будто они на пару выступали с комическим номером, то Сандаун был сама торжественность. Он вышел так, словно шел на похороны. Когда помощники на лошадях остановили мустанга, индеец мягко сел в седло. Короткий кивок, и повязку сорвали с глаз. Пока верховые помощники отъезжали, между мустангом и человеком было короткое перемирие, несколько мгновений неподвижности. Потом Сандаун пришпорил его, и Костотряс яростно взвился в небо. Тем не менее определенное согласие сохранялось даже в неистовстве: человек и животное были партнерами в каком-то древнем танце.

Мустанг взлетал как дельфин. Мустанг копытил небо. Он цеплялся за облака. И каждый раз приземлялся так жестко, что пыль летела во все стороны. Понятно было, почему его прозвали Костотрясом. Но сколько ни тряс его костлявый конь, лицо индейца оставалось невозмутимым, как кирпич. Ударил колокол, и все движение прекратилось так же внезапно, как началось. Костотряс перестал трясти костями. Сандаун спешился и ушел с арены, так же величаво и спокойно, как пришел. Его провожал рев толпы.

После Сандауна славно выступили оба рыжих Бисона, за ними — несколько посредственных всадников. Настала моя очередь. Мистер Суини был пегий дурак с подрезанным хвостом и — как предупреждал Сандаун — прирожденный человеконенавистник. Когда я подошел, он попытался меня укусить, будто видел сквозь повязку. Повязку сорвали, он скосил на меня глаза — взглянул, кто это осмелился на него сесть. При виде меня глаза стали красными, бешеными. Он повернул башку в другую сторону и, честное слово, откусил еще часть от короткого своего хвоста. От этого еще

больше рассвирепел — настолько, что лягнул себя в челюсть. Зубы полетели во все стороны, и он помчался сумасшедшим галопом, ослепнув от ярости. Налетел мордой на столб. Я решил, что наилучшая тактика — не мешать ему, и пусть сам себя убьет.

Я знал, что езда у нас не изящная — тощий малый болтается взад-вперед в седле на осатанелой лошади. Но знал при этом, что не дам себя сбросить. В какое-то из этих алмазных мгновений уверенности я понял, что владею секретом езды на дикой лошади. Вернее, двумя секретами: сидеть свободно, как Джордж Флетчер, и в то же время быть собранным, как Сандаун Джексон. Мистер Суини понял, что я это понял, и обозлился уже до невероятия. Он брыкался, извивался, пердел, кусал воздух — но все напрасно. Чем больше он бесновался, тем больше мне это нравилось. Я чувствовал, как с каждым мигмом мои мышцы и кости вбирают, впитывают опыт, дающийся годами. Вдалеке послышался звон, но я продолжал прищипоривать. Я сорвал шляпу и хлопнул ею по костлявому бедру. Звон стал настойчивее. Потом рядом оказался Джордж на своем высоком мерине, подхватил меня и посадил позади своего седла.

— Ты оглох, крестьянин? Или просто тупой? — Он смотрел на меня с недоумением, — Они уже неделю звонят в колокол.

— Не слышал, наверное, — соврал я.

Меня стала бить дрожь. Но мне удалось усидеть на Мистере Суини, человеконенавистнике. Досталось мне за это немного очков, но изрядно — советов и критики. Сандаун насел на меня, как только мы подъехали к стойлам.

— Никогда не хлопай лошадь шляпой. Это выглядит похвальбой. Очков за это судьи не дают.

— Да, Закатный, но признай, что он хорошо прищипоривал. Даже слишком хорошо, если рассчитываешь поехать подольше. И достань себе чапы, Наш. Ты видал нас там? Выглядело так, словно мы чесали шпорами, как черти с чесоткой. А все — благодаря чапам хлопающим. Вот за это хлопанье очки и дают.

— И еще, — продолжал Сандаун, — когда снял шляпу, ты дотронулся до рожка. За это очки вычитают.

— А колокол уже прозвенел, — сказал я.

— Нет, он прав, — возразил Джордж, — Никогда не трогай седло, даже после колокола, — на это косо смотрят. Свободную руку держи высоко и за головой, понятно? Подбородок прижал — угол кажется круче.

Эта лекция, возможно, продолжалась бы до вечера, но подошли с поздравлениями люди из труппы «Дикого Запада» и Оливер Нордструм.

Буффало Билл стоял в окружении трех пинкертоновцев и молча рассматривал нас оценивающим взглядом сквозь дым своей сигары. Позади маячил Фрэнк Готч в полосатом свитере и сдвинутой на ухо кепке.

— Ну что, джентльмены, — Нордструм, улыбаясь, переводил взгляд с Джорджа на Сандауна и обратно, — Один день прошел, два осталось. Кто из вас сорвал больше долларов, позвольте спросить? Джордж? Джексон?

Индеец не ответил, а Джордж опять перешел на свой батрацкий говор.

— Надо быть, брат Сандаун получил долларов на двадцать больше — он выиграл на оседланном.

— Нет, — вмешался Сандаун, — ты выиграл картофельную и бульдоггинг [\[31\]](#).

— Ты выиграл стир-триппинг! [\[32\]](#) — воскликнул Джордж, — А это выигрыш гораздо больше, чем на какой-то картошке.

— У вас с парнем второй приз за одеяльную эстафету.

— Гроши! — фыркнул Джордж. — Вы с парнем взяли первый приз на гонке дилижансов! Брось, мистер Сандаун... знаешь ведь, что ты впереди.

Нордструм засмеялся и поднял руки.

— Будем считать, идете голова в голову, — сказал он. — То, что нужно игроку. Что скажете, Билл? Еще не поздно поставить немного на одну из наших местных звезд.

— Я шоумен, Оливер, а не игрок, — напомнил ему Буффало Билл.

— Мистер Коди не ставит на звезд, — пояснил Готч своим утробно-зловонным голосом. — Он их покупает. Отыскивает и покупает.

— По-прежнему разведчик, а, Билл? — Глаза у Нордструма заговорщицки блеснули.

— Всегда в разведке, Оливер, — сказал Буффало Билл, — Всегда в поисках лучшего стрелка, лучшей кобылки, самого железного чемпиона...

— Тогда послушайте меня, мистер Разведчик. — Джордж приплясывал на месте, — Если вы ищете чемпиона по объезде для ваших представлений, то, как я вам объяснял на поезде, этого человека звать Джордж Вашингтон Флетчер!

Готч медленно повернул голову и холодными глазками уставился на пляшущего человечка.

— Клоунов у нас и так хватает, — сказал он, — А от тебя нам только одно надо: этого партнера для плясок, которого ты обещал. И если он скоро не появится, я сам себе выберу партнера. Вот тогда ты у меня попляшешь.

Буффало Билл и Нордструм загоготали, и Джордж подхихикивал им, пока они не утихли. Наступившее молчание было натянутым, как тугая

колючая проволока. Наконец его нарушил Сандаун:

— Я должен показать парню, в каком вигваме его постель. Вчера он не смог его найти, — Не сказав больше ни слова, он направился к стойлам.

А Джордж уже на ходу не мог удержаться от последней шпильки.

— Эти вигвамы — совсем как люди, которые в них живут, правда, мистер Готч? Нипочем не отличишь их в потемках, — И зашаркал дальше, не дожидаясь ответа.

Но я все видел. Готч поворачивал голову ему вслед, пока шейные позвонки не защелкали один за другим, как глухие взрывы в шахтном стволе. Я извинился перед присутствующими и поспешил за друзьями.

Глава одиннадцатая

Время вигвамов

Впереди на фоне неба обозначился зубчатый ряд вигвамов, остриями к звездам. Подсвеченные красным огнем костров, они четко вырисовывались в дыму. Барабанили барабаны, тряслись тени. Шли шумные игры в палочки [33], а вокруг кланы нараспев рассказывали истории своих племен. Дети и собаки вбегали в освещенные кострами вигвамы и выбегали, вопя и гавкая, по выражению Луизы, как дикие индейцы. Люди не старались сдерживаться и щадить чувства белолицых, но и не вели себя демонстративно. Здесь было их становище, и выглядело оно почти так же, как теперь, а может, и как много веков назад.

Перед жердяными воротами стоял караульный — старый индеец в поношенном головном уборе. На воротах висела корявая вывеска: В ПОСЕЛКЕ ВЕРХОМ НЕ ЕЗДИТЬ ПОДЧИНЯЙТЕСЬ ОХРАНЕ. Старик стал перед нами и потряс оперенным копьем.

— Стойте и слазьте, черт возьми!

— По-моему, надо бы наоборот, дядя Чашка-с-Верхом, — сказал Джордж.

— Вы! Черноногий Джордж! Джек Покателло! [34] Слазьте, черт возьми! Пароли у вас есть?

— Ни одного, дядя Чашка, — сказал Сандаун.

— Гол как сокол, — добавил Джордж, похлопав себя по карманам, — Нашвилл, сигара Меерхоффа осталась?

— Мистер Суини сильно ее погнул, — Я протянул сигару, — Такая сойдет, сэр?

Чашка-с-Верхом понюхал ее и кивнул.

— Проходите. Слазьте на землю. Чертова мелюзга повсюду. Черт возьми!

Сандаун и я спешили. Джордж смотрел на шумную ватагу ребятишек, пробежавших мимо. Одна темнокожая девочка замерла и уставилась на него. Она что-то крикнула остальным, они тоже уставились на Джорджа. Джордж крикнул: «Кыш!», и ватага помчалась дальше. Дядя Чашка-с-Верхом потряс копьем.

— Слазь, черт возьми, Джордж Флетчер.

— Нет, спасибо, дядя Чашка, я, пожалуй, потеку домой. Дам овса этим

савраскам и сам вздремну. — Он посмотрел вслед ребятам, — С вами, шумными индейцами, только нервничаешь.

Признаюсь, я сам уже немного нервничал. Джордж наклонился в седле и подобрал поводья Стоунуолла.

— За коня не беспокойся, — заверил он меня, — Обихожу его, как своего первенца. Овес и люцерна.

— И чуть-чуть соли? — спросил я. — Буду признателен. Кажется, всем нам не мешает вздремнуть.

— Забудь свои тревоги, а я постараюсь, чтобы и конь твой забыл. Эй, Покателло Джек! На твоём месте я бы сегодня радовался, что ты пока впереди. Больше такого случая не будет.

Сандаун, ни слова не говоря, провел коня в ворота. Я пожелал Джорджу спокойной ночи и пошел догонять индейца.

Шум вокруг вигвамов как будто ослаб при нашем приближении. Стук барабанов, крики играющих в палочки, даже собачий лай стали тише. Перед тем как войти в поселок, Сандаун остановился.

— Пожалуй, сходим сперва к реке, — сказал он, — Лошадей напоим, помоемся.

Детей под водопадом не было. Приближалось время ужина. Я помог Сандауну расседлать его пегого и проверить копыта. Он расчесал коню гриву, потом расплел свои косы и тоже расчесал волосы, глядясь в воду. Ему явно не хотелось смотреть в сторону вигвамов. Над этим еще вчера подтрунивал Джордж. Меня разбирало любопытство, но я не спрашивал. За темными дубами взошла луна, и озерцо стало пятнистым, как лошадь в яблоках. Индеец расчесывался, его неподвижное лицо смягчилось. Стало тихо кругом, и Сандаун заговорил. Он говорил, наверное, час — о своей родне, о своем прошлом, о молодости... но больше всего о своей давней дружбе с Джорджем Флетчером.

Они стали друзьями-соперниками с самой первой их встречи во время крещения, на этом самом берегу, почти сорок лет назад. Затевалось оно для того, чтобы очистить души малолетних краснокожих нехристей, но пендлтонская церковь отправила туда заодно и черного мальчика. Он был подкидыш, сын горничной из гостиницы. В один прекрасный день — это было воскресенье — из товарного вагона вылезла женщина и пошла искать работу. Когда завязки на переднике перестали сходиться, горничная объявила, что она замужем. Муж скоро приедет из Денвера. Когда ребенок родился, она вышла из больницы, и больше ее не видели. Может быть, уехала в том же товарном вагоне, предположил Сандаун. И денверский папа не объявился. К концу недели больница сдала младенца городу, а

город перепоручил его церкви.

Ребенок переходил от одного доброго самаритянина к другому. Пришла пора отдавать его в школу, а он был дик, как архар, грязен, как свинья, и не крещен. Отцы церкви сочли невозможным погрузить его, наряду с другими агнцами, в бочку из-под огурцов, служившую купелью, но ясно было, что малец нуждается в стирке, и физической, и духовной. Поэтому его отправили на реку с индейскими детьми. Индейцы тоже отнеслись к нему недоверчиво. Сестра Сандауна, Мария Красивый Иисус, потребовала, чтобы духовное омовение этого странного темного существа отложили — пусть сперва окрестят остальных.

— Мария Красивый Иисус решила, что он вроде тех китайчат, которые жгут уголь для кухонь. Сказала, что он испачкает воду. Джордж оскорбился и залепил в нее комом грязи. Я стукнул его бесплатной Библией. Мы дрались до вечера. Отцы церкви позволили нам драться и делали ставки.

— Кто победил?

— Никто. Стемнело, ничего не видать, и отцы церкви вернулись в город. Джордж пошел со мной в резервацию.

— После того, как полдня дрались?

— Да больше катались по земле и щипались, чтобы другой сказал «сдаюсь». Но ни он, ни я не сказали. Когда пришли в поселок, Мария Красивый Иисус впустила Джорджа, дала большую лепешку, жаренную в масле, и помолилась за его душу. Он прожил у нас много лет, с перерывами. Лепешки ему понравились. Джордж съест все, что бесплатно.

Позади нас зашелестели ивы — теперь мы были не одни. Нагрянула ватага индейских мальчишек — послушать своего знаменитого родича. Один ободранный паренек стоял особняком и разглядывал богатое седло Сандауна. Сандаун продолжал рассказывать, как будто ребят здесь не было.

— Мы старались растить Джорджа как настоящего нез-персэ. Но без толку. Охотиться не умел, рыбу ловить не умел. Даже в палочки играть не научился. Когда вырос, его отлучили от лепешек, и он на подножном корму добрался до Пендлтона. — Сандаун убрал скребницу в расшитую бисером сумку, — Из него все равно бы не получился хороший индеец. Слишком много разговаривает. Эй! Малый!

Мальчик у седла вздрогнул. Он водил пальцем по серебряному украшению на седле. Он с вызовом посмотрел на Сандауна. Сандаун посмотрел ему в глаза, запустил руку в свою сумку и кинул мальчику серебряный доллар.

— Отнеси седло к моему вигваму. Завтра, может, разрешу тебе его начистить.

Он повесил сумку на плечо и повел коня прочь. Мальчик пошел за ним, спотыкаясь под тяжестью седла. Сандаун не обращал на него внимания. Он поднял нос и принюхался.

— Слышу, варят индейский чай. Попьем.

Гам в поселке стал еще громче. В вигваме Сандауна плакали маленькие дети, но не горько. Им просто хотелось поучаствовать в общем гвалте. Сандаун стреножил коня на траве за вигвамом и дал охапку кукурузных стеблей. Потом показал на колоду. Мальчишка надел на нее седло и присел на корточки рядом. Перед входом в вигвам в костре стояла сорокалитровая молочная фляга; из нее шел пар. Сандаун наклонился и понюхал варево. Видимо, удовлетворенный ароматом, он взял из корзины тыквенный черпак и попробовал. Лицо у него сморщилось, как урюк.

Такого сильного движения на лице, как от этого напитка, я у Сандауна еще не видел. Горло у меня перехватило от одного только его вида. Можно было ожидать, что дегустатор немедленно положит крышку на место, но Сандаун вынул из сумки металлическую флягу и попросил меня поддержать, а сам стал аккуратно наливать в нее черпаком жидкость с резким запахом. У меня на глазах фляга окрасилась в ядовито-зеленый цвет. Полог на входе в вигвам отодвинулся, и оттуда вышла вразвалку толстая скво с плоской корзиной раздавленного шоколадного торта. Торт выглядел как ископаемое и был такой же твердый. Она взяла у Сандауна ковш и стала поливать торт этой жидкостью. Когда он достаточно увлажнился, она вернула ковш и так же вразвалку ушла в вигвам. Сандаун шепотом сообщил мне, что это и есть та самая щепетильная сестра, в которую Джордж кинул ком грязи, — Мария Красивый Иисус.

— Она отказалась от Иисуса и масленых лепешек ради шоколадного торта и чая.

Детишки завопили громче. Сандаун закрыл фляжку и спрятал в сумку. Потом подошел к вигваму и заглянул под полог. Вдоль всех стен там были навалены продукты — большей частью кукуруза и арбузы. А посередине, кучей — индейцы всех возрастов сидели, пили, и все одновременно вполголоса разговаривали. Разговаривали на смеси английского и индейского, с вкраплениями мексиканских слов. Но это не было похоже на человеческий гомон, а как будто сойки, сороки и вороны, обсевши дерево, наперебой излагали свои мнения.

Сандаун протянул руку внутрь, взял пачку крекеров и полоску вяленого мяса и отпустил полог.

— Джордж Флетчер правильно сказал насчет горластых индейцев. Попьем чаю на террасе.

Терраса оказалась каменным уступом на краю поселка. Сандаун, сняв пиджак и рубашку, сидел на краю и расчесывал волосы. Он снова погрузился в немое созерцание. Из угла рта у него свисала полоска вяленого мяса. Он отхлебывал из фляжки и методично жевал. Я проследил за его взглядом, но не увидел ничего, кроме заснеженной горной вершины.

— Там какая-то гора, — Я хотел завязать вежливую беседу за чаем. — Как она называется?

Сандаун продолжал жевать и причесываться.

— Джеф'сон, — пропустил он мимо вяленого мяса.

— Как?

Сандаун перекусил мясо и протянул мне обгрызенный хвостик.

— Теперь ее называют «гора Джефферсон».

— А раньше как называли?

— Называли «Ях Каккинан». До того, как ваш президент ее забрал.

— Понятно, — Я разжевал кусок мяса и запил чаем. Я понемногу привыкал к напитку; вкус у него был не такой злодейский, как запах. — А что это значило: «Ях Каккинан»?

— То же, что сейчас. Чертовски высокая гора. Дай мне еще чаю.

Я отдал фляжку.

— Он не такой противный, как мне сперва показалось. Из чего он?

— Из травы.

Сандаун отпил, потом плеснул на ладонь, пригладил волосы и продолжал причесываться.

— А мясо? — приставал я, — Такое вкусное мне редко попадалось. Олень?

— Не олень.

— Лось? Антилопа?

Он помотал головой.

— Господи, неужто собачье?

Вопрос повис в воздухе, но через некоторое время Сандаун все же ответил.

— Индейка.

— Индейка? Вяленая индейка?

Если бы это сказал кто-то другой, я решил бы, что меня разыгрывают. Волокна были слишком длинные для птичьего мяса. Но я не представлял себе, чтобы этот хмурый человек мог над кем-нибудь подшучивать. Я откусил еще, и мы продолжали жевать и прихлебывать в тишине. Сандаун наслаждался молчанием. А меня разбирало желание поговорить. Повод мне

дал победный крик в поселке.

— Слушай, я не понял — кто выигрывает в этой игре?

— Кто обманул другое племя. Когда они не угадали, где палочка.

— А, это вроде наперстков, — сказал я. — Только командами.

— Угу, — ответил он.

Я ожидал каких-нибудь подробностей, но Сандаун принялся заплетать волосы заново. Раздался детский крик, яростный и безутешный.

— Что-то с ребенком? — спросил я Сандауна.

— Нет.

— Я думал, индейские дети не плачут.

— Плачут, когда им делают обрезание.

— Да по голосу ему вроде поздновато.

Сандаун ничего не ответил.

— Это твой ребенок?

— Нет, — сказал он, — У меня нет детей.

— Джордж, по-моему, сказал, у тебя было много скво...

— Джордж слишком много говорит, — сказал он. Потом смягчился, — В нашем вигваме много скво, но у меня только одна жена. Тридцать два года. Всю жизнь одна жена. Почти один ребенок. Ты много вопросов задаешь.

Я извинился и торжественно пообещал держать свои вопросы при себе. Сандаун повернул лицо к далекой горе и продолжал заплетать волосы.

Луна поднималась в небе, полная, оцепенелая. Поселок затихал. Ребят загнали в вигвамы. Плакавший младенец уgomонился, уснул.

Похолодало. Сандаун надел рубашку и пиджак. Потом вынул из сумки длинную пенковую трубку, набил табаком из кисета с бахромой, раскурил и с удовольствием откинулся назад. Заметив, что я наблюдаю за ним, он подал мне трубку. Я пыхнул разок и понюхал чашку.

Любопытство опять меня одолело, и я спросил:

— А какой у тебя?..

Сандаун не дал мне договорить:

— Принц Альберт.

Он забрал трубку и больше не предлагал.

Луна поднималась. Звезды кружили в небе. Костры перед вигвамами потухли. Костер совета, наоборот, разгорался и становился все выше — в него подбрасывали большие сучья, потом поленья, доски, ящики. Круг света расширялся и охватил уже всю стоянку.

Все больше народа сходилось на центральную площадку, барабанный бой становился громче. Люди сидели на корточках и как будто чего-то

ждали. Одни обстругивали палочки, другие играли в ножички. Некоторые вставали и принимались плясать. Какой-то пьяный в облезлой меховой шубе косолапо ходил вокруг костра, изображая медведя. Со своего поста пришел старик Чашка-с-Верхом; головной убор его поник больше прежнего. Он зажег оперенный конец своего копья и стал чертить в дымном воздухе огненные фигуры, ругаясь с ними и спрашивая пароль.

Меня разбирал смех, и я не знал, долго ли смогу сдерживаться. Это была не пасторальная картина из жизни Благородного Дикаря, это была комическая открытка. Я не хотел показаться непочтительным, но сверху, с нашего каменного уступа, происходящее внизу с каждой минутой выглядело все глупее. Даже невозмутимого Сандауна оно слегка забавляло. Я глянул сбоку на моего соседа. Сейчас глаза у него были закрыты, но я видел, что он не спит: он играл своей монетой. Она плясала в его пальцах, как будто в нее вселил жизнь барабанный бой. Даже это показалось мне смешным. Я отвернулся, чтобы не захохотать, и увидел нечто такое, от чего смех застрял у меня в горле.

Огненные росчерки дяди Чашки перестали быть беспорядочными: линии искр в черном небе сложились в огненный фантом, огромный, похожий на медведя. И этот огненный след не погас, не рассеялся; у меня на глазах фигура становилась ярче, плотнее и наконец сорвалась с копья дяди Чашки и закружилась среди плясунов по собственной воле. Как монета. Живая! Я с трудом оторвал от нее взгляд и повернулся к Сандауну.

— Что за трава?

Сандаун перестал играть монетой и открыл глаза.

— Дурман, — произнес он с неописуемым терпением.

— Дурман?! Ведь он ядовитый?

— Довольно-таки.

— Довольно-таки или очень?

— Вообще, очень.

— Сколько его надо, чтобы очень?

— Я слышал, один индеец выпил сорок две чашки.

— Господи! — Я ошалел. — Сколько его надо, чтобы умереть? И сколько времени? Извини, что задаю столько вопросов, но... Господи боже, противоядие-то есть?

Он поднял ладонь.

— Подожди, у меня к тебе вопрос, — Лицо у него изменилось. Оно помолодело, черты обострились, и в глазах вспыхнуло пугающее веселье, — Хорошо?

Я сглотнул с усилием и кивнул.

— Как думаешь, что случилось с индейцем, который выпил сорок две чашки?

— Черт, представить себе не могу. Сорок две чашки? Что же случилось с беднягой?

— Он умер в своем вигваме.

И тут, окончательно приведя меня в смятение, Джексон Сандаун начал трястись. Я смотрел на него со страхом. Он больше ничего не добавил о чаевнике, и я отважился на еще один вопрос.

— А что будет, — осторожно спросил я, старательно вкладывая в голос тревогу, которая и в самом деле переполняла меня, — если выпьешь всего пару чашек?

Он затрясся еще сильнее. Я испугался, что он свалится с уступа, но он вдруг перестал и, подняв ладонь, прислушался. Барабанный бой и пляски прекратились. То, чего ждали там, видимо, явилось.

В освещенный круг вошли два ковбоя. Я увидел, что это рыжие близнецы, которые подгоняли мулов Буффало Билла сигарами. Выглядели они более пьяными и задиристыми, чем в прошлый раз, и шли в сопровождении пяти-шести дружков. Они перемолвились с дядей Чашкой и, видимо, пришли к какому-то согласию. Старик принял мешочек табаку и поманил кого-то. Из темноты возникла грушевидная фигура, за которой тянулась длинная веревка. Фигура была одета как будто бы в женский алый халат. Сандаун отвернулся и с отвращением сплюнул.

— Это Приятный Ястреб и Оладья. Неудивительно, что нас считают коварными.

Увидев, к чему тянулась веревка, я рискнул предположить, что Приятный Ястреб — вероятно, человек. Животное стояло, растопырив ноги, и бессмысленно смотрело на костер. Это, надо полагать, была Оладья. Один из близнецов вынул бумажник и отсчитал на бочку несколько купюр.

— Этим дуракам хватит глупости сесть на Оладью, — сказал Сандаун, — Приятный Ястреб разденет их до последней нитки.

Приятный Ястреб пересчитал деньги на бочке и покачал головой. Недостаточно. Другие ковбои добавили до нужного количества. Грушевидный индеец вынул из кармана халата рулончик денег и уравнивал их ставку. Лошадь смотрела на костер.

— Надо сказать, с виду эта Оладья — ничего особенного, — заметил я, — Не сравнить с Мистером Суини.

— На Мистере Суини ездили. На Оладье пятнадцать секунд никто не усидел. И десяти, и пяти. Увидишь.

На глаза сонной лошади надели повязку. Один из рыжих близнецов вскочил на нее. Приятный Ястреб передал рыжему поводья. Взявшись за край повязки, он посмотрел на всадника: готов ли тот. Ковбой кивнул. Картинным жестом индеец сдернул повязку. Ничего не произошло. Друзья ковбоя начали отсчет. Ленивая лошадь подняла, повернула голову и с сонным, презрительным выражением посмотрела на своего седока. Посмотрела секунду-другую, потом сделала несколько мелких шажков — и прыгнула. Не вперед и не вверх, как нормальная брыкливая лошадь, а назад, как прыгун в воду с обратным сальто. С тошнотворным стуком она приземлилась на спину, примяв наездника.

Сандаун опять сплюнул.

— Удивительно, что до сих пор никто не пристрелил этого жулика вместе с лошастью.

Казалось, что именно это и сделает сейчас другой близнец, но друзья его удержали. Лошадь встала на ноги, а они подняли придавленного товарища. Одна рука у него была согнута в локте под неправильным углом. Его увели в темноту. Лошадь как будто уснула. Приятный Ястреб поцеловал ее в нос.

— Эту лошадь надо объявить вне закона, — сказал Сандаун. — Никто не может ехать на таком выродке.

— Я могу, — сказал я.

Паника из-за чая улеглась, и мною опять овладело легкомыслие.

— Что ты можешь? — спросил Сандаун.

— Ехать на ней. Прямо сейчас могу ехать.

— Ты что, не видел? Это подлая лошадь. Приятный Ястреб и Оладья годами облапошивают всех подряд, от Калифорнии до Канады.

— Может, мы в Теннесси знаем кое-какие фокусы, которых Ястреб и Оладья не знают.

— Может, ты хочешь спину сломать?

— Хочешь пари?

Задумчиво глядя на меня, Сандаун покусал монету. Потом пожал плечами и встал. Мы сплыли по откосу под луной, как два призрака, плывущие сквозь сон. Входим в освещенный круг. Все смотрят. Лошадь стоит с завязанными глазами. Сандаун и Приятный Ястреб держат поводья. На этот раз лаптем на ней — я.

— Раз — заплати? — нараспев говорит Приятный Ястреб. — Два — проходи?

— Заткнись, — рявкает Сандаун. И поворачивается ко мне: — Подождал бы, Маленький Брат. Пока не попишаешь этим чаем...

Тут до меня доходит, и я смеюсь.

— Пис-чаем в фиг-ваме.

— ...три — приготовься...

— Сорок две чашки, и фигвам. Сила!

— ...четыре — беги!

Приятный Ястреб сдергивает повязку. Оладья поворачивает голову, чтобы презрительно посмотреть на нового лаптя. Я поворачиваю ей поводом голову еще круче и хватаюсь за уздечку. Я нагибаюсь и со всей своей пьяной силы впираюсь зубами в ее нежный нос.

Бедная скотина хочет засеменить, но голова ее вывернута. Она может только ковылять по узкому кругу. Я слышу, как кричит Приятный Ястреб и считают ковбои.

— ...три... четыре... пять...

Только благодаря росту я могу дотянуться зубами до ее носа. Никто другой бы так далеко не достал. Круг за кругом делаем мы с лошадьё, а Приятный Ястреб кричит нам, махая повязкой, как белым флагом:

— Кусать нечестно! Нечустно!..

А ковбои считают:

— ...тринадцать. Четырнадцать. *Пятнадцать!* Ура теннессийцу!

Даже индейцы кричат.

Я слез с лошади, Сандаун кивнул, а старик Чашка-с-Верхом отдал мне честь. Ликовали все, кроме Приятного Ястреба. Он промокал нос лошади салфеткой и продолжал меня отчитывать.

— Если внесешь ему инфекцию, я пойду к шерифу!

Ковбои гикали. Барабаны снова застучали, танцы возобновились. Искры, кружа, взвивались в небо. У меня был трудный день и богатый событиями вечер. Не мешало поспать. Я вошел за Сандауном в вигвам. Развернул постель и лег. Поселок затихал. Где-то еще барабанили несколько барабанов. Дети не плакали. Собаки не лаяли. Отсветы костра взбегали по шестам вигвама, как красные ящерицы. Взбежав до верха, ящерицы превращались в серых змей и уползали к звездам.

Я гладил большой медной монетой щеку. Она была вторым по ценности призом из всех, доставшихся мне за жизнь, — вторым после поцелуя и платка.

— Сорок две чашки. Ха-ха.

— Спи, — приказал из темноты Сандаун, — Пока не захлебнулся.

— Сорок две чашки, и фигвам захлебнулся в моче-чае.

Тут я умолк: змеи превращались в табуны крохотных лошадок — и я не хотел их спугнуть.

Глава двенадцатая

Корону за коня

Так что второй день я встретил в почти таком же похмелье, как первый. Но не таким обалделым. На этот раз здоровенный бычок, мчавшийся по арене, был в фокусе, и я прищипоривал Стоунуолла с уверенностью. Лассо мое полетело быстро и точно. Бычок повалился, я мигом спешился, накинул путы и картинно взмахнул рукой. Публика одобрительно зашумела, и я помахал еще. И уже раскатал губу. Подавайте ваш приз; сегодня я на коне.

Я задержался у выездных ворот под судейскими местами — посмотреть, как пойдут дела у соперников. С секундомером сидел Сесил Келл. Он помахал мне и показал секундомер. Я не разглядел цифр, но знал, что лучшего времени никогда не показывал. Он передал секундомер Оливеру Нордструму. Нордструм присвистнул и передал Буффало Биллу. Старый разведчик сидел в секции для почетных гостей, рядом с гигант-борцом. Он смотрел в полевой бинокль на ворота, откуда выпускали бычков.

— Сегодня, леди и джентльмены, — взвыл Сирена Клэнси, — в нашем состязании по ловле бычков неожиданный участник: звездный наездник, собиратель крупнейших призов в этом полудолларовом конкурсе наряду с неизвестной молодежью. Вот он выезжает на... не похоже, что у лошади есть имя, но у всадника оно точно есть — *Сандаун Джэксон!*

Насчет полудолларового верно: в те дни первый приз в роупинге после вычета второго и третьего был чуть больше семидесяти пяти центов. Роупинг был повседневной работой, которую приходилось выполнять каждому ковбою. Будничной — больших призов за нее не полагалось. Почему же эта звезда участвует в грошовом конкурсе с риском сломать ребра или вывихнуть пальцы?

Когда Сандаун пустил своего пегого жеребца легким галопом за виляющим бычком, я понял почему. Он был мастером этого будничного дела. На своем веку он, наверное, заарканил и стреножил больше бычков, чем все мы неизвестные вместе взятые, и считал, что обязан показать нам, как это по-настоящему делается. Это был урок экономии: его конь следовал за бычком, как тень за птицей. Его петля не погналась за мишенью, она была уже впереди и ждала ее. Бычок завалился на спину в эффектном

сальто, и конь подтаскивал его, как большую рыбу на спиннинге. Сандаун, спешившись, ждал, пока бычка подтянут к нему, как ждал, вероятно, на пастбище, когда работал один — чтобы сберечь немного энергии, — и живо накинул сыромятные путы на три ноги. Он обогнал бы меня, если бы не захотел сэкономить эту чуточку энергии.

Я дождался конца состязаний, полагая, что Джордж тоже захочет выехать и показать свою технику владения арканом. Но других мастеров, желавших улучшить мое время, не появилось. Я поваживал Стоунуолла вдоль ограды в тени тополей и ждал, когда назовут мое имя. Я выросал и в собственных глазах. И в приливе оптимизма подумал, что у меня, пожалуй, есть шансы на победу. Разве я уже не превзошел лучших в их коронных номерах? Джорджа вчера в скачке задом наперед, а сейчас Сандауна в роупинге? Голос Сирены Клэнси объявил меня победителем, но милая Сара не прискакала ко мне с наградой. Слишком прозаическое состязание — принцесса здесь не требовалась. Слишком будничное.

Нордструм дал мой выигрыш бойскауту, и тот принес мне. В глубоком разочаровании я сел на коня и поехал прочь. У поворота дорожки группа ковбоев и индейцев облюбовала пятачок тени и наблюдала оттуда. Некоторые были еще в седлах, другие сидели на ограде. Индейские мамы и дети смотрели на арену из-за висящих сапогов.

— Пристраивайся, Нашвилл, с галерки лучше всего следить за скачками скво.

Это был Джордж — он сидел на сосновом столбе, как птица. Я повернул Стоунуолла и подъехал.

— Опять скачки скво? Я понимаю, почему тут индейцы, но вам-то, кавалеристы, какой интерес? Нравится наблюдать черноволосых дев верхом на пятнистых лошадках?

— Одна из этих дев не такая уж черноволосая, — сообщил мне рыжий малый, сидевший рядом с Джорджем.

Это был Бисон, тот близнец, которому хватило ума не сесть на Оладью. Он подвинулся, освобождая мне место. Джордж протянул фляжку. Вода слегка отдавала дурманом.

— Хорошо завалил бычка, — раздался под тополем ровный голос Сандауна.

Джордж с энтузиазмом подхватил:

— Точно! Ты не свистел, когда сказал, что твоя специальность — лассо. Я пробовал соревноваться с Сандауном и каждый раз заканчивал у него под хвостом.

Поэтому и сегодня не стал. Но послушай, Нашвилл, — голубую ленту

получил, а лицо что-то постное.

Постное, сказал я, оттого, как эту ленту вручили или, верней, не вручили.

— Почему, — возмутился я, — приз за роупинг вручает бойскаут, а за вчерашнюю дурацкую задом наперед нас чествуют по-королевски? Понять не могу...

— А-а! — Джордж поднял палец, — Теперь понятно. Ты думал, Сара Меерхофф опять тебя будет чествовать. Да ты что, не слышал? Сару Меерхофф, как это сказать, «дисквалифицировали»? Сместили? Принцессу можно сместить? Свергли? Низложили?

— Уволили, — сказал Бисон, — Узнали, что она ехала в скачке скво с выкрашенным лицом и в черном парике. Выиграла и улизнула без приза.

— С индианками? Поверить не могу.

— И судья Меерхофф не мог, — сказал Джордж. — Пока одна индианка не показала ему черный парик в ее седельной сумке. Но ее не поэтому... как его... Свергли?..

— Уволили, — подсказали в один голос три или четыре зрителя.

—.. уволили. Не за то, что участвовала обманом, выкрасив лицо, и выиграла. Пендлтонцы ей всякие фортели прощали — она им напоминает свою маму. Нет — за то, что чертовка записалась на сегодня, после того, как ее поймали с поличным.

— Собирается ехать?

— В сегодняшних полуфиналах. И без парика, без краски.

Он показал туда, где за паддоком, перед веревкой стартера толклись всадницы. В темной чаще мелькнула светлая голова.

— Она же не индианка! — воскликнул я.

— Доказывает, что индианка, — сказал Сандаун. — Потерянное колено, называется Леви [\[35\]](#).

— Поднялся страшный переполох, — сказал Джордж, — Папа Меерхофф умолял ее, пока в горле не пересохло. Она не уступила, и тогда у нее отобрали корону принцессы. Вот, скачут. А вон и она — с ивовым хлыстом в зубах, на своей аппалусе [\[36\]](#). Хи-хи. Маленькая оторва лучше поедет с индианками, чем будет выступать принцессой.

На том первом родео скачки скво были единственным состязанием, открытым для женщин. Я не считаю заезды вокруг бочек, где едут по одному и на время, и не считаю вольтижировку. Сара Меерхофф не ездила вокруг бочек [\[37\]](#) и не была вольтижёркой. Ее призванием были скачки — не призванием, инстинктом в крови, более древней, чем сами скачки. И конь

ей был милее трона.

К первому повороту Сара на своей кобыле, такой же худой и скупой в движениях, как она сама, отстала от группы на три четверти корпуса. Ко второму — уже на два корпуса позади трех других девушек, рвавшихся в лидеры. Перед последней прямой она пошла по внешней дуге, близко к нашей ограде. Она выдернула из зубов хлыст, но прежде, чем хлестнуть свою аппалусу, сильно подмигнула мне, как вчера вечером. Она огрела лошадь по боку и взвизгнула сквозь зубы: «Ии-ап!», и лошадь сиганула вперед, как гигантский заяц. Финишную черту они пересекли даже не на два корпуса впереди, а скорее на два прыжка. По стуку в груди я почувствовал, что эта девушка из колена потерянных Леви одержала победу не только в скачке скво.

На своем веку я повидал немало классных скачек и классных лошадей, но запомнились мне — наездники. Лошади приходят и уходят. Если хочешь играть на скачках, забудь про лошадей. У скаковых лошадей короткая биография, на них не стоит слишком полагаться. Ставь на наездников. Они всему голова. Всё в их руках. Посредственные наездники знают только кнут. Хорошие — и кнут, и пряник. У замечательных — три руки: в одной — поводья, в другой — хлыст, в третьей — сердце лошади.

Когда осела пыль, приветствий было столько же, сколько воркотни. Светловолосая дева мало походила на индианку. Судейский помост встревоженно жужжал. Мистер Меерхофф, желая избежать конфликта интересов и сердечного приступа, устранился от обсуждения. Красный как рак, он сидел, откинувшись в своем судейском кресле. Две старшие дочери поочередно подносили к его губам ложку с лекарством. Джордж поцокал языком, сочувствуя взволнованным судьям.

— Вот попали так попали. С одной стороны, несправедливо отнимать победу только за то, что у победительницы кожа недостаточно темная. А с другой — если дадут этой русой ленту за скачку скво, индейцы, чего доброго, восстанут. Ты бы как поступил, Нашвилл?

Никакого мнения я составить не мог — после того как она подмигнула, я вообще лишился дара речи.

Бисон сказал:

— Похоже, твой теннессийский друг уже короновал ее — смотри, какие у него глаза круглые.

Индейцы и ковбои засмеялись. Я не думал, что это так заметно. Голос Сирены Клэнси вернул меня на землю.

— Леди и джентльмены, пока наши судьи принимают трудное решение, «Феерия Буффало Билла "Дикий Запад"» любезно согласилась

предложить вам особый дополнительный аттракцион: всемирно известный мастер вольтижировки, Ирландская Всадница мисс Мэгги О'Грейди!

На своей лошади, разукрашенной трилистниками клевера, стремительно выехала женщина с оранжевыми волосами. Она сделала круг по арене, охаживая толстую лошадку по клеверному крупу, так что разогналась не хуже Сары. Для чего это делалось, было понятно: если к скачкам допустят не только индианок, то почему не принять во внимание Ирландскую Всадницу тоже? Прерия Роз Хендерсон выехала галопом и присоединилась к О'Грейди на втором круге, нахлестывая лошадь также и также мчась во весь опор. Публика одобрительно кричала; дискуссия на судейском помосте стала еще жарче. Повинуясь внезапному импульсу, я отъехал от ограды и трусцой направился к водопойному корыту.

Сара Меерхофф обтирала свою потную кобылу мокрым махровым полотенцем. Потные волосы прилипли к ее щекам и лбу. Она встретила меня ехидной улыбкой:

— Ну что, полковник Спейн. Умею ездить?

— Безусловно, умеете, мисс Меерхофф. Как птица на ветру.

— У вас и вашей лошади, полковник, слегка изнуренный вид. Вы уверены что правильно питаетесь?

Я не знал, что ответить.

— Поехали бы к нашему киоску. У папы и сестер наверняка найдется чем перекусить.

Я, как последний тупица, ответил, что ни папы, ни сестер в киоске нет; они на судейских местах. Она улыбнулась еще ехиднее.

— В таком случае все равно поезжайте и подождите. Кто-нибудь вас накормит. Можете подождать в крытом фургоне. Там тихо и никто не помешает. Ап!

Она шлепнула Стоунуолла полотенцем. От неожиданности он припустил прочь. Я оглянулся: она макала полотенце в корыто.

Я понял, что она имела в виду, говоря о фургоне. Он стоял на отшибе, в тени ясеней, но из двери сзади можно было хорошо видеть арену. На полу лежали мешки с мукой, сахаром и сушеными яблоками. Сбоку постелено сложенное вдвое стеганое одеяло. Выглядело соблазнительно, но я не решился залезть внутрь. Я привязал Стоунуолла к спице, а сам прислонился к фургону и ждал. Стоунуолл, заинтересовавшись запахами, тыкался носом в парусину. Немного погодя я нагреб в шляпу сушеных яблок, и мы пожевали. Когда принялись за вторую шляпу, Сирена Клэнси взобрался в свое воронье гнездо.

— Прошу внимания! После долгих размышлений ленту за гонку скво

совет присуждает... Мэри Элизабет Вороний Прыжок из народности якима!

Часть заплодировала, часть заулюлюкала.

— Подождите! Приготовлен новый приз и учреждено совершенно новое состязание! Завтра, после финальных соревнований по езде на дикой лошади, будет проведена эстафета наездниц, первая в своем роде. Три круга, три разные лошади, три сотни долларов — победительница получает все. Как вам эта новость?

Раздались нерешительные аплодисменты. Со стороны судей это был гениальный дипломатический ход: «три лошади» означало, что победит не лучшая лошадь, а лучший наездник. Или наездница, как я понял. И мне это очень понравилось. Судя по тому, как Сара работала со своей аппалусой, ради нее любые три будут лезть из кожи вон — все равно, четвероногие или двуногие.

Я подождал сигнала к следующему состязанию, а потом поехал к загонам, разочарованный и поникший. Сара чуть не затоптала нас. Она возвращалась на своей кобыле, ведя за собой еще двух тощих лошадей. И заговорила, почти не сбавив хода.

— Извините, мистер Спейн. Мне надо испытать этих двух кляч для завтра. Вы понимаете. *Йи-ан!*

Она рванула дальше и скрылась в лабиринте загонов. Я, конечно, понимал. Но был уязвлен. А причина, если подумать, была та, что озорница и роману предпочитает скачки.

Я сжал зубы, прищепил коня и поскакал к турнирной арене — рыцарь без дамы.

Глава тринадцатая

Обувь потом почишишь

Чертово родео продолжалось, одно состязание перетекало в другое, как тени в дыму. Чары индейского чая еще не рассеялись. Думаю, поэтому во второй день Сандаун возился со мной больше, чем Джордж. Может быть, из-за этого же события второго дня освещены таким странным светом в моих воспоминаниях. До сих пор вижу лицо Сандауна за рогами бычка [38], первого, которого я завалил в жизни. Узкогубый темный рот будто высечен в солнечном свете. «Рано, — повторяет он, оттесняя бычка к Стоунуоллу, — Рано, рано». Потом он кивнул, и я прыгнул. Я хорошо захватил рукой оба рога, но бычок был слишком тяжел для меня.

— Кусай! — крикнул Сандаун, поворачивая коня, — У коровы нос чувствительный, как у лошади.

Я перегнулся через голову бычка и впился зубами в его верхнюю губу. Потом отклонился назад, и он с ревом свалился мне на колени. Я поднял обе руки и продолжал держать его зубами.

— Кусай губу! — вопила публика.

Сандаун поймал Стоунуолла и подвел ко мне. Мы выехали с арены и нашли Джорджа — он опять сидел на тюках сена с пинкертоновцами, специально, чтобы действовать им на нервы. Он держал на ладони свои большие часы и, когда мы подъехали, присвистнул.

— По моим расчетам, Нашвилл, ты на втором месте. Сразу за этим вот твоим индейским другом.

С расчетами он слегка поторопился. В последнюю минуту возник еще один участник с таким же зубным приемом и отодвинул меня назад. Это была Прерия Роз Хендерсон. В отношении зубов оснащенная лучше меня. Когда нам троим секретарь раздавал серебряные доллары, Джордж стоял с нами. Он снял шляпу перед Прерией Роз.

— Я не удивляюсь, что вы, мисс Хендерсон, умеете их укусить — у папы Абнера Хендерсона вы воевали с бычками с тех пор, как научились ходить. Но где наш продолговатый теннессийский друг научился этому фокусу?

Крупная девица улыбнулась и пожала плечами. За нее ответил Сандаун.

— Ты не единственный учитель в этом коровьем колледже, —

известил он Джорджа. — Кое-кто из нас тоже знает кое-какие фокусы.

Сандаун часто говорил, что в родео есть только два основных умения: заарканить лошадь и усидеть на ней. Все остальное — фокусы.

Еще мне запомнилась езда на оседланных быках. Допускались команды из трех человек, и мы с Сандауном и Джорджем составили команду. К воротам подогнали злых молодых быков, и в качестве новинки распорядители добавили к ним старого сердитого бизона.

— Можете выгнать их, Билл? — спросил Сирена Клэнси.

Буффало Билл встал и поднял винтовку. Она выпустила облачко холостого дыма. Задвижка отлетела, и бычки вырвались на арену. Ковбои побежали за ними с арканами и седлами, оставив нам тучу пыли. Товарищи мои, при всей их сноровке, были неважными бегунами. Пешие, они были медлительны и тратили энергию с большой оглядкой. Вскоре свободным остался только старый угрюмый бизон.

— Аркань его, — пропыхтел Джордж индейцу, — Я поеду, если парень его заседлает.

Он поймал бизона за заднюю ногу, а Сандаун накинул лассо на массивную голову. Я попробовал подобраться к зверю с тыла, но он повернул ко мне морду и наступил на ногу. Я бросил седло и схватился за мысок сапога. Джордж и Сандаун мотались на своих веревках, как две марионетки.

— Потом почистишь обувь, Нашвилл! — заорал Джордж, — Седлай его, пока он нам печень не вытряс.

Я набросил седло бизону на горб и схватился за подпругу. Он не дал мне протащить ремень назад.

— Хорош! — крикнул Сандаун, — В правилах сказано, седло надо закрепить. Закреплено. Садись, Джордж Флетчер!

Джордж сел. Бизон заревел от возмущения. Крупнокалиберные ружья он мог понять. Стрелы. Копья. Но седло и всадника? Он взорвался как вулкан, выплюнувший в небо пробку красной лавы. Но ярость сделала его неуклюжим. Задние ноги его запутались в моей веревке. Он споткнулся и с оглушительным стоном упал на брюхо. Это позволило Джорджу снова вспрыгнуть в седло. Бизон поднялся на ноги и устремился туда, откуда прибежал, — прямо к линии финиша. Незакрепленное седло стало сползать. Джордж дал ему сползти, а сам вцепился в косматую гриву. Седло съехало под брюхо. Джордж ухватился за подпругу. К огромному удовольствию зрителей, мы с Сандауном добежали вслед за курчавым наездником и лохматым скотом до финиша. Мы уже становились любимцами публики.

После езды на быках следующим номером шла гонка вокруг бочек. Я посмотрел список. Участвовали десятки девушек, но в списке не значилась ни Сара Меерхофф, ни Женщина из пропавших Леви. Она готовилась к завтрашним скачкам. После бочек предстояли формальности — речи, парад, всякая официальная ерунда, так что у нас был большой перерыв до езды на мустангах.

Сандаун получил наши маленькие премиальные за езду на быках, и мы отправились к водопадику поделить их и помыться. У озера стояла тенистая купа лоха. Мы расседлали лошадей и оставили их кормиться узкими серо-зелеными листьями. Джордж достал из седельной сумки туалетные принадлежности: кусок мыла, банку с помадой и опасную бритву, завернутую в драную тряпку. Он намылил лицо, опустил на колени и стал бриться, глядя в воду, как в зеркало. Закончив, он отдал принадлежности Сандауну и мне, хотя мы не просили. И даже не сказали «спасибо», насколько я помню. Так уже привыкли друг к другу.

Я смыл столько рыжей пендлтонской грязи, сколько смог, но бритвой не воспользовался. Сандаун — тоже. Он расплел косу и принялся расчесывать волосы. Из косметики его интересовала только сиреневая помада Джорджа.

Здесь, у реки, было спокойно. Говорить было как будто не о чем — мы и не разговаривали. Изредка доносился с трибун звук аплодисментов, вежливых и почтительных. Из своих земляных гнезд на том берегу вылетали ласточки и устремлялись за мошками над водой.

Джордж вытерся полотенцем и надел рубашку. Потом сел спиной к валуну и надвинул шляпу на глаза. Я тоже решил осмотреть внутренность своей шляпы. Приятно было ощущать себя чистым, слушать ласточек и шум воды, падающей с большого камня.

К тому времени, когда колокол Клэнси возвестил об окончании формальностей, солнце плюхнулось за горизонт, как желток большого яйца. Лошади наши стояли понурясь, дремали; ласточки вернулись в свои гнезда на берегу, а Сандаун все расчесывал волосы.

Джордж встал и потянулся.

— Засовывай свою гриву под шляпу. Мустангам все равно, коса там или не коса.

— Спешить некуда, — ответил Сандаун, — Времени полно.

Он был прав. Когда мы подъезжали к воротам, заиграл горн рыжей О'Грейди. Сирена Клэнси объявил еще один дополнительный аттракцион. Аплодисменты были жидкие. Видно, публика охладела к этим вставным номерам. Мы подъехали к ограждению и увидели на арене фургон Буффало

Билла с откинутыми бортами. Кто-то принял вызов.

На ринге с Готчем и мистером Хендлсом стояли два ковбоя. Они стояли в ближнем углу, спиной к нам. Одеты были совершенно одинаково, только у одного была подвязана рука. Братья Бисон. И пьяны они были одинаково. Тот, что со сломанной рукой, помогал брату стащить сапоги. Они все время натыкались на трехногую табуретку в углу. Сандаун покачал головой и горестно закричал. Джордж отнесся к происходящему легкомысленнее.

— Кряхти сколько хочешь, мистер Джексон, — сказал он, — Но что касается спорта, Бисонам надо отдать должное — храбрые ребята.

Сандаун не желал отдать должное дуракам.

— Храбрости больше, чем мозгов, — сказал индеец.

Он видел, чем кончилось пари из-за Олады, и знал, что предстоит повторение. Он повернул коня и уехал к столу регистратора, чтобы не видеть схватку.

Сандаун правильно сделал, что не захотел смотреть. Это было безобразно и нечестно, и ничего спортивного в этом не было. Даже в колокол не успели ударить. Когда рыжий ковбой подошел к Готчу для рукопожатия, тот просто схватил его за руку, бросил через плечо и шмякнул спиной о помост. Над матом поднялось облако пыли. Готч перевернул ошеломленного ковбоя, схватил за ступню и с размаху сел ему на поясницу. Малый захрипел — может быть, пытался выдавить «сдаюсь», но Готч и не думал останавливаться. Держа ковбоя за ступню, он перегнул его ногу через свою с легкостью кондитера, сгибающего крендель. Штанина лопнула, и высунулось веснушчатое колено. Другой брат метался за канатами и кричал: «Он сдается, сволочь! Он сказал "сдаюсь"!»

Готч не отпускал — даже после того, как на ринг всунулась рука в белой повязке, сигнализируя о сдаче. Гиганту непременно надо было рвануть напоследок. Все услышали, как хрустнуло колено.

Это было нечестно и не нужно. Я думал, толпа его ошибает, но этого не произошло. Когда Готч победно сцепил руки над головой, граждане захлопали ему так же, как удачливому наезднику. Ну, сломали скотине шею или шваркнули оземь? Лес рубят — щепки летят, какое же родео без сломанных костей?

Джордж и несколько ковбоев подъехали поближе — посмотреть, насколько парень пострадал. Ас меняхватило; я повернул коня и отъехал поскорее, пока меня не вывернуло. Не только из-за того, что невинному парню жестоко сломали колено, а из-за жестокости вообще ко всем невинным тварям. Проезжая мимо судейского помоста, я услышал тираду,

из которой понял, что по крайней мере один из жюри разделяет мое отвращение.

— Я, черт возьми, больше не потерплю этого безобразия. Мне глубоко наплевать, какую рекламу делает нам мистер Буффало Билл Коди. Мы сами, Оливер, поймали за хвост этого тигра — народ Пендлтона! Он нас одолеет или мы — его, но будь я проклят, если позволю, чтобы бродячая компания костоломов и пустобрехов прибрала наше родео к рукам!

Мистер Келл припер Оливера Нордструма к задним перилам помоста и отчитывал. Нордструм мекал и бекал и пытался успокоить старого скотовода.

— Сесил, вы правы. Абсолютно. Больше никаких безобразий и жестокостей. Но, если помните, уважаемый мистер Коди заплатил за право рекламировать свою «Феерию "Дикий Запад"» у нас на арене, и заплатил щедро. Кроме того, это он нанял для нас мистера Клэнси, не говоря уже о его контактах с банковскими кругами Бойсе.

— Хорошо! Хорошо! Но прошу вас сказать уважаемому мистеру Коди, чтобы завтра он рекламировал свое шоу *после* состязаний. Я не хочу, чтобы его зоопарк пачкал нашу арену, пока не закончится последний заезд.

— Так, может быть, сами ему скажете? Сегодня вечером он будет у меня на ужине в вагоне.

— Не уверен, что буду у вас на ужине. У меня все-таки дела. Ферма тоже требует внимания.

— Понимаю, что дела, Сесил. Вы для нашего предприятия потрудились больше всех нас вместе взятых, притом что надо было заниматься фермой. Но каждый фермер знает: есть время сеять и время пожинать сеяное. Пожинайте и радуйтесь, старый друг, — вы это с лихвой заслужили.

— Да, Оливер. Но каждый фермер знает и другое: отскреби сапоги у крыльца, если не хочешь натащить дерьмо в гостиную.

Следующим номером была езда на оседланных мустангах; Сирена Клэнси стал выкликать участников. Мистер Келл наконец выпустил Нордструма, они отошли, и я их уже не слышал. Я невольно улыбнулся. После услышанного все вокруг как будто посветлело. Если Запад не совсем еще цивилизован, это не значит, что здесь должна царить несправедливость. Нет — пока вожжи в руках таких людей, как Сесил Келл. Сирена Клэнси выкрикнул мое имя, и я выехал рысцой, уже в приподнятом настроении.

Мне достался старый пузатый конек по имени Прыгающий Боб. Когда он пустился бежать, часто и мелко взбрыкивая, я подумал, что его,

наверное, выкармливали этими мексиканскими бобами. Ему было далеко до Мистера Суини, и выезд мой прошел тускло. Но и у остальных тоже. Тошнотворный треск сломанного колена подействовал угнетающе и на животных, и на всадников. Заканчивался второй трудный и жаркий день, и ковбоям нужно было отдохнуть от арены. Все сразу устремились в недостроенный бар под трибунами, не дожидаясь, когда огласят итоговые результаты дня.

Даже здесь было до странности тихо. Ковбои лениво стояли на дорожке, курили, разговаривали вполголоса. Чины обменивались прогнозами, игроки вели подсчеты. Единственным громким голосом был женский — Надин Роуз. Репортерша расхаживала перед своей палаткой и зычно диктовала сообщение, поглядывая в блокнот с записями. Телеграфист отстукивал текст, вздрагивая от особенно громких фраз.

— Так, *точка*. Еще одна ночь тревожной неизвестности, точка. Перед тем, как история возложит корону на *Первого* абсолютного чемпиона Западного мира, восклицательный знак. Будет ли это Краснокожий Кавалерист, тире. Или Черный Чудесник, вопросительный знак. А где эти некоронованные короли родео проводят время в ожидании своего торжества? Благородного индейца мы видим стоящим в живописном одиночестве на идиллических берегах... Что? Идиллических?

Еще прибавив звука, она продиктовала по буквам:

— И-Д-И-Л-Л-И-Ч-Е-С-К-И-Х... На идиллических берегах реки Юматилла... Что? Юматилла? Ю-М-А-Т-И-Л-Л-А!

Разговоры по обе стороны двустворчатой двери притихли под напором этого рупора в юбке. И цветистая проза сконфузила многих ковбоев. Я нашел местечко у стены, где кто-то поставил бочку с водой для мытья и поднос со стаканами недопитой выпивки. Чтобы теплая вода и брошенное виски не остались втуне, я сел на бочку, снял сапог и опустил ногу в воду. Виски было тепловатое, вода — холодноватая, но она приятно облегчила боль в ноге, на которую наступил бизон.

Вошли Сандаун с Джорджем, и я помахал им в сигарном дыму. Они помогли мне слить виски и собрать пустые стаканы, чтобы тоже поместиться на бочке. Репортерша возобновила диктовку.

— А угольно-черный ковбой, вопросительный знак. Мы видим его на другом берегу, напротив его индейского друга, он выплевывает косточки знаменитой орегонской дыни в говорливую речку, точка.

— Душно, как в могиле, — заметил Джордж, — Как будто кто-то сожрал весь воздух.

— Эти простые души — гордость своих рас и всей нашей молодой

страны, точка с запятой. И я говорю: подними свой кубок в честь этих лихих всадников, запятая, Америка, запятая, ибо они герои твоего будущего.

— При такой луженой глотке, — сказал Джордж, — не понимаю, зачем ей телеграфные провода.

Он встал и поднял стакан:

— Я предлагаю тост за *настоящего* лихого всадника. Президента Теодора Руз-а-вельта, восклицательный знак.

Джордж был не из конфузливой десятка и провозгласил свой тост оглушительным баритоном, и никакая женщина, даже с луженой глоткой, не могла с ним состязаться. Все одобрительно закричали. Кто-то снова наполнил ему стакан. Едва Надин Роуз возобновила диктовку, Джордж опять поднял стакан:

— За могучего освободителя — Честного Авраама Линкольна!

Все закричали еще громче. Смущавшая их диктовка прекратилась. Ковбои в баре переглядывались и ухмылялись. Едва Надин Роуз стала диктовать дальше, как еще кто-то проорал тост в честь Джона Л. Салливана. Потом другой — в честь Дэниела Буна. Потом — в честь Джима Бриджера. И Джонни Эпплсида [\[39\]](#). Стоило репортерше открыть рот, и тут же кто-то провозглашал тост. Мы старались не смеяться над испуганной женщиной, но это было трудно. И мы уже были не случайными встречными; мы были товарищами, людьми одной крови, объединенными сегодняшним трудом, — и потешались над посторонней. У Джорджа был дар объединять людей.

Ковбои произносили тосты до синего дыма. Я решил, что пора оказать честь благородному Югу. Я сумел встать и поднял мой сапог со звездами в синем кресте, как кубок.

— За великого Серого Солдата. Генерала Роберта Э... Уй, дьявол!..

В люке материализовалась Сью Лин и выплеснула ведро кипятка мне на ногу. Улыбнулась и пропала в парном проеме. Тост договорил за меня Сандаун:

— За генерала Роберта Э. Кастера [\[40\]](#).

Тосты могли бы продолжаться весь вечер, если бы не появление Буффало Билла со свитой. Мистер Хендлс нес кожаную трубу с картой, а мрачно усмехавшийся Готч держал в зубах стебелек мяты. Позади ковылял Нордструм, опираясь на руку дамы О'Грейди, как на разукрашенную трость. Пинкертоновцы торчали в двери, оглядывали публику. Группа остановилась перед Джорджем и Сандауном. Буффало Билл прищурился на

индейца:

— Ты. Джексон. Уделишь минуту? Мы с мистером Хендлсом хотим услышать твоё мнение о кое-каких набросках. Вон стол...

Не дожидаясь ответа, старый шоумен и зазывала направились к занятому столу. Стол миготнул при их приближении. Сандаун нахмурился, потом встал и пошел за ними. Джордж тоже встал со шляпой в руке, решая, стоит ли к ним присоединиться. Готч остановился перед ним и тяжелым взглядом опустил его обратно на стул. Нордструм дружески улыбнулся и потрепал Джорджа по голове:

— Мартышка. Речи произносил, говорят?

— Несколько тостов предложил, мистер Оливер.

— Молодцом. — Он махнул бармену, — Налей всем. За президента предложил, а?

— Да, сэр. Первым делом.

— А за штат?

— Три или четыре раза. Еще за Вашингтон и Монтану.

— Тогда поднимем за... — он неожиданно улыбнулся мне, — за Штат добровольцев [\[41\]](#), прекрасный штат Теннесси.

Я встал по стойке «смирно» — насколько смог, имея одну ногу в бочке с водой. О'Грейди заметила мое затруднение, наклонилась и посмотрела в воду.

— Я видела, как этот косматый черт наступил на вас, Джонни. Чудище! Охотники доброе дело сделали, что освободили землю от этих уродских стад. Сильно он вас?

Голос ее был ласковым, улыбка — сочувственной.

— Только большой палец примял, мэм. Мне бы сейчас тарелку бобов и поспать, завтра буду как новенький.

— Оливер, может быть, возьмем его к себе? Где еще ему будет лучше? Я бы его отвезла, а вы потом приедете с их фургоном. Я осмотрю рану и заодно распоряжусь насчет его питания.

— Прекрасная мысль, мадам О'Грейди. Уверен, у нас найдется кое-что получше фасоли.

Я посмотрел на Джорджа. В ответ он только поднял брови. Я оглянулся на стол Буффало Билла, но Сандаун разглядывал большой плакат, развернутый Хендлсом. На плакате был изображен дикарь в боевой раскраске с поводьями в руке и пегий жеребец. Лицо под боевой раскраской по замыслу должно было принадлежать Сандауну Джексону в более молодом возрасте.

— Я дипломированная медсестра, а не только наездница, Джонни, —

сказала О'Грейди. — Спросите мистера Нордструма.

— Подтверждаю, сынок, и чистый гений по части ортопедии. Волшебница. Гарантирую прекрасный уход.

— Не сомневайтесь, мой сладкий. Ну, что скажете?

Что я мог сказать? Я был крайне смущен приглашением.

На этот раз Джордж пожал плечами.

— Бесплатный харч и массаж ноги — от такого приглашения не отказываются, Нашвилл. Поезжай с дамой. Я отведу твоего коня к сараю... когда мы с массой Готчем кончим наши дела. Он сказал, что посчитает за нарушение контакта, если я не устрою матч. А какие последствия, масса Готч?

— Другой контакт, и очень болезненный. — Готч ухмыльнулся.

Ухмылка расплзлась по губам, так что стебелек мяты в углу рта лопнул. У него даже губы были из мускулов.

О'Грейди подобрала мой сапог и потянула меня к дверям:

— Еле идете уже. Ноги не держат от усталости. Где вы спали прошлой ночью?

— Я спал в вигваме мистера Джексона, мэм. То есть пытался. И сейчас не против ночь поспать.

— И поспите. — Она прислонила меня к толстой стойке, где еще не зашили стену, и сказала: — Подождите здесь, я подгоню вам самокат Оливера.

Я не мог понять, что за самокат, пока из облака пыли не высунулся капот с золотыми украшениями.

Глава четырнадцатая

Минт-джулеп [42] и темная интрига

Пока ты отдыхал, мы с Номером Девять отправились из больницы в небольшой вояж.

— Пойду подышу воздухом, — сказал я сестре. Поскольку мой сахар пришел в норму, она согласилась, что прогулка не помешает.

— Сейчас ты увидишь, — говорю я Номеру Девять. Он говорит: ну да, прямо. Номер Девять — скептик. Прибрежная тропа никуда не делась. Водопадики никуда не делись. Лох растет... озерцо тут... а его нет.

— Камня нет!

— Никогда не было, — говорит Номер Девять, — Всю мою жизнь.

— А ты погляди сюда. Обломки, осколки!

— Ну, камни, ну, щебень. Они повсюду в округе Юматилла.

— Не такие, — Я поднимаю камешек, луна просвечивает сквозь него, — Это желтый обсидиан! Кто-то его взорвал.

Номер Девять говорит:

— Ну да. Прямо.

Меня не удивляет его скепсис, и я не настаиваю. «Мистер Спейн, — говорю я себе, — давно усвоил, что скептику надо все показать дважды и сказать трижды...» Я навсегда усвоил этот урок, дожидаясь того самоката.

Гудя клаксоном, О'Грейди проехала сквозь праздную толпу и остановилась у тротуара.

— Ну что, дружок? Когда-нибудь катались на «роллс-ройсе»?

— Нет, мэм, я ни на чем таком не катался, кроме поездов. Я думал, вы надо мной подшутили.

— Я таких шуток не признаю. Садитесь.

Я колебался.

— Как я уеду? Неудобно бросать друзей и лошадь.

— Ваши друзья при деле, а лошади не мешает отдохнуть. И вам тоже, по моему профессиональному мнению. — Она протянула руку, — Залезайте. Палец у вас распух ужасно. Если не выпустим жидкость и не перевяжем, вы в свой красивый сапог несколько месяцев не влезете. Тем более — в стремя. Так что цыц, и залезайте, нерешительный журавль, вся улица на нас глазееет.

Это меня и убедило: мысль, что все увидят, как меня везет по городу

на «роллс-ройсе» с золотыми украшениями женщина с оранжевыми волосами. Особенно если увидит одна заносчивая наездница. Я замолчал и влез, и мы запыхали к городу. Я последний раз оглянулся украдкой и не увидел никаких девушек, кроме Сю Лин. Она стояла в дверях с бадейкой в одной руке и полотенцем в другой.

Личный вагон Нордструма стоял рядом с экстренным поездом «Родео». Из окна тянулись телеграфные провода, на задней площадке была установлена подзорная труба. Прихрамывая в одном сапоге, я пошел по шлаку за О'Трейд. Она отперла дверь и помогла мне подняться по лесенке. Вагон показался мне еще роскошнее, чем в первый раз, — ореховые шкатулки с пистолетами, темно-бордовые ковры, в золоченых рамах картины с лошадьми и всадниками. В одном конце — нарядный письменный стол красного дерева, на стене — голова уродливого мустанга. В другом конце огромное, с наклонной спинкой кресло, словно трон плутократа.

— Он почти погубил вашу красоту, мой сладкий. Садитесь и отдохните в лечебном кресле Оливера, а я пока сделаю так, чтобы нам не мешали.

Нордструм построил себе раздвижные стены гармошкой. Женщина улыбнулась мне в щелку:

— Я сбегая к поезду, принесу свою шкуру.

Стены сомкнулись, и я остался вдвоем с креслом.

«Лечебное» было правильным словом: я уснул раньше, чем прекратился скрип кожи.

Когда я снова открыл глаза, в вагоне горели керосиновые лампы, а нога моя опять была в воде, только на этот раз ледяной, в фаянсовом тазу.

— Мне жалко вас будить, мой сладкий, но мы и так задержались — давно пора облегчить ваш пальчик. Откройте рот пошире... Молодчина. Скоро будете улыбаться как майская луна. Откиньтесь, и сестра О'Трейд развлечет вас историей своей грешной жизни.

Когда лицо мое пришло в порядок после ложки горчайшего сиропа, я ее оглядел. Сестра О'Трейд надела на оранжевые волосы белую шапочку с красным крестом, но этим ее медицинская форма исчерпывалась. Кожаный ковбойский наряд она сменила на платье из газа или чего-то такого. Сквозь него просвечивали лампы и кое-что еще кроме них.

Она рассказала, что до того, как связалась с Дико-Западной компанией, работала — пусть в это трудно поверить — старшей сестрой больницы в Бронксе. Я поверил, как только она ко мне прикоснулась. Это было прикосновение медсестры — при всех ее мозолях и ожогах от веревки. И

голос был мягок, как ирландский ликер со сливками. Она болтала о своей семье в Голуэе, об учебе в школе Святой Бригиты в Бруклине. С гордостью сказала, что сама платила за обучение, хотя часто приходилось заниматься кое-чем таким, чем девушки из хороших семей не гордились бы. Но аттестат получила так же, как хорошие девушки. Я спросил, как случилось, что нью-йоркская медсестра стала королевой развездного шоу.

— Да уж, королевой, — засмеялась она. — Как случилось, мой сахарный? Случилось так, что выпал мне ломоть, намазанный маслом. Понимаете, на некоторых спортивных представлениях в «Мэдисон-сквер-гардене» должна дежурить медицинская сестра. Мне *случайно* досталось дежурить на представлении Буффало Билла, и в этот вечер с ним самим случился «казус на манеже», как писали газеты. Он подкрепился малость лишка из серебряной своей фляги — пере-подкрепился, я бы сказала, — и седло уехало из-под него на манежном галопе, его коронном номере. Упал не сильно. Даже не без изящества. Но *случайно* приземлился на снайпершу, которая как раз вышла с корзиной бутылок для расстрела. Сломал ей ключицу и передавил почти все бутылки. Изрезался, как в поножовщине. Я остановила кровь, зашила порезы и залатала раненую гордость. И что? — Она улыбнулась и пожала плечами в газе. — Скачу, стреляю и штопаю уже на следующем представлении в Кони-Айленде. И сестра Мэгги Пейджин — уже Ирландская Всадница Мэгги О'Трейд.

— Но раньше вы, конечно, ездили верхом?

— Раньше верхом я ни на ком не ездила, кроме двуногих. И стреляла только из пугача.

— Это просто удивительно.

— У медицинских сестер глаз набитый, — Она вынула мою ногу из воды и потрогала ее запястьем. — Достаточно остыла, должна онеметь. Не дергает?

Я сказал, что почти нет и все онемело, аж до кончика носа.

— Это подействовала ложечка Джей Коллис Брауна ^[43] — лучший подарок Британской империи милосердному искусству медицины. Можете подвинуть поближе лампу на столе Оливера?

Лампа осветила мою ногу, а дама О'Трейд вынула длинную шляпную булавку, которой была приколата к волосам ее медицинская шапочка. Она сняла стекло с лампы и поднесла булавку к огню.

— Э, — запротестовал я, — Пальцу и так досталось.

— Это только цветочки, ему еще не так достанется, если не выпустим застойную жидкость. Если не пустить кровь, завтра этот несчастный палец будет величиной с баклажан и задергает так, что света не взвидите, —

Булавка накалилась докрасна. — Откиньтесь, красавец, и доверьтесь вашим ангелам. А няня О'Трейти гарантирует, что ничегошеньки не почувствуете, кроме облегчения и благодарности.

Она приложила раскаленный конец булавки к синему ногтю, но не воткнула, а дала булавке прожечь его, опускаясь под собственной тяжестью. Поднялась струйка дыма, но я не почувствовал боли.

— Запах как от горячей подковы на копыте, а? То же самое: ни в копыте, ни в ногте нет нервных окончаний.

Поэтому и боли нет, пока не дойдет... держитесь теперь... до *живого!*

Ногу пронзила боль, из пальца ударил фонтан черной крови. Она держала мою ступню в мозолистой ладони и полотенцем вытирала кровь. Кровь остановилась. Дергать перестало.

— Честное слово, мэм... Мисс О'Трейти... Со мной такое в первый раз.

— Мэгги вполне достаточно. — Она улыбнулась. — Черная кровь забрызгала ей шею и плечи, прозрачное платье было испорчено. Она окунула полотенце в ледяную воду и туго обмотала мою ступню, — Так, теперь дайте отдых вашим тощим костям, а я сделаю вам шведский массаж в голуэйском стиле, — Она встала, зашла за кресло и отклонила спинку еще сильнее назад, — Пока я вас разминаю, мой сладкий, в уплату за услуги можете попотчевать меня историей *вашей* жизни.

Попотчевал. Пока ее руки продвигались под воротом, разминая и успокаивая стянутые мышцы, я мрачно молот чуть ли не обо всем на свете, особенно о моих чувствах к Джорджу, Сандауну и Саре Меерхофф, о том, как я хочу им понравиться.

— Но отчего так уныло? Все трое — душки, как их не обожать?

— Но с чего мне так загорелось произвести на них впечатление? Всю жизнь я провел среди благородных господ и знатных дам — и плевать хотел, нравлюсь я им или не нравлюсь. А сейчас? Расшибаюсь в лепешку, чтобы хорошо выглядеть в глазах индейца, негра и евреечки, которая выдает себя за скво. Можете объяснить, почему южный джентльмен ведет себя так глупо?

Что-то капнуло мне на лицо. Женщина убрала руки и отвернулась, вытирая щеки.

— Нет, мой сладкий, не могу объяснить. Но, как низкородная барачная девка, могу быть глубоко этим тронута. Тсс! По-моему, это их кабриолет колдыбает по рельсам. — Она отодвинула занавеску и выглянула. — Черт, в самом деле, Оливер и сивый мерин Билл. Ну, все, родной, повеселились и хватит. Пойду сниму это дурацкое платье и пятна смою — а то ведь могут

не так понять.

Она быстро наклонилась, поцеловала меня в щеку и скрылась за раздвижной перегородкой, прихватив с собой лампу. Я понимал, что надо встать и убраться потихоньку, как Златовласка, пока не пришли законные хозяева. Но уж больно глубоким было кресло Папы-медведя и мое оцепенение. Помню, как раздвинулась на секунду перегородка и заглянули две тени. Они разговаривали шепотом.

— Это наш молодой красавчик, — произнес голос Буффало Билла, — В объятиях мамы Морфея, насколько я знаю сестру О'Грейди.

— Мальчикам нужна мама, — отвечал Нордструм, — Пусть себе спит. Не откажетесь от рюмки, пока ждем гостей?

Тени отступили, перегородка сдвинулась. Через какое-то время я услышал другие голоса, потом много других голосов и журчание застольной беседы. Слов я не мог разобрать, пока не вступил могучий голос фемины Надин Роуз — тогда всем пришлось прибавить громкость, чтобы быть услышанными.

— Я ни разу в жизни не пила минт-джупеп, — сказала она, — Не размешивать, говорите?

— Совершенно верно, — отозвался Нордструм.

— Не шевелите лед и соломинку и отпивайте со дна сосуда.

— Ма-аленькими глотками, — добавил чей-то голос. Голос был знакомый, но я не мог сообразить, чей он. — Джупепы Оливера бьют по голове, как копыто.

Послышался смех. Нордструм признал, что напиток крепкий, но это на самом деле не его вина, а мистера Коди.

— Я выведал у него рецепт прошлой осенью, после его представления в Луисвилле, и просто передал моей прислуге. Секрет — в струганом льде.

— Секрет не в струганом льде, — Опять этот голос! — Секрет в том, чтобы держать прислугу, которая его строгает. Оливер всегда умел подбирать прислугу.

Голос был узнаваем, как отцовский или голоса дядьев, но, хоть умри, я не мог вспомнить, кому он принадлежит.

— Мистер Нордструм, — вмешалась Надин Роуз, — а какова конкретно ваша роль в «Феерии "Дикий Запад"»?

— В шоу Буффало Билла? Да боже упаси. Я торгую зерном, мадам. Я простой биржевой брокер и любитель иногда сыграть по маленькой.

— По моим наблюдениям, мистер Нордструм, здесь вы играете отнюдь не по маленькой. На кого из них вы рискнули поставить?

— На кого? — Мистер Нордструм засмеялся. — Ни на кого, моя

дорогая, и в то же время на обоих. Во всех номерах я ставил и на Джорджа, и на Сандауна. Примерно поровну, плюс-минус двадцать — тридцать центов.

— Оливер всегда боится, — произнес этот голос, — Даже когда у него туз в рукаве.

— Особенно когда туз в рукаве, дружище. Первым делом, я говорю, защищай свои интимные части. *Публично*, мисс Роуз, я поддерживаю обоих наших благородных дикарей. Простой жест беспристрастности. Вот этот мой школьный товарищ держит сторону Джорджа Флетчера из сентиментальных побуждений. Так же, как купец Меерхофф и подземные китайцы. Мистер Коды — за индейца, потому что с тех пор, как умер Сидящий Бык, в его созвездии Дикого Запада нет Красной Звезды [\[44\]](#).

— Мистер Коды, это так? — спросила Надин Роуз, — Я правильно поняла, что вы намерены взять Джексона Сандауна в свою труппу?

— Вы поняли правильно, моя дорогая. Первый мировой чемпион по родео и вдобавок индеец. В «Мэдисон-сквер-гардене» не хватит кресел! Как раз сейчас с ним ведет переговоры мистер Хендлс.

— Ах! А если победит черный ковбой?

— А этой проблемой в ближайший час займется мистер Готч.

Убедившись, что они между собой все выяснили, Нордструм продолжил прерванную речь:

— Но в *частном* порядке, мисс Роуз, я возлагаю надежды совсем на другого ковбоя, — Я слышал, как за тонкой стенкой топчет его тяжелый сапог по вагону. — Я был рьяным поклонником Джорджа Флетчера и Джексона Сандауна с первого дня, когда увидел их в седле. Тому уже не один десяток лет. Гении. Кудесники! Я оплачивал их взносы за участие в захудалых представлениях, от Калифорнии до Калгари, и никогда не требовал ни процента с выигрыша. Я вносил за них залог, когда их арестовывали, и устраивал арест, когда в этом была необходимость.

Топанье прекратилось. Голос зазвучал приглушенно, заговорщицки.

— Но речь теперь не об одноразовом спортивном событии. Притом что Нигер Джордж и Индеец Джек кудесники в седле, откровенно говоря, между нами, мисс Роуз, — отложите ваш блокнотик, — они не те ковбои, которые нужны Пендлтонскому родео для плаката. Если смотреть вперед.

— Именно если смотреть вперед, — произнес этот голос. — Оливер и тут прав.

— Наш образцовый ковбой должен быть типичным светловолосым американским парнем. Вечно молодым лицом на все времена! Сандаун и Джордж сослужили свою службу, мы им обязаны нынешним успехом, но

годы берут свое. Нашей маркой должен быть кто-то более светлокожий и более перспективный, и, думаю, мы его нашли. А вернее, он нас нашел.

— Полагаю, вы имеете в виду Высокого, Темноволосого, Красивого южанина?

— Высокого, Красивого и *Молодого*, мадам. Вот на кого я делаю ставку.

Как ни вострил я уши, все остальные мои части этому противились. По правде говоря, сон занимал меня гораздо больше, чем интрига. Я уж и не помнил, когда последний раз спал по-человечески. Первую ночь я ползал по поезду, как пьяный бродяга. Следующую — шатался по городу и кончил в подземелье. Прошлой ночью валялся в вигваме с видениями. И я отпустил поводья — с твердым сознанием, что заслужил отдых в этом лечебном ложе. Луна заглянула в окно и пообещала, что меня не побеспокоят.

Луна ненадежный часовой. Когда твердая рука встряхивает меня, луны в окне нет, а надо мною склоняется сестра О'Трейти. Она в своем наряде из «Тысячи и одной ночи» и держит медную лампу, коптящую так, что хватит на десять джиннов. Проморгавшись, я различаю рядом с ней Луизу и его преподобие Линкхорна.

— Попробуйте надеть сапог, мой сахарный, — шепчет она, — Кажется, двоим из вашей возлюбленной троицы грозят неприятности. И может быть, это как раз случай произвести хорошее впечатление.

Глава пятнадцатая

Упал или пропал

Сапог налез легко. Сестра О'Трейдди даже заштопала мой носок. Мы выскользнули за раздвижную перегородку и в темноте, не замеченные пирующими, вышли из задней двери вагона. Товарный двор был празднично освещен окнами нордструмовского вагона и оглашался смехом гостей. Рядом с кабриолетом и автомобилем привязано было больше десятка лошадей. Там же стоял запряженный мулами цирковой фургон со сложенным рингом. Луиза пинала шлак в сторону фургона и ругалась каджунскими ^[45] ругательствами. Я попросил ее объяснить причину нашей ночной вылазки.

— Ты знаешь этого выроodka с обезьяньими лапами и его поводыря? — сказала Луиза. — Мы с его преподобием строга́ли лед, и тут они подъехали на своей чертовой колеснице. Они пили и трепались, а нас не видели. Потом сам хозяин цирка вышел на ступеньки, и мы с его преподобием услышали, что они намекают на какое-то гнусное дело...

— Звери вавилонские! — воскликнул Линкхорн. Вокруг рта у него еще не стерлась клоунская белая краска. — Лисицы в винограднике.

— Готч и мистер Хендлс невежи и хулиганы, безусловно, — согласилась О'Трейдди. — И вдобавок ужасные вруны. Так что за их намеками, как выразилась мисс Джубал, может быть, ничего и нет. Пьяная хамская болтовня. Но чем черт не шутит...

— На какое дело они намекали? — Ночная прохлада быстро согнала с меня сон, — Что они сказали?

— Они сказали мистеру Буффало, что мистер Нигер Джордж и мистер Индеец Джек чересчур возомнили о себе и надо их маленько умягчить, — сказала Луиза. — Тогда, мол, они лучше отнесутся к предложениям, которые им предложены.

— Предложениям? Каким предложениям?

За нее ответила О'Трейдди.

— Таким, которые были предложены многим влиятельным гражданам, — пояснила она, — Таким, на которые не ответишь «нет».

Тут я наконец понял, кому принадлежал знакомый голос. Сесилу Келлу! Понимание пришло внезапно, и глотку у меня перехватило хуже, чем от зрелища голого сломанного колена на ринге. Компания из «Дикого

Запада», видимо, решила умягчить и старого скотовода после того, как он отбрил Буффало Билла. Метод у них был надежный. Сперва обработать клиента крепкими напитками и мягкими разговорами, а потом сделать ему предложение, от которого он не сможет отказаться. Я тоже пнул шлак в сторону вагона.

— Идем, Нашвилл, идем, — сказала Луиза, оттаскивая меня от сестры О'Грейди. — Об этих прохвостах из цирка после поговорим. Большое вам спасибо, мисс О'Грейди. И не подумайте, что я вас числю в их шайке. Про таких, как вы, моя каджунская бабушка говорила: «леди с корнями».

Та улыбнулась и пожала Луизе руку.

— Хорошо, пусть буду Леди О'Грейди с корнями. Удачи вам и вашей спасательной экспедиции, — сказала она и пошла по шлаку к вагону, звеня шпорами.

Его преподобие Линкхорн крикнул ей вслед:

— Благослови вас Господь, мадам! Если мистеру Оливеру еще понадобится струганый лед, скажите, его цветная прислуга пошла точить рубанок.

Сестра О'Грейди помахала нам и поднялась по ступенькам.

Наша спасательная экспедиция отправилась на древней тележке Линкхорна с дутыми шинами. Этот почтенный экипаж был запряжен мерином першероном, таким же древним и надутым. На каждом шагу он пускал газы из огромного зада. Першерон медленное животное, он приспособлен для перевозки тяжелых грузов, а не для спасательных экспедиций. Его медлительность раздосадовала Луизу.

— Чуть быстрее, ваше преподобие. Пустите этого толстозадого ветродуя рысью! Мисс О'Грейди меня немного напугала. — Она отобрала у Линкхорна кнут. — Прибавь ходу, толстозадый, а то прижгу.

Угрозы хватило, чтобы мы прибавили ходу. Першерон мог не только бежать рысью, но и почти скакать. К тому времени, когда в темноте обозначился сарай Джорджа, у тяжеловоза пар валил и спереди и сзади. Окна были освещены, свет пробивался из щелей.

— Старый черт до сих пор не лег, — сердито и с облегчением сказала Луиза, — Чертовы ковбои, думаете, вам две жизни отпущено, асами одной распорядиться...

Она не договорила. С дверью сарая было что-то не так. Одна половина стояла косо. Линкхорн остановил повозку, и Луиза спрыгнула на землю. Она подхватила юбки и побежала к сараю с криком: «Джордж? Джордж?»

Я поспешил за ней. К выломанной двери мы подошли одновременно.

Жилище Джорджа выглядело так, как будто сюда заглянул торнадо и

устроился со всеми удобствами. Повсюду лежали пух и перья. Матрас был вспорот, латунные прутья кровати только что не завязаны в узел. Комод опрокинут, и содержимое разбросано по полу. Все призы и картинки раздавлены и тоже на полу. Посреди разгрома стояла табуретка с керосиновой лампой, вывернутой на полную яркость. Кто-то позаботился, чтобы разгром оценили во всей полноте. Линкхорн вошел через сломанную дверь, его клоунская маска выглядела еще печальнее, чем прежде. Он покачал головой:

— Оравшие зло пожинают нечестие.

Луиза царапнула воздух красными ногтями.

— Я раньше сама до них доберусь. Даже у этого выроodka есть чувствительные места... Ох! — Угрозы прервались всхлипыванием. — Господи Иисусе милостивый, посмотрите только.

Я уже видел: в сумраке сарая, несчастная, изуродованная, висела бочка. Она еще висела на ременных постромках, но раздавленная — обручи смяты, отполированные клепки превращены в щепу. Джордж больше не станцует с Дженни Линн. Я сразу стал обследовать сарай, боясь, что обнаружу кое-какие останки пострашнее. Стоило было пустое, его калитка втоптана в пол копытами животного, должно быть бежавшего в панике.

— Джордж! — позвал я.

Подошел Линкхорн.

— Где ты, брат? Ты где-то лежишь разбитый? Спой, чтобы мы тебя нашли.

— Джорджа здесь нет, — объявила Луиза, — Встав на колени, она подняла половицу, — Нет его кувшина с вырвиглазом. Его здесь нет, и он не лежит разбитый! — Она улыбалась со сжатыми зубами, — У него припадок злости, как бывает каждый год, вот что я думаю. Ставлю доллар против дырки от бублика, что знаю, где его искать. Поехали, стреножим старого осла, пока он себя не изувечил.

На этот раз Луиза взяла и кнут, и вожжи. Она развернула тележку и поехала вниз по реке. Всю дорогу она яростно бубнила, понося весь мужской род — конский, обезьяний, не исключая, надо думать, и спутников. Мы с его преподобием не проронили ни слова. Она ехала по прибрежной дороге — двум колеям посреди росной травы. Так мы доехали до задов арены — туда, где давеча появился Монтаник со своей трехколесной телегой. Вселяющая тревогу панорама вигвамов в ночном тумане развязала язык его преподобию.

— Надеюсь, ты не здесь догадалась искать нашу бедную заблудшую

овцу? Потому что, если здесь, то не уговоришь сего пастыря ходить на цыпочках от вигвама к вигваму в поисках грешника. Некоторые особи в этом первобытном сетель-менте еще не утратили звериных повадок.

— Некоторые особи на этом чудо-поезде, где мы работаем, тоже их не утратили, как ты сам сказал. — Луиза позволила лошади перейти на привычный тяжеловесный шаг. — А теперь сидите тихо и молчите, не то всполошим проклятых собак. И придется тогда воевать со зверями зверей.

Луиза не поехала к бреши в заборе, проделанной Монтаником, а повернула налево, в сторону от нее.

— Вон вигвам Джексона, — шепнул я. — Не вижу ни Стоунуолла, ни его жеребца, ни мерина.

— Конечно не видите, — Шепот Луизы больше походил на шипение, — Все убрались — и жеребцы, и мерины, и оба дурака. — Поэтому, как лохматились слова, понятно было, что она вообще говорит сквозь зубы. Вдруг она осадилась лошадь и прислушалась, — Ага. Ага, что я говорила? Нет, послушайте, какой ужас. Слыхали когда-нибудь такую белую горячку? Такой визг, как будто две твари сражаются в трясине.

Эту «белую горячку» я слышал уже несколько минут, но искал ей менее пугающее объяснение — переполох среди ночных птиц, несмазанные тележные колеса, выхлопы из газоотвода старой лошади — но только не в человеческой деятельности. Люди не могут издавать такие звуки, думал я, — даже в самом буйном приступе белой горячки.

— И правда ужас, — сказал я.

Его преподобие перекрестился и забормотал: «Царица небесная, радуйся...», как истый католик.

— Царица небесная ничем не поможет, — сквозь зубы сказала Луиза, — Ты думаешь, ей дело до этого? Или младенцу Иисусу. Нет, проповедник, это людей дела, взрослых людей. Но-о! — Она хлестнула по широкому крупу; испуганная лошадь тяжело затрусила к мерцающей реке, — Выловим их, пока их не унесло.

Наши лошади, привязанные среди лоха, вскидывались и били копытами. Стоунуолл и большой мерин Джорджа, без недоуздков и поводьев, были привязаны разными концами одного лассо. Они всхрапывали, мордами друг к другу, их глаза белели в лунном свете. Жеребец Сандауна от испуга присел на задние ноги и лаял на луну, как дикий пес. То, что творилось под водопадиком, могло испугать любое животное. Двое мужчин валялись и боролись в пене под большим обсидиановым валуном, как накануне дети, игравшие в «царя горы». Только тут игра шла не на жизнь, а на смерть. Оба были голые, если не

считать ключев и лохмотьев, и оба вооружены. У индейца в руке был большой извилистый корень, похожий на оцепеневшую змею, а Джордж держал за ручку разбитый кувшин с зазубринами и размахивал им перед собой, как боевым топором. Сандаун отражал его удары корнем. Они потому только не искровенили себя окончательно, что были очень пьяны. По бедра в воде, они спотыкались и падали чуть ли не при каждом взмахе. Потом выныривали, с воплями выплевывая воду. Вот почему это было похоже на сражение каких-то болотных чудищ. Дикае звуки вырывались из воды, отражались от воды и от камня, металась между берегами, множились. Щелчок кнута Луизы заставил их замереть.

— Перерыв, Закатный... — Джордж посмотрел на нас, приставив ладонь козырьком к глазам, словно позади нас было солнце, а не холодная луна, — К нам гости.

Шатаясь и расплескивая воду, по-прежнему загораживая глаза, он побрел к нам. Наконец он разглядел Луизу и попытался прикрыть наготу остатками заплатанных подштанников.

— Женщины!

Попытка скромности окончательно вывела его из равновесия; он упал на четвереньки и так застыл, до подбородка в воде.

А сзади, под водопадом, индеец, воспользовавшись отсутствием соперника, пытался влезть на камень без помех. Он тщетно лапал скользкий валун; косы его наполовину расплелись и перепутались с водорослями. Непослушным языком он приговаривал нараспев:

Колдуй, колдуй,
Самогон дуй.
Урони-ка, урони-ка, хей!
Водяной, водяной над моей головой,
Как я рад, что я живой!

Джордж все-таки поднялся на ноги, но, кажется, не хотел сделать последние несколько шагов к берегу. Луиза с кнутом пугала больше, чем пьяный индеец с корнем. Он поднял разбитый кувшин над головой, приветствуя меня и его преподобие.

— То мужчина в гости, то парень в гости... Сколько визитов... Это все — полнолуние. Почему мы с господином Сандауном и пошли сюда. Самое лучшее время поговорить с духами, когда Мама Луна...

Громкий хлопок прервал его на полуслове:

— Хватит про луну!

Кнут не достал до мишени, но она щелкнула им еще раз.

— Это не визит вежливости. Мы были у тебя в сарае и видели разгром. Переволновались до смерти.

— Это очень любезно с вашей стороны. Ужасно любезно, но совершенно зря. Масса Готч и масса билетер с усами и пистолетиком в рукаве [\[46\]](#) навестили Джорджа, только и всего. У нас была маленькая д-д-дис-куссия.

Джордж стучал зубами и дрожал от холода. Он все еще пытался прикрыть дрожащее тело свои тряпьем и выглядел старым и слабым. Он улыбался, и от этого смотреть на него было еще больнее. Щеки у него провалились, ослепительная улыбка превратилась в вислогубую карикатуру на себя. Луиза охнула и закрыла рот ладонью.

— Господи. Что с твоими зубами? Ну их, ну их, не хочу знать. Только вылезь оттуда. Не полезу же я вытаскивать тебя в голубых ботинках. О господи, что за вид— Несмотря на все старания, она не могла удержаться от слез, — Иисусе милостивый... неужели эти подлецы тебя избили?

— Джентльмены из «Дикого Запада»? Избили дядю Джорджа? Ну что ты! Мы только побеседовали и заключили маленький договорчик. А потом они произвели маленькую демонстрацию — так они это объяснили, — чтобы меня убедить. А масса Буффало для гарантии забрал мою шляпу. А масса Готч взял на хранение мои зубы, чтобы я не забыл, что меня убедили...

— В чем тебя убедили? — спросил я.

Его преподобие Линкхорн тяжело опустил на замшелую колоду и с печальным вздохом сказал:

— Ясно — в том, что бы он проиграл завтра. А, слышу пианино в церкви...

— Правильнее сказать, уб-бедили, чтоб я завтра не в-выиграл, — трясаясь, сказал Джордж. — Как будто коронованным особам Европы загорелось увидеть ковбоя — чемпиона из Америки. Как будто им все равно, молодой ковбой или старый, красивый или урод, вежливый, как парикмахер, или плюется табаком, как кузнечик, — и все равно даже, если он индеец — ковбой и индейцы друг другу подходят, — ют что они обсуждали с Сандауном во время их с ним дискуссии. Они хотят, чтобы он снял свой синий костюм и ехал во всем своем дикарском великолепии — как вы сейчас его видите... но никто — они очень подробно мне объяснили — никогда не слышал о ковбоях-нигерах.

Его преподобие поднял жилистый кулак:

— «Пути незаконных искривлены, идущий по ним не знает мира и будет ввергнут в геенну». Исая.

— Аминь, ваше преподобие, — сказал Джордж, — Исая, точно, будет прав... немного погодя.

— Чего там годить? — выкрикнула Луиза. — Я этих незаконных сволочей сегодня же ночью убью.

— Да? Это каким же способом? В красивом стиле вестерна? — Джордж улыбнулся беззубой улыбкой. — Дуэль посреди главной улицы?

— Мы можем пойти к шерифу. Тил Тейлор не потерпит такого безобразия. Хотя и от коронованных особ!

— Да? И с каким придем обвинением? Что дверь сарая сломали? Бочку раздавили? Нет, мисс Джубал, спасибо, мы ни к кому не пойдем. Мы заключили договор, простой и ясный. Дядя Джордж проигрывает родео или проигрывает зубы. Или упал, или пропал, как выразился мистер Готч. И я сказал: ладушки.

— Джордж! — не сдержался я, — Как ты можешь?

— Как я могу?

— Нельзя же!

— А почему нельзя? Мне предложили деньги — больше, чем за победу в двух выездах. Плюс получаю обратно мою улыбку и не должен выходить на ринг с этой лысой гориллой. А индеец Закатный получит вдвое, если усидит в седле без одежды. Чем хуже, если Нигер Джордж упадет одетый?

Язык у него вдруг стал заплетаться. Он напомнил цветных стариков алкоголиков, слонявшихся по южной части Бил-стрит. Чтобы не видеть Джорджа, я отвел взгляд — и снова увидел с отвращением нашего благородного дикаря. Он добрел до берега ниже по течению и стоял там, странно согнувшись и бормоча какую-то песню песку. Спутанные волосы его торчали во все стороны, как у орангутангов, которых мне случалось видеть на карнавалах. Набедренную повязку он сдвинул на сторону и разглядывал себя при лунном свете — блох искал? раны? или сморщенный огрызок, чтобы пописать? Я сунул руки в карманы и наблюдал за ним, порядком разочарованный. Когда пальцы наткнулись на его большую монету, я вынул ее и отшвырнул. Если этим обогатил меня сильный талисман, тогда ну его. Сандаун не замечал публики, следившей за его непристойной возней.

Он повалился на бок и лежал в той же согнутой позе, как горгулья, рухнувшая со стены собора. Луиза всхлипывала рядом со мной.

— Хотя бы до суши добрался, несчастный, — сказала она. — Ладно,

дедушка Флетчер, теперь примемся за твою тушу, — Луиза подняла юбки и пошла к нему по воде, не думая о голубых своих ботинках. Когда вода дошла до их верха, она протянула ему кнутовище, — Хватайся, пока тебя не унесло, как сухую коровью лепешку. Хватайся, говорю! Вы мне до смерти надоели, дураки, — сдохнете от старости, так и не повзрослев! Говорила тебе, не лезь в эту ерунду. Слышали ведь, какой из-за вас шум. С духами они говорили, видишь ли! А я говорю, черт вам, шутам своим, нашептывал...

— Да-м, — Джорджа трясло. Он ухватился за ременный кнут и был отбуксирован по черной воде на берег. — А с кем еще рогатому пошептаться?

Привязав лошадей к тележке, мы повезли два мокрых тела домой. Я отнес бесчувственного Сандауна к ограде позади его вигвама и в сидячем положении прислонил к слеге. Луиза привязала рядом его коня. Мы бросили несколько комьев в вигвам; вышла женщина в одеяле и посмотрела на нас. Потом, ни слова не сказав, вывела еще пяток женщин, закутанных в одеяла, и мы сбыли им нашего подопечного. Когда его вносили в вигвам, он по-прежнему был согнут в позе самообследования.

Джордж, наоборот, был вял, как вареная макаронина. При его худобе и видимой пустотелости я один не смог внести его в сарай. Он вел себя как длинный пузырь с водой. Я поднимал на плечи один конец, а он перетекал в другой, на землю. Пришлось мне и его преподобию взять Джорджа под мышки, а Луизе — за ноги; но и тут он несколько раз утекал у нас из рук, прежде чем нам удалось уложить его на тюфячок, постеленный Луизой на сене. Луиза сказала, что оставшихся постельных принадлежностей хватит и для меня, но мне так же мало хотелось провести испорченную ночь в сарае Джорджа Флетчера, как в вигваме Джексона Сандауна. Я стал седлать коня.

— Знаю отличную нору, — сказал я Луизе и старику, — Единственное место, где мне удалось поспать спокойно с тех пор, как я приехал в этот сумасшедший город.

Когда я уезжал в темноту, они спорили, кому вернуться на поезд, а кому остаться здесь, проследить, чтобы Джордж не утек окончательно в небытие.

Глава шестнадцатая

Прекрасные девы, потускневшие рыцари, дворцовые крысы

Сегодня воскресенье. Утром я вышел из больницы и подремал на жарком солнышке с Номером Девять и Милой Молодой Мисс. Молодая Мисс верующая, а Номер Девятый неверующий. Но кто его упрекнет? Он съел до дна коробку старого попкорна в карамели и не нашел приз. Теперь ищет в крошках, осыпавших грудь его красной футболки «ВЫЖИВЕМ». И кто не стал бы верующим, будь он одарен от природы таким оборудованием, как Молодая Мисс? Она развязала верх полосатого передника, чтобы задрать футболку и подставить солнцу животик. А футболка белая — та, которую она выиграла в «Пусть брыкается». Когда подол поднят, единственное, что можно прочесть: «ПУСТЬ МОИ ВИСЯТ НА ВОЛЕ». Наша скамейка отражается в окнах больничного вестибюля за свежеподстриженным газоном: красное, белое и голубое — мои отбеленные джинсы. Мы могли быть на плакате «Американского братства». Из забытья нас выводит резкий женский голос.

— СПЕЙН! — (У меня мелькнула дикая мысль, что это Надин Роуз.) — СПЕЙН, ДЖОНАТАН!

Это тетка Молодой Мисс. Она увидела нас и идет по газону походкой старшей сестры. Молодая Мисс едва успевает завязать нагрудник фартука. Номер Девять на всякий случай прячет пустую коробку за скамью.

— Ему сделают трепанацию, — говорит она нам. — Просверлят маленькое отверстие, чтобы выпустить кровь из опухоли, снять давление. Понимаете?

Я киваю — да, и большой палец ноги дергает сочувственная судорога.

— Сюда вылетает нейрохирург из больницы в Спокане. Шансов мало, но кто знает.

Заслонив глаза, она смотрит поверх наших голов в сторону города. Издалека слабо доносятся выкрики: карнавальные рабочие разбирают аттракционы.

— На энцефалограмме есть обнадеживающие кривые, — продолжает она, по-прежнему щурясь, — И врачу показалось, что он шевельнулся, когда меняли капельницу. Но вряд ли это вселяет большую надежду... хотя, говорю, кто знает? Вы можете подождать на втором этаже, перед

хирургическим. Только чтобы без сигарного дыма и перегара. А ты, юная леди, завтра хотя бы лифчик надень. Ты должна быть похожа на волонтера Красного Креста, а не на девицу из мюзик-холла.

Она поворачивается и идет обратно, прокладывая белыми туфлями чистую тропинку в скошенной траве. После нее остается запах, такой же чистый и свежий. Выстиранного белья. Я мог бы проследить ее маршрут с закрытыми глазами.

В тот третий и последний день солнечный луч опять нашел меня под землей. Успокоительно пахло стиранным бельем. Уснул я, едва успев лечь на скамью со стопками сложенного белья, даже сапоги не смог снять. Проснулся опять совершенно голый. Передо мной неподвижно, как фарфоровая кукла, стояла Сью Лин с фарфоровым чайником и чашкой на фарфоровом подносе. Можно было подумать, что стоит так уже год — если бы не пар над чаем. Я схватил простыню, прикрыл себя и улыбнулся.

— Доброе утро, Джон Э. Вы хорошо много спали?

Я ответил, что спал хорошо, но не очень много. Выпил чай; она налила вторую чашку. Я увидел свою одежду на другой скамье, выстиранную, высушенную и сложенную. Как ей это удавалось — без солнца, без веревки, — было такой же загадкой, как и то, что она ухитрялась раздевать меня спящего.

Я выпил вторую чашку, потом третью — чтобы послать ее за новым чаем, а самому одеться.

Горячее питье прогнало туман из головы, и стали вспоминаться вчерашние события. Воспоминания были безрадостные. Ни одной светлой картины. Поздний вечер на все набросил свою тусклую пелену. Мой порубежный Камелот, оказалось, населен крысами и поражен слабостью и алчностью. Прекрасную деву Меерхофф, ради которой я накануне радостно устремился бы к славе или гибели, больше интересовали скакуны, чем сияющий рыцарь из Нашвилла. Парочка паладинов, по стопам которых я стремился следовать, обзавелась глиняными ногами и, шатаясь, брела к позорному концу всех пьяниц. Я надеялся, что ошибаюсь. Я вовсе не желал им ничего плохого. Но и не желал того успеха, который пообещала им шайка «Дикого Запада», и мечтал, и молился о том, чтобы суровый свет утра побудил моих героев воспрянуть и отказаться от темных сделок, навязанных умягчителями. Эти мечты разбились, едва я подъехал к арене.

Перед воротами для участников я увидел Сандауна, сконфуженного и нелепого. Его нарядили так, как вообразил бы американского индейца нью-йоркский рекламный агент. Вместо строгого синего костюма и шляпы с плоскими полями на него надели расшитую бисером набедренную повязку.

Нацепили всевозможные варварские фетиши, перья, кости и с полдюжины дешевых бус. На лицо нанесли боевую раскраску. Но хуже всего были волосы, всклокоченные и спутанные, как вчера ночью, только запутались в них сегодня не водоросли, а перья. На макушке волосы нарочно обкорнали, а потом намадили, чтобы они стояли, как дурацкий колпак. Рекламный агент, должно быть, прочел в нежном возрасте иллюстрированный пересказ «Последнего из могикан».

Сандаун старался следовать указаниям фотографа — стоять неподвижно и при этом сдерживать весьма нервную лошадь. Лошадь была соловая и выбрана, видимо, по причине ее живописности. И слава богу. Для его жеребца было бы унижением — стоять рядом с пародией своего хозяина. Я проехал в ворота, не поздоровавшись и не помахав рукой. Эту фотографию и сейчас можно видеть в книжках по истории родео и на открытках.

Второго потускневшего Галахада я увидел вскоре. Я подъехал к загонам добыть сена для Стоунуолла — Джордж сидел одиноко перед тополями, прислонившись к стволу, и курил самокрутку. Дымок под полями старой, обвислой шляпы был единственным признаком жизни. До сих пор я видел Джорджа только с церемониальными сигарами.

Его гнедой мерин был привязан среди деревьев и ел: перед ним лежал ворох люцерны. Он узнал Стоунуолла и заржал, приглашая к столу. Стоунуолл обрадовался приглашению, но я направил его мимо. Наши кони, может, и были готовы с приятностью позавтракать вместе, а мы с Джорджем — определенно нет. Да и времени для застольных бесед не осталось. Сирена Клэнси уже звонил в колокол у себя на башне и объявлял первый номер.

Первым номером был бульдоггинг. Моя очередь была третья от конца; после меня Сандаун и Джордж. Когда моя очередь подошла, уже показаны были хорошие результаты, которые мне предстояло превзойти. И самый лучший — у ковбоя, который даже не был ковбоем. Это была сама Королева родео Прерия Роз Хендерсон. Я осадил коня перед канатом с мрачной решимостью. Будь я проклят, если уступлю парочке старых пьяниц или красотке с торчащими зубами. Бульдоггинг не был моим любимым видом спорта, но я негодовал и отбросил все осторожные мысли. Как только показался мой бычок, я издал клич мятежников. Стартовый канат упал, и я понесся очертя голову.

Помощником у меня был Бисон со сломанной рукой. Мозгов у него, может, и не хватало, но ритм он чувствовал правильно. Он быстро оттеснил бычка ко мне, и я прыгнул. Едва схватившись за рога, я мигом бросился на

землю рядом с топающими копытами. Когда пыль улеглась, объявили мое время — много лучше, чем у Прерии Роз.

Следующим выехал Сандаун. Если он и был смущен своим нарядом троглодита, то на лице это никак не отразилось. Он был суров и ловок, как всегда. Его модельеры милостиво позволили ему надеть брюки, но он по-прежнему был простоволос и космат. При виде него лошадь помощника оробела и уперлась. В прыжке он был еще больше похож на орангутанга. Однако бычка завалил так чисто, что это жестокое занятие выглядело почти цивилизованным. Он показал бы время не хуже моего, если бы не засбоила лошадь помощника.

Лидер по сумме двух дней, Джордж Флетчер выступал последним. Увидев его, я понял, почему он искал одиночества. Выглядел он ужасно: рот и щеки провалились, лицо цвета полированного ореха стало пепельно-серым, глаза походили на две прожженные дыры в одеяле покойника. И кто бы мог предугадать, какой номер он выкинет?

Унылый и опустившийся с виду, Джордж тем не менее был, как всегда, великолепен. Бульдоггинг как нельзя лучше отвечал его цирковым, акробатическим талантам, и он не мог удержаться от эффектной выходки, притом что выглядел ужасно.

Он спрыгнул на бычка уже в каких-нибудь трех корпусах от каната, и дело шло к тому, что он покажет наилучшее время. Но ему надо было кое-что *доказать* с этим бычком. Он встал на спину животного коленями и рулил рогами, как велосипедным рулем. А потом невероятным, диким, вызывающим движением вскинул ноги и сделал стойку на руках. Его потрепанная шляпа свалилась под копыта. («Ага! — помню, подумал я, — вот почему он не надел свой стетсон»), а потом с грацией, которую не могло скрыть никакое тряпье, нырнул на землю и мгновенно опрокинул бычка. Готч и компания могли отнять у него зубы, но не могли отнять грацию.

Мой результат хоть и не выдающийся, так и остался лучшим. Второе и третье места поделили Джордж и Сандаун. Они подъехали за своей долей, когда я стоял под помостом судей и ловил шляпой дождик серебряных долларов. Чтобы избежать вымученных приветствий, я сделал вид, что интересуюсь результатами, которые записывало мелом все еще продолжавшее спорить жюри. Джордж и Сандаун молча ждали. Второй и третий призы надо было сложить и разделить пополам, поскольку у них было равенство. Прерия Роз за свои труды получила только утешительную красную ленту и синяк под глазом. Она улыбнулась нам улыбкой скорее беспечной, чем безупречной.

— Хороший бульдоггинг, ребята. Может, доеду до денег в каком-нибудь следующем номере. Дальше — женские.

Она засунула ленту в нагрудный карман и уехала, распевая неожиданно нежным сопрано:

Тяжелая женщинам выпала доля,
Вечно над ними чужая воля.
Под надзором папаши, пока не жена,
А после, до смерти — мужа раба.

Мы трое как бы вежливо помедлили, пока песня Прерии Роз не стихла вдалеке. Потом изображали интерес к меловой пачкотне на доске с результатами. По подсчетам одного судьи получалось, что по-прежнему впереди Джордж; по подсчетам другого — Сандаун, а я — где-то в смазанной середине между ними. Первым нарушил молчание Джордж.

— Сдаюсь, Закатный. Ничего не могу понять. Твой молодой протеже нагоняет нас, или мы за ним держимся?

— Напрасно я проиграл ему мой цент, — отозвался индеец.

Я не признался, что бросил монету в реку. Я радовался, что у нас восстановились сердечные отношения.

— Не понимаю, почему подсчитывать надо так сложно, — сказал я, — Ведь проще сложить все призовые деньги, и у кого больше, тот и чемпион.

— Но тут тебе уже не какое-то захолустное предприятие, — ответил Джордж, — Для такого большого простота не годится. — Он отъехал от черной доски, — Для простого человека, как я, — чересчур мудрено, особенно на пустой желудок. Не подъехать ли нам к киоскам — может, красивый Джонни очарует меерхоффских барышень, чтобы нас угостили оладьями.

Но оладьи не пеклись. Дым из трубы и пар от пухлых дочерей не шел. Меня это обрадовало, но и удивило. Почему Меерхоффы закрыли лавочку в лучший день родео? Припасы у них не кончились — в тополиной роще стоял их фургон с припасами. Если что и кончилось, то спрос на их продукцию. Эти оладьи были сытные.

Пришлось удовлетвориться сэндвичами с ветчиной и сыром в киоске Пендлтонского садового общества. И платить за них пришлось, как ни обольщал Джордж четырех румяных хозяек. Без обворожительной своей улыбки Джордж был так же непригляден, как Сандаун без костюма и кос. Четыре дамы из садового общества были одеты в платья из одинаковой

материи — лиловой. Их широкие шляпы были украшены шелковой сиренью и сиреневым кружевом. Все — средних лет и, кроме одной, толстоватые и смешливые. Худое лицо миссис Келл я сразу узнал, несмотря на всю сирень и кружево. Она отошла от коллег.

— Извините, ребята, — сказала она, — Если бы лавка была моя, все было бы иначе. Не надела бы эту дурацкую шляпу, к примеру.

Я сказал ей, что лучше заплачу за приличный сэндвич с ветчиной, чем съем бесплатно три оладьи.

— Но кофе Меерхоффов мне запомнилось очень. Надеюсь, они не навсегда закрылись.

Миссис Келл сказала, что нет, не навсегда.

— Нет, Меерхоффы пошли смотреть на младшую в гонке вокруг бочек. Мистер Меерхофф сказал, что не разрешит ей участвовать в эстафете, если она не выиграет бочки, — а тогда он еще подумает. Он подумает! Нахальная девчонка всю жизнь поступала так, как ей заблагорассудится. Но условие он поставил разумное. На бочках у нее сильные соперницы. Если ее там обставят, может, сама передумает. Не хотите теплой сарсапарели взамен кофе? С ванильным мороженым?

Мы с Сандауном отказались, а Джордж немедленно слез со своего ветхого седла.

— Сарсапарель и мороженое в самый раз после сыра с ветчиной.

Я сказал, что, пожалуй, съезжу на наше место у ограды — хочу сам посмотреть, как обскачут одну нахальную девчонку. Сандаун поехал со мной:

— Джордж Флетчер выпьет лошадиную мочу, если дадут бесплатно.

Обскачут нахальную? Вряд ли. Мы подъехали к ограде как раз в ту секунду, когда Сара Меерхофф на своем гнедом пони обогнула последнюю, третью бочку. Обогнула впритирку, скользнув по клепкам бедром. Она вывела гнедого из поворота, легонько дернув повод, пришпорила и во весь опор помчалась к финишу. Остальных наездниц, до и после Сары, можно было не смотреть: судя по ее финишу, никто и приблизиться к ней не мог. Отец со слезами гордости, радости, тревоги и горя и бог знает чего еще преподнес ей голубую ленту. Совершая круг почета, Сара нарочно проехала поближе к нашему месту у ограды.

— Не сам ли это полковник Спейн? — воскликнула она, передразнивая южный выговор, — Я ожидала, что вы преподнесете мне приз, а не мой чинный старый папочка. Я весьма разочарована.

Ковбои засмеялись, а она пришпорила лошадь, не дав мне времени ответить. Я почувствовал, что лицо у меня стало красным, как у индейца.

После бочек была вольтижировка. «Следующий номер программы — сапоги и шаровары», — так обозначил ее Сирена Клэнси. Истории этого состязания одной хватило бы на две книги. Вольтижировка в ранние дни родео была распространенной интерлюдией, и призовые за нее подчас бывали не меньшие, чем в мужских видах. Вообще-то участвовать могли не только дамы, но для мужчины это было так же немыслимо, как участвовать в соревнованиях по выпечке или лоскутному шитью. Это попросту считалось не мужественным. Вообразите, как удивились все появлению незарегистрированной участницы.

— Подождите! — Клэнси ударил в колокол, требуя внимания, — Любители вольтижировки, у нас в последнюю минуту объявилась еще одна участница — имя неизвестно, и она в маске. Приветствуем ее... Миссис Мистерия!

Миссис Мистерия галопом выехала на арену под оглушительный смех. На ней была блузка из мучного мешка и юбка из джутовой мешочной ткани. Из-под мешковины выглядывали вытянутые заплатанные кальсоны и носки. Наряд довершала сиреневая шляпка, на которую всего несколько минут назад жаловалась миссис Келл.

Публику на платных местах сиреневая кружевная вуаль ввела в заблуждение, но мы, на нашей галерке, сразу поняли, кто это. Возможно, на свете были другие наездники, которые так сидели в седле — мягко, как помадка, и так же плотно, — но лишь одна могла сидеть так в шляпе с цветами и в мешковине. Я обалдел. Только одно приходило в голову: кто-то — Нордструм, Меерхофф или еще кто-то — из сентиментальных побуждений заплатил, чтобы увидеть еще раз старинный клоунский номер.

Как бы там ни было, Миссис Мистерия соревновалась всерьез. Для начала она сделала на галопе пару соскоков слева и справа, потом встала на седло и раскрутила лассо. Круги становились все шире и шире, пока веревка не вытравилась до конца. «Крутить обручальное кольцо» — называлось это у наездниц. Потом она стала скакать через веревку, сперва на одной ноге, потом на другой и наконец спиной к движению. Не повернувшись вперед, она отбросила лассо, нагнулась, оперлась руками на круп, вскинула ноги в носках и сделала стойку, совсем как Джордж перед этим, — только здесь не было велосипедного руля под руками, и земля была почти вдвое дальше. Похожий трюк я видел впоследствии несколько раз, но там держались за края седла. И никогда — спиной к движению.

Сиреневая шляпка в конце концов слетела, как перед тем мятая рабочая шляпа у Джорджа, и все увидели, кто такая эта Миссис Мистерия. Трибуны зааплодировали и завопили от восторга. Они все еще вопили,

когда Нордструм крикнул нам с судейского помоста:

— Джек! Что за фокусы? Что это устраивает наш забавник?

Сандаун не ответил. Рядом с Нордструмом появился Готч; его лысая голова была багровой.

— Да, вождь. Что это дядя Комик хочет нам доказать?

Сандаун по-прежнему молчал, предпочтя смотреть на дорожку. Я был вынужден ответить за него:

— Не думаю, что он думал что-то доказать, мистер Готч. За вольтижировку дают солидный приз, и Джордж Флетчер надеется добавить очки в общем подсчете. Он думает победить, вот что, я думаю, он думает.

Готч долго испепелял меня взглядом, глаза его стали еще меньше и жестче — совсем как шляпки гвоздей.

— Он плохо думает, — сказал наконец великан, — Дряхлому старому негру, с зубными неприятностями и опасными долгами, так думать — это могилу себе копать.

Джордж и получил бы, наверное, приз за вольтижировку, даже при таких сильных конкурентах, как Лора-Трюкачка и Китти Канутт, если бы не еще одна неожиданная участница — леди О'Трейти. Она не оставила ему никаких шансов. Она была опытной профессионалкой, безупречной артисткой. Она могла сделать на галопе те же соскоки, что и остальные участники, только сделать это элегантнее. Номер она закончила так же, как Джордж, ногами к небу. Правда, стойка была на трех точках, а не на руках, что гораздо легче, но зрелище выглядело гораздо эстетичнее. Кривоногой Миссис Мистерии пришлось довольствоваться вторым местом.

Теперь стадион гудел как улей. Все почувствовали какую-то перемену, хотя и не понимали, в чем она. Джордж поднял красивую шляпу миссис Келл и послал воздушный поцелуй важным персонам, среди которых красовался в его золотой шляпе Буффало Билл Коди. Коди сделал вид, что не заметил насмешливого жеста или не удостаивает его вниманием. Зато Фрэнк Готч изобразил огромными руками, как ломает кому-то шею. Этот символический обмен жестами наблюдали все до одного. Он выявил противников, хотя и не предмет спора. В этот момент и зрители и ковбои поняли, что брошена перчатка, что запахло жареным. Не зная ничего, все всё поняли. Трибуны взволнованно гудели. Игроки бросились менять ставки. Индейцы повыбежали из вигвамов. Ковбои сгруппировались у ограды.

После этого Джордж и Сандаун участвовали в каждом состязании, а я прицепился к ним, как репей к койоту. Иногда мы соревновались, иногда работали в паре, если требовался помощник. И еще раз пришлось объединиться всем троим в команду: на дойке дикой коровы [\[47\]](#).

Тогда эта новинка ценилась еще меньше. Призовые были смешные, и участники — тоже: бойскауты, индейские дети, азартная пьянь и парикмахеры, желавшие показать клиентам, что они тоже ребята не промах. Когда среди этого комического сборища возникла наша троица, жужжание на трибунах сделалось в десять раз громче.

Было еще и женское трио. Прерия Роз Хендерсон взяла в команду двух миниатюрных красоток, участниц гонки вокруг бочек. Она была выше их на голову. Я был выше остальных на две и на три головы. Возвышаясь над детьми, женщинами и парикмахерами, я чувствовал себя как хулиган, гроза двора. Я сгорбился, чтобы не так выделяться. Я не хотел, чтобы кто-то стал прохаживаться на мой счет и советовал подобрать себе команду по росту, — пикироваться не было настроения. И кто же выплывает тут в испанских сапогах с серебряными мысками и раздает нам молочные бутылки для дойки? Нахальная девчонка собственной персоной.

— А, какие рослые дояры собрались. Добрый день, мистер Джексон... Мистер Флетчер. Вот те на! Что случилось с вашей шляпой и зубами, Джордж?

— Сданы на хранение, мисс Меерхофф, — сказал ей Джордж, — У Сандауна тоже.

— У них моя шляпа и костюм, — внес ясность Сандаун, — Зубы у меня свои.

— Понятно. А у вас, полковник Спейн?

— У меня? — Я не успел отвести глаза, и она зацепила меня взглядом — цап! — В каком смысле, у меня?

— У вас что-нибудь взяли — то есть на хранение?

Я помотал головой, чтобы отцепиться, но она вцепилась крепко.

— Полковник, я иногда начинаю думать, что вы все-таки бродяга. — Она протянула мне ящик со звякающими бутылками. — Выбирайте.

— Минутку, — запротестовал я. — Почему вы решили, что я дояр? У Джорджа опыт работы на молочной ферме.

— Мы привыкли иметь дело с животными и сразу видим, у кого есть подход к корове, — сказала она. — По рукам видим.

— Не уверен. Мне кажется, кое-кто из вас больше интересуется скакунами, чем коровами. Не говоря уж о ковбоях.

— Брюзга, — Она рассмеялась. — Типичный бродяга: темное прошлое, туманное будущее и брюзгливый характер. Думаю, у меня есть от этого средство, если обещаете молчать.

Она подалась ко мне и тихим голосом, возбуждив любопытство всех окружающих в радиусе пятнадцати шагов, сказала:

— Один из этих хрустальных кубков заговорен. Если выберете волшебную бутылочку, можете изменить свою судьбу. Прошлое просветлеет. Туманное будущее распустится, как цветок, и брызгливая натура будет радостно плодоносить всю жизнь. Обретете несказанные сокровища. Выбирайте.

Она прислонила проволочный ящик к бедру и сделала приглашающий жест. Во всех двадцати четырех ячейках проволочного ящика стояли четвертинки из-под сливок. Я показал на угловую возле ее бедра.

— Очевидный выбор! — Она вынула бутылку и с торжественным видом подала мне. — Теперь вам вот что надо сделать: наполните ее молоком священной коровы и теплым принесите к ветке яблони. Сделаете, полковник?

Я закивал, как слабоумный, и она зазвякала к другим доильщикам. Бутылка была уже теплая, когда я клал ее в карман. У меня не было сомнений, что я выбрал правильную. Обещанная магия уже действовала.

Четвертинки были розданы, команды стояли на старте. Распахнулись ворота коридора, и пестрое стадо диких коров вырвалось на арену. И хочу сказать, дикие коровы были и вправду дикими — выловленными в диком, безлюдном крае. Тогда были свободными десятки тысяч гектаров степи — идеальное обиталище для вольной и свободомыслящей телки с простецкой философией — познакомиться с симпатичным диким быком и завести дикую семью. Скорее всего, она только неделю назад впервые встретила с человеком. Тут-то и начались ее мучения. Горластые прямоходящие гаденыши уволокли ее и перепуганного ее отпрыска с просторного родного пастбища и заперли в загоне из лоз с железными шипами. Потом, каких-нибудь десять минут назад, безжалостно разлучили с отпрыском! Понятно, что результат такого обращения — недоверие ко всему двуногому. Неприязнь и просто даже враждебность. Эти дикие мамы былых времен не разбегались в панике, как нынешние вскормленные зерном буренки. За ними не надо было гоняться, они сами гонялись за тобой. Доильной команде надо было только выбрать, какую доить, и встать у нее на пути. Наш опытный молочник выбрал плюгавую джерси с узловатыми коленями.

— Подловим вон ту мышастую, — прошепелявил он, — Она самая маленькая.

Самой маленькой она была только по габаритам. По свирепости, неистовству и боевому духу — гигантом. И какая акробатка! Она могла извернуться так, что боднуть тебя, лягнуть и укусить разом. Это было все равно что доить двухсоткилограммовую землеройку.

Мне все же удалось схватиться за ее свалывшийся хвост, а Джордж и

Сандаун тем временем сражались с ее передним концом. Она таскала нас взад и вперед по арене, а публика помирала от хохота. Наконец Сандаун ухитрился набросить ей на глаза шелудивую меховую накидку, а Джордж — свой ремень ей на шею. Я вынул из кармана бутылочку и принялся за дело. Мышастая оказалась не слишком щедрой. Соски у нее были чуть больше моего мизинца и почти такие же сухие. Да и от моей сноровки Джордж был не в восторге.

— Не церемонься, Нашвилл, тяни сильнее! Некогда сейчас ласкаться.

Джордж держал ее за ремень с одной стороны, Сандаун — за меховую накидку с другой. Она бодалась вслепую налево и направо и щелкала зубами, как аллигатор. Наконец я нашел исправный крантик и нацедил немного молока — достаточно, чтобы бутылочка показалась полной, если взболтать.

— Хорошо, — пропыхтел Сандаун, — У меня уже судорога. Берегись, отпускаю.

Предупреждение не помогло. Как только ее освободили от ремня и повязки на глазах, она извернулась штопором и топнула по моему больному пальцу, словно задумала это с самого начала. Бутылочка, вертась, полетела в грязь. Потом она подцепила рогом грошовой ожерелье Сандауна, и бусины полетели вслед за молоком. На прощание она хотела лягнуть Джорджа, но промахнулась. Зато лягнула мой заговоренный сосуд. Он разлетелся на тысячу осколков. Но это уже не имело значения. Когда мы опомнились, оказалось, что, кроме нас, тут уже никого нет. Остальные команды давно закончили или сдались. Прерия Роз и ее команда показали свою бутылку так давно, что стояли уже перед судейским помостом и получали свои призовые за первое место. И все равно, когда мы, едва шевеля конечностями и языками, шли по полю к воротам, последними из последних, нас провожали овацией как победителей. Мы были всеобщими любимцами.

Впрочем, не всеобщими. Когда мы выходили наружу, Готч и его поводырь въезжали на своем фургоне в ворота, и они нам не аплодировали. Вожжи держал мистер Хендлс и обзывал мулов. Сзади, в отдалении, ехала О'Грейди. Она на меня не взглянула.

Борец был в борцовском трико, голый по пояс, если не считать головы. Его лысый череп украшала шляпа Сандауна с плоскими полями. На пурпурной ленте вокруг шеи висел другой трофей: вставная челюсть. Он играл мускулами, и этот непристойный кулон стучался о его голую грудь. Увидев нас, он сразу перешел к делу.

— Ну что, Флетчер? Ты сказал, чтобы я готовился к схватке. Я готов.

— Я вижу, что готовы, мистер Готч. Пожалуйста, потерпите чуток. Дядя Джордж обещал вам найти партнера, а дядя Джордж человек слова. Договор есть договор, и его нельзя нарушать.

— Вот как? — Мистер Хендлс повернулся и включился в разговор. — А кто это сегодня его нарушил? Тебе не пришло в голову, что кое-кто поставил хорошие деньги на это твое «слово»?

— Ведь я *не старался* победить, мистер Бухгалтер. Наоборот. А что я мог сделать, если эти тьюфяки не могли превзойти мои самые плохие старания?

— Один здесь может! — рявкнул Готч, — Прямо сейчас. И *этому* тьюфяку надоело, что его водят за нос.

— Потерпите, мистер Готч, позвольте дух перевести. Поделайте еще немного ваших запорных упражнений, они у вас так красиво получаются.

Готч напыжился, чтобы ответить, но сестра О'Трейдри вовремя затрубила в горн, и мулы рванули с места. Сирена Клэнси завел привычную песню:

— Леди и джентльмены! Мистер Коди желает порадовать вас еще одним дополнительным аттракционом. Тем, которого все ждали...

— Кроме меня, — сказал я, — Меня уже столькими порадовали, что больше я не выдержу.

— Никогда не известно, — загадочно отозвался Сандаун. Он обводил взглядом загоны, словно кого-то ждал. — Этот может быть особенным.

— Мне надо зализать раны и дать отдых костям, ожить немного. Я знаю местечко, вон в тех тополях, где можно вздремнуть. Кликни меня, когда объявят езду на оседланных.

Джордж посмотрел на меня с укоризной:

— Ты ведь не бросишь товарища в трудную минуту? Скажи?

Сандаун оборвал его:

— Джонни, не слушай его. Он не такой большой дурак, даже когда пьяный. Иди, куда шел.

— Он прав, Наш, — сказал Джордж со всей искренностью, какую допускал беззубый рот. — Я не такой дурак. Ты иди по своим делам в эту рощицу. Ничто не оживляет так, как часик хорошего сна, хи-хи.

И я снова прошел между тополями и забрался в прохладный, пропахший фруктами фургон Меерхоффов. Только на этот раз там были не только сушеные яблоки.

— Я уж решила, что никогда вас не дождусь, полковник! — раздался недовольный голос, — Вы не фермер, за какого я вас считала. Эта пустячная работенка заняла у вас полвечности.

Я попросил ее замолчать. У меня не было настроения слушать выговоры.

— Мне просто любопытно, — не унималась она, — Что вас так сильно задерживало? Неумелость или удовольствие от занятия? Я видела, как вы лапали несчастную корову.

Тогда я *заставил* ее замолчать — самым лучшим из известных мне способов. У меня нет привычки обрывать человека на полуслове, но я решительно считал, что нам с этой дерзкой барышней нет никакой надобности в дальнейших разговорах. И времени на них нет — хотя этого еще не знал. Это выяснилось позже в тот же день. Не знаю, стало ли это известно Саре Меерхофф. Она слишком увлекалась быстрой ездой. А у таких увлеченных нет времени выяснить, сколько им осталось времени.

Ни мне, ни остальным тогда не приходило в голову, что Сара Меерхофф по-своему такая же талантливая наездница, как Джордж Флетчер или Сандаун Джексон. И кто знает, каких высот она могла достичь? Потенциально женщина по своему устройству — лучший конник, чем мужчина. Разница между ними — разница между наездницей и водителем. Женщины любят ездить также, как парни — водить машину. Парни лезут под капот и копаются в карбюраторе — выясняют, отчего машина едет и как сделать, чтобы ехала быстрее. Женщина просто едет. Не лезет внутрь, не копается. Ей нужно одно: оседлать жеребца и легко сидеть в седле — чем легче, тем лучше. И... ох!.. рука у Сары была легкая, как тень, как яблоневый цвет, как дуновение прохладного осеннего ветерка. Какой жеребец не послушался бы? Какой конь не вытянулся бы в струнку от такого прикосновения?

О, Сара Меерхофф... и Пендлтонское родео тысяча девятьсот одиннадцатого года.

В последующие годы, на других родео у меня завязывались отношения со многими и многими наездницами. Прерия Роз Хендерсон оказалась вполне чувствительной барышней, когда проникнешь за фаянсовый фасад. Я познакомился и с Трюкачкой Лорой, и с Кити Канутт. И с Лизой Хастингс. Все они были отличными наездницами, но до Сары им было далеко. Если Кити Канутт была волевая и мощная, то Сара была сама мощь. Если Лиза Хастингс могла управлять лошадью лишь при помощи одних коленей и щиколоток, то Саре достаточно было для этого бедер и намеков. Добрую Прерию Роз как будто качала в колыбели добрая мать-земля, но Сару расщепила снизу молния. В нашем крытом фургоне еще посверкивали остатние искры этой молнии, когда нас грубо прервали вопли неопикуемой муки, несшиеся с арены.

— Ой, дьявол, отпусти, сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь, ой,
ой, ой!

Глава семнадцатая

Отсосут немного яду

Вопли длились и длились, не ослабевая, и такая звучала в них мука, что, казалось, они продлятся до конца дней. Но звук изменился. Вопли перешли в вой, а вой — в придушенные ругательства. К тому времени, когда Сара и я приняли презентабельный вид и подбежали к ограде арены, ругательства сменились слабыми стонами и шепотом.

— По-моему, самое интересное мы пропустили, — сказала Сара.

Фургон с рингом стоял напротив самых дорогих мест. Точно там, где я его поставил бы, будь я дошлым антрепренером, как мистер Хендлс. Только на этот раз он сам себя перехитрил. Фургон стоял так близко к трибуне, что народ полез на арену, чтобы поучаствовать в действе. На ринге сестра О'Грейди открыла свою медицинскую сумку и поливала чем-то окровавленный зад Фрэнка Готча, поливала чем-то, похожим на йод, и, судя по ее ухмылке, получала удовольствие от процедуры. Глаз ее не было видно. Они были за темными очками. Я впервые видел темные очки не на слепом. Вся задняя часть бедер Готча была в кровавых лохмотьях, а сам он лежал ничком в углу ринга и грыз стяжную муфту, чтобы не скулить. Три пинкертоновца в трех других углах пытались поддерживать какое-то подобие порядка. Двое из них распахнули пиджаки, демонстрируя кобуры под мышками, третий держал в руках короткоствольную двустволку. Всякий раз, когда Готч издавал громкий крик, он резко оборачивался с ружьем — убедиться, что борец не набросится на него, ослепнув от ярости. Сара громко захохотала.

— Кажется, большой обормот сегодня напал не на ту скотину. — Она повернулась к зевакам у ограды, — Кто это был? Пума? Медведь?

— Индеец, — ответили они хором.

— Ага, чудной, низенький, круглый индеец, — пояснил один из них, — С челюстями, как у каймановой черепахи. Он, верно, подумал, что ежели Готч носит на шее покупные зубы, у них будет матч — кто кого загрызет.

— Пастор Монтаник! — догадался я, — Вот на кого намекал Сандаун. А как это было?

Сюжет по кусочкам рассказали нам два десятка свидетелей, наперебой, с добавлениями и отступлениями. По их словам, мистер Готч и мистер

Хендлс и почти все остальные считали само собой разумеющимся, что противником будет Джордж Флетчер. Кто не слышал его обещания в первый день? Кто не видел, как он поддевал великана, нарядившись Миссис Мистерией? Согласно презрительному предуведомлению мистера Хендлса, Джордж Флетчер поставил свой пятицентовый зубной протез против чемпионского пояса Фрэнка Готча.

— Это более серьезный гандикап, чем двадцать к одному, — возвестил Билл Коди, картинно восседая на своей красавице соловой. — Так что матч будет серьезный. Все захваты разрешены, время не ограничено; кто первый крикнет «сдаюсь», проигрывает все.

— Волосы, шкуру и все, — с садистским удовольствием подтвердил Готч. — Я задумал сделать хорошенький кисетик из одной части дяди Джорджа. Только шнурка не хватает.

Но вместо Джорджа Флетчера Сандаун Джексон вывел на ринг человека, явно не довольного этим и напоминавшего большой круглый ком глины. Сандаун представил его как Пастора Монтаника Чертобая, абсолютного чемпиона по индейской борьбе штатов Айдахо, Вашингтон, Орегон и части Северной Калифорнии. Последовали протесты, жалобы и крики: «Жульничество». А если у этого неприглядного кома глины — вши? А если у него припрятан томагавк? Пастор Монтаник стоял в углу с кузенком Сандауном, а игроки, начальники родео и все остальные, кто мог докричаться друг до друга, спорили между собой. Готч настаивал, что ему был обещан Джордж Флетчер и ему нужен Джордж Флетчер, а не какой-то запасной недоумок, который даже не понимает, куда его затащили, но Джорджа Флетчера в наличии не было (Луиза предусмотрительно выманила его на реку, посулив более приятную схватку и более осязаемый приз), и зрители стали проявлять нетерпение. Мистер Келл спустился с помоста, чтобы обсудить вопрос с мистером Коди. Коди настаивал, что судьи должны приостановить состязания, пока не пристыдят трусливого Флетчера, чтобы вылез из своей норы, и не втолкуют ему, что нельзя вести себя как мартышка в обществе гомосапиенсов. Мистер Келл возразил, что пристыдить Джорджа Флетчера негде и нечем и, больше того, ему до черта надоел этот ор! Если никто бороться не хочет, то убирайте к богу этот катафалк с арены, потому что скоро стемнеет и с северо-востока заходит грозовая туча, а им, ей-богу, надо закончить родео! Зазывала увидел, что дело принимает неприбыльный оборот.

— Ничего мы откладывать не будем! — сказал он, — Чемпион, отчего бы не почтить публику небольшой демонстрацией индейской борьбы? Отличный спорт! Давай же, Паста Монтаны, или как там тебя, пожми руку

Грозному Фрэнку Готчу.

Сандаун подтолкнул родственника, и тот послушно вышел на середину ринга. Готч, ворча, снял с себя плоскополую шляпу, зубопротезный кулон и повесил на угловой столбик. Он раскинул руки, взялся за канат, пару раз присел для разминки, а потом, круто повернувшись, без предупреждения и приветствия налетел на Монтаника.

Один из рассказчиков сказал, что выглядело это так, как будто большой розовый паровоз наехал на маленького бурого мишку, который решил позагорать на рельсах. Но, к удивлению самого паровоза и зрителей, мишка не двинулся с места. Он обнял нападавшего нежным медвежьим объятием, поднял в воздух, бережно опустил на брезент и убрал руки. Стадион онемел. Готч был настолько поражен, что мышцы у него заело, как башенные часы с перекрученным заводом. Мистеру Хендлсу, видимо, были знакомы эти состояния. Он окунул мятную жвачку в нашатырный спирт и протиснул между губами гиганта. Готч вышел из ступора и разразился проклятиями.

Дважды еще огромный борец атаковал безучастный коричневый ком и дважды был поднят в воздух. В третий раз опустив его на брезент, пастор Монтаник сказал Фрэнку Готчу, что Иисус любит его, и повернулся, чтобы уйти с ринга. В индейской борьбе схватка завершается балансом, а не господством. Борцы сами могут сказать, чья взяла. После этого какой смысл уродоваться дальше и что-то доказывать? Так на это смотрит индейский борец.

Готч смотрел иначе. С торжествующим рычанием он сзади, в прыжке, захватил уходящего индейца «ножницами». Они рухнули на брезент. Голова индейца была зажата между могучими бедрами борца. Готч ухмылялся и усиливал давление. Тиски. Теперь он мог давить череп сколько угодно — пока тот не расколется, как лесной орех в щипцах. Он даже мог пристроить краснокожего недомерка таким образом, чтобы раздавить его череп, сидя на картофельном лице! Это его и погубило — он не присутствовал при том, как была выправлена монета.

Так жестокость Фрэнка Готча бросила гордую плоть его в челюсти его гибели. Пастор Монтаник вцепился в него мертвой хваткой и жевал до победного конца. Этим и объяснялись душераздирающие вопли, которые мы с Сарой слышали во время свидания в фургоне. А почему они были такими громкими и продолжались так долго, потому что никто не мог разжать эту мертвую хватку — ни зазывала, ни пинкертоновцы, ни целая группа озабоченных граждан, взобравшихся на ринг, — ни пинками, ни щипками, ни залезанием в рот. В конце концов сестра О'Грейди вылила

флакон ароматических солей на место конфликта. Из глаз и носа индейца вода полилась так обильно, что он был вынужден разжать зубы, дабы перевести дух. Сандаун Джексон оттащил родича от растерзанного гузна. Выталкивая пастора за канаты, Сандаун заодно схватил со столба свою шляпу и челюсть Флетчера. Когда я увидел Монтаника в сенном сарае за коридорами, он все еще плакал. Я вслух предположил, что нюхательные соли действуют на индейцев сильнее, так же, как огненная вода. Сандаун объяснил, что дело не в нюхательных солях.

— И не в щипках и не в пинках. В сожалении.

— В сожалении?! — воскликнул Джордж, — О чем он сожалеет? — Что покусал орясину или что перестал кусать?

— Во-первых, о том, что пришлось с ним бороться.

— Не будем многозначительными, Джексон. Он не обязан был бороться.

Вместе с зубами к Джорджу вернулась бойкость языка.

— Я был готов, как штык, бороться. И справился бы. Может, я и старый, и дурак, но не заморыш. Эта обезьяна не могла мне сильнее навредить, чем животные вдвое больше ее, — они чуть не всю мою жизнь старались это сделать. Конечно, у меня отлегло от души, когда я услышал, что пастор меня подменит. Я благодарен за это мистеру Джексону. И за то, что вернул мне жевалки: в киоске Американского легиона бесплатно раздают оставшиеся жареные початки. Так что перед Богом и всеми я искренне тебя благодарю, мистер Джексон.

Под Богом и всеми подразумевались мы — около дюжины ковбоев, собравшихся перед сенным сараем и глядевших через щели на пастора Монтаника. Он стоял на коленях среди плевел и молился, сцепив руки. Его губы и подбородок были покрыты запекшейся кровью. В воротах стоял пинкертоновец с двустволкой — по-видимому, чтобы Монтаник не вырвался еще раз полакомиться обезьяньим задом.

— Я думал, он дал зарок больше не бороться, — сказал я.

— Мне пришлось его обмануть, — признался Сандаун, — Я сказал, что ночью дьяволы подбили нас на греховную сделку. Я сказал, что он будет бороться за спасение бессмертной души Джорджа Флетчера. Теперь он увидел, что — за вставные зубы. Эй, брат! — Сандаун постучал в ворота. — Почему ты не отпустил? Он много раз кричал «сдаюсь», зачем ты все равно кусал его зад?

Монтаник поднял омраченное раскаянием лицо.

— Зачем он не отпускал мою голову?

Всех так восхитил этот ответ, что на несколько лет он стал притчей во

языцех. И по разным поводам употреблялись различные его вариации: «Зачем ты пинал эту свинью босой ногой?» — «Зачем он ломал мне пальцы на ногах?» Жаль, что Сара не слышала этой финальной репризы; когда я оглядел компанию у сарая, Сары среди нас не было.

Грозовая туча, о которой предупреждал мистер Келл, оказалась не очень большой. Она выглядела скорее занятой, чем зловещей, как молодой задорный мустанг, который ищет выхода для лишних сил. Она нашла местечко над Кэббадж-Риджем как раз вовремя, чтобы увидеть гвоздь программы — езду на мустангах. Присела там и стала фотографировать со вспышкой, гикая, как турист: «Ии-хоу, это обалдеть!»

Туристы были того же мнения. Когда распорядители велели всем участникам проехаться перед трибунами, трибуны загревели не хуже грозовой тучи. Дело шло к финишу, и все это ощущали. Поскольку Джордж, Сандаун и я были первым-вторым-третьим, нас поставили в конце. Мы выехали бок о бок в хвосте парада, и зрители шумно приветствовали нас. Ухарь Джордж ехал по внешнему краю дорожки, ближе к трибунам. Гнедой шел покойным однокопытным аллюром, и Джордж сидел свободно, с ослепительной улыбкой. Несмотря на вялую рабочую шляпу, вид у него был вполне эффектный.

Сандаун на своем пегом жеребце ехал по внутренней стороне. Всю вторую половину дня он смывал боевую раскраску, избавлялся от бус и перьев. Он снова оделся в свой строгий синий костюм, надел черную шляпу с плоскими полями и аккуратно переплел косы под подбородком. Единственным украшением был золотой самородок на груди.

Я ехал посередине, возвышаясь над обоими, бодрый, как молодая гроза. Кроме Прерии Роз, не могу вспомнить по имени ни одного ковбоя, ехавшего перед нами. Все наверняка были отличными наездниками, и в свое время кое-кто из них, конечно, стал звездой и чемпионом. Но этот парад был наш. Когда мы привязали лошадей у ограды и пришли тянуть жребий, в квадрате тени под судейским помостом других ковбоев уже не было. Был только мистер Келл — и ждал нас со шляпой в руках.

— Вы, тихоходы, наверное, это ищете? — (В шляпе осталось всего три бумажки.) — Кто первый?

Джордж и Сандаун одновременно подняли ладони. Мистер Келл засмеялся и протянул шляпу мне.

— Выбирайте, Спейн, Джонатан Э. Ли. Эти два старых хрыча будут спорить до первого снега.

Я взял ближайший листок. Потом Джордж и Сандаун. Мистер Келл пожелал нам удачи и стал подниматься по деревянной лестнице. На

полпути остановился.

— И забудьте чепуху, которую вы могли тут слышать... насчет того, чей цвет кожи лучше годится для плаката, и так далее. Это просто дешевые интриги. Езжайте и покажите им класс.

Он надел шляпу и стал подниматься дальше, торжественно, но несколько нетвердо держась на ногах, примерно как дряхлый, усталый судья, который должен подняться на эшафот перед казнью преступника. И почерк на моей бумажке был такой нетвердый, что я не мог прочесть имя. Я вышел с ней из тени, надеясь, что прочесть поможет солнце. В конце концов расшифровать имя пришлось Джорджу.

— Капитан Кидд! Слыхал, Джек? Капитан Кидд, хи-хи-хи. Нашему жеребчику достался этот старый одёр. Я знал, что рано или поздно он свою бочку с четырехлистным клевером выберет до дна.

Сандаун посмотрел на меня с сочувствием.

— Капитан Кидд сильный, но ленивый. Ты шпорь его как следует, чтобы разбудить, Младший Брат.

— Правильно. И надо раздобыть тебе чапы, чтобы хлопали, — как учил тебя дядя Джордж. На таком тюфяке, как Капитан Кидд, хлопанья нужно столько, чтобы в глазах рябило. — Он поднял свою бумажку. — У меня Торопыга. Этот форсистый. А тебе кто достался, Сандаун?

— Мистер Вьюн. — Сандаун все еще смотрел на мои тощие ноги, как озабоченный старый дядюшка, — Нам надо добыть тебе чапы.

Я сказал, что очень признателен им за заботу, но пусть не надрываются — они и так мне много помогали.

— А кроме того, я не мечтаю сравняться с вами даже при самых лучших лошадях и чапах. Вы на этой вечеринке главные, всем понятно.

— «Сравняться» с ними? — Это был Оливер Нордструм; он стоял на помосте, прислонившись к доске с результатами. — Ты очков на пять впереди них. Джонатан Э. Ли имеет все шансы сохранить преимущество, судя по ставкам довольно осторожных игроков.

— По ставкам — фаворит, — подтвердил чей-то голос, — Раз наш нигер и наш индеец не захотели сотрудничать.

Это было сиплое мурчанье Готча. Пока мы болтались у помоста, фургон Коди подъехал к коридорам. Откидные борта были сложены, и поставлена палатка, служившая раздевалкой. За кучеров сидели Буффало Билл и мистер Хендлс; Готч ехал сзади. Рядом стояла табуретка, но борец, видимо, не склонен был сесть. Он стоял перед дверью палатки, расставив ноги, и опирался на тяжелую ореховую трость мистера Хендлса, какими пользуются подручные в загоне на аукционах скота. На нем были

клетчатый костюм и полосатый пуловер с высоким воротником. На лице его восстановилась злобная усмешка, и само оно, со всеми своими мышцами, казалось прочным, как выбеленная сыромятная кожа. Но лоб и лысый череп свидетельствовали, что эта кожа, возможно, не так непрошибаема, как кажется. Она запеклась до цвета меерхоффовской солонины. Это не ускользнуло от гурмана Джорджа.

— Ой-ой-ой, мистер Готч! Как это у вас верхушка головы обгорела? А где же та шляпа, что вы носили? Красивая черная шляпа с плоскими полями?

— А где твоя красивая? — парировал Готч.

Ответ был неожиданный, и Джордж не сразу нашелся. Его красивая шляпа была у всех на виду — она венчала белоснежную гриву Буффало Билла, сидевшего на козлах. Я обратил внимание, что ни он, ни его зазывала не держат вожжи. Вожжи волочились в пыли между мулами. Зазывала пытался управлять ими при помощи тихих угроз и ругательств, но животные, судя по всему, были глухи к его приказам и понуро шли своим путем. Но он еще что-то пробормотал, и животные повернули головы в нашу сторону. Он сказал что-то еще, и вдруг они заложили уши и побежали прямо на нас. Нам пришлось отскочить в стороны, чтобы не быть прижатыми к стене коридора. Мулы на полном ходу врезались в ограду.

— Черт подери! — окрысился на зазывалу Коди. — Сказано было: держи лопоухих! Ты чуть не затоптал джентльменов и... проклятье! Этого я и боялся. Выбил мне больное колено из сустава. Теперь вправлять... Бери-ка вожжи.

Мистер Хендлс слез на дышло, а старый шоумен попытался принять стоячее положение. Колено хрустнуло, но не выпрямилось до конца — его заклинило. Коди протянул ко мне руку в перчатке с бисером.

— Поддай руку старику, сынок! Да и пора нам поближе познакомиться.

Надо было бы послать его к известной родственнице, но я был воспитан в почтении к старшим, все равно, заслуживали они этого или нет. Я подал ему руку и помог встать, а он тем временем вправил себе колено. Не отпуская моей руки, он слез на землю. Несмотря на возраст и скрип в суставах, хватка у него была, как у кузнеца.

— Старость — большая досада. Просыпаешься однажды и выясняется, что ты просто-напросто старая торба, набитая воспоминаниями и недомоганиями. Колено это, например, в первый раз было выбито на берегу реки Йеллоустон сорок пять лет назад. Это был прощальный поцелуйчик вождя Желтая Рука перед тем, как он отправился к Создателю. Кто бы мог подумать, что у старого тощего индейца с двумя

зарядами крупной дроби в зобу хватит сил вдруг сесть? Да еще махнуть боевой дубиной.

Он отпустил мою руку, но это не значило, что разговор окончен. Сдвинув желтую шляпу Джорджа на затылок, он измерил меня долгим взглядом. И кажется, был удовлетворен увиденным.

— Ты красивый парень, Джонни Спейн, это факт. Нет, пожалуйста, не убегай, до твоего выхода еще долго. Мистер Хендлс, вам не кажется, что парень красивый?

— Красивый, красивый, — Зазывала подобрал вожжи и отряхивал пыль с коленей. — Красивей не видел. У дам сердечко так и прыгает. Спросите хоть мисс О'Грейди.

— И очень внушительно выглядит верхом — это мужчин порадует, — продолжал Буффало Билл. Он оценивающе пожал мне плечо, как домохозяйка, покупающая филе. — Джонни, надо бы нам как-нибудь поговорить по-деловому. Никогда не думал заняться шоу-бизнесом? Заработок легче, чем на родео, — и больше.

Я сказал, что никогда не думал и навряд ли когда буду. Он продолжал сжимать мне плечо и толковать о легких заработках, а я продолжал мотать головой. Едва я вывернулся из-под его руки, как спустившийся с помоста Оливер Нордструм схватил меня за другое плечо.

— Не торопись, Джонни. Помни, что Бен Франклин говорит в своем «Альманахе»: «Перед важной сделкой помешкай». — Для пущей выразительности он с чувством пожал мне плечо.

Никакой важной сделки я не видел, и мешкать мне было некогда.

— Я благодарен вам за интерес, мистер Нордструм... мистер Коди, и надеюсь, вы не сочтете за невежливость, если мы отложим обсуждение на после заездов. Мне надо принести седло. Мы как раз шли за седлами, когда ваши мулы...

И тут до меня дошло: надувалы опять хотят оторвать меня от друзей, как вчера вечером в салуне. Я коротко извинился и протиснулся мимо трюфетного трио. Дорогу мне преграждали мулы. Не желая быть укушенным или получить копытом, я не рискнул пролезть ни спереди от них, ни сзади. Вместо этого я полез на фургон. Джордж и Сандаун куда-то делись; Готч — тоже. Но мое внимание привлек дымок из палатки. В брезентовом сумраке на одной из табуреток, какие ставятся у ринга, сидела О'Грейди. Она сидела с сигаретой в зубах, закинув ногу на ногу. Оранжевая шевелюра исчезла, исчезли и темные очки, открылись обыкновенные седые волосы и живописный фингал. Она кивнула в сторону высокой стены коридора, который вел к загонам для скота.

— Большой урод туда их погнал, — сказала она, не выпуская изо рта сигарету, — Но лучше сперва раздобудьте пистолет или побольше подмоги. Вам и вашим двоим друзьям с этим монстром не справиться.

Фрэнк Готч был симпатичным американским парнем с фермы в Айове и стал чемпионом США среди любителей, когда ему еще не исполнилось двадцати. И оставался таким, даже когда связался с Хендлсом и стал чемпионом среди профессионалов. По крайней мере, несколько лет оставался. Потом что-то произошло. Однажды зимой мистер Хендлс повез своего чемпиона в турне по Мексике, и там, в каком-то из пограничных городов, молодой Готч что-то купил или заразился чем-то, что навсегда изменило простого американского крестьянского парня. У него выпали волосы. Утолстился нос, стали шире лоб и подбородок, как у гигантов, которых показывают в разъездных цирках, и весь он стал разбухать. Словно на тридцатом году в нормальном парне проснулась какая-то железа и стала накачивать его великанским гормоном, превратив в чудище. Он разбух и продолжал разбухать, как дрожжевое тесто. Спортивные репортеры, видевшие его в прошлом сезоне, писали, что перемена не просто физическая, она глубинная. Некоторые поклонники борца настаивали, что этот монстр на борцовском помосте не Фрэнк Готч, а подмена, устроенная Хендлсом, что настоящего Фрэнка Готча убрали, потому что он не желал подчиняться приказам тех, кто вертит тотализаторами. Другие сокрушенно говорили: нет, это сам Фрэнк Готч, только полностью переродившийся. Джек Лондон писал в журнале «Полис газетт»: «Смуглая рука безымянной мексиканской пагубы пролезла в горло совершенно здорового молодого человека, ухватила его за хвост, вывернула наизнанку — полностью изменила! — и превратила в больного изверга».

Я думаю, он все время ощущался, этот невидимый туман, окружавший борца, заразное облако какой-то болезни. И страшило не так даже то, что он тебя схватит, как то, что *ты* можешь у него подхватить. Как если бы тебя укусил пес, у которого пена идет изо рта — пена гораздо более опасная, чем сами по себе клыки. Я понимал, что О'Трейдри права: соотношение трое против одного нисколько не утешало. Какое у троих преимущество, если у этого одного — водобоязнь? С другой стороны, у меня не было времени искать оружие или собирать подмогу. Я спрыгнул с фургона и побежал по пустому коридору, один.

Я бежал так стремительно, что за небольшим поворотом очутился прямо рядом с ним.

— Все, хватит, — нагло заявил я, — Здесь вам не проулок в Бронксе, где можно нападать на людей и тебе это сходит с рук.

Готч обрадовался, если не моему заявлению, то появлению.

— Так, так, так, — промурлыкал он, — сам Джентльмен Джон. Ты пришел к своим друзьям, Джонни? Так иди к ним.

И хлопнул меня промеж лопаток, можно было бы сказать, по-приятельски, если бы я не отлетел, задохнувшись, метра на три. Джордж поднял меня на ноги.

— Вставай, Нашвилл. Бежать надо было, пока была возможность.

— Бежать и бросить приятелей? На Юге порядочные люди так не делают.

— Не убегать, мистер чемпион. Бежать за подмогой.

— Чем больше, тем веселее, — сказал Готч с дружелюбной улыбкой.

— Тогда за подмогой с ружьями! Говорят, взбесившиеся медведи бывают такими злыми, что их только пулей можно избавить от мучений.

Готч перестал улыбаться и двинулся на нас. Я успел немного отдышаться и смог сказать Джорджу, что, по-моему, дразнить медведя в такой ситуации не самая умная тактика.

— Может, мы все обсудим?

Готч покачал головой:

— Не-а, — и продолжал наступать.

— Тогда чего ждем? — сказал я Сандауну. — Окружим его?..

Все трое в ответ покачали головами — «не-а». Мы отступали, гигант надвигался на нас. Он раскинул руки и перегородил весь проход. Манжеты у него были растянуты, и из них выглядывали безволосые, жилистые предплечья. Он в самом деле выглядел существом, вывернутым наизнанку: все мышцы, жилы и хрящи вылезли наружу, выпуклые и отвратительные.

Несколько раз мы попробовали разделиться, поднырнуть здесь, прошмыгнуть там, но он был так же проворен, как и широк. Он мог быстрее прыгнуть в сторону, чем мы — проскользнуть, а коридора у нас за спиной оставалось все меньше. В ту пору строители еще не догадались оставлять между досками просвет для сапога — их больше заботило, чтобы призовой бык не застрял рогом в щели и не сломал себе шею, чем судьба незадачливого новичка, который не сможет быстренько вскарабкаться на стену.

В конце коридора было три калитки: одна слева, где держали быков, волов и диких коров для дойки, одна в середине, где стояли дикие лошади, и одна справа, за которой были собраны бычки для роупинга. Это была самая легкая калитка, с просветами между перекладинами. Телята тыкались носами в щели и звали мам, толпившихся напротив. Обеденное время давно прошло, они устали от дурацкой суеты родео. Эта калитка

была единственным местом в коридоре, не сплошь зашитым досками. Мы одновременно поняли, что она — единственное наше спасение.

Джордж был к ней ближе всех. Он взбирается по доскам, я — тоже, рядом с ним. Сандаун пробует открыть задвижку. Готч произносит: «Не-а», бросается вперед, выбивает из-под индейца ноги, а Джорджа зацепляет крюком трости. Другой рукой ловит меня за щиколотку. Помню, я посмотрел вниз и подумал: рука у него такая большая или нога у меня такая тонкая? Затем я вторично свалился в грязь, и опять — не в силах вздохнуть. На этот раз Джордж и Сандаун составили мне компанию.

— Наверное, ты был прав, — сказал Джордж, — Надо было окружить его.

Готч нависал над нами, как кошмар, было что-то библейское в его чудовищности. Он рычал нам сквозь зубы, но я не мог расслышать — телята подняли шум.

Я испугался, что сейчас он изобьет нас своей ореховой палкой до бесчувствия, однако он ее отбросил. Он любил быть поближе к своим жертвам; он сгреб нас вместе, как охапку дров. Все было сделано так буднично, что казалось почти нормальной работой — даже когда охапку подняли в воздух и стали вертеть. Это был классический борцовский прием, всегда радующий зрителей, «мельница», только «мельница» была тройная и вдобавок вращалась по горизонтали, и зрители, телята, не радовались. Их мычание вертелось вокруг нас, вертелись дощатые стены, коридор и мычание, а потом — трах! — троих швырнули о калитку. Пятисантиметровые сосновые доски разлетелись в щепу, как ящик из-под яблок; телята скопом бросились прочь в вертящемся загоне, онемев от страха; в носшибануло острым запахом их непроизвольных испражнений. Из вращающегося тумана возник Готч и снова сгреб нас, как дрова, но теперь вместе с сосновой щепой для растопки. Я оказался лицом к лицу с Сандауном и улыбнулся ему: ничего себе, а? В происходящем была успокоительная логика замедленного сновидения. Потом нас опять подняли в воздух, и тут я увидел в глазах индейца нечто, мгновенно разрушившее сонный покой и взбаламутившее мой кишечник не хуже телячьих.

Я увидел страх. Не хочу сказать, что впервые увидел страх в глазах человека; нет такого наездника на родео, который не пережил бы минуты страха за свою жизнь, очутившись в трудном положении из-за трудного животного. Это естественно! Ты можешь шею сломать! Но страх в глазах Сандауна был настолько глубже естественного страха за свою жизнь, что даже сравнивать их не имело смысла, и когда я подумал об этом, у меня кровь застыла в жилах. Вот почему мои храбрые приятели легли кверху

лапами — они давно поняли то, что дошло до меня только сейчас: это вывернутое наизнанку существо способно не просто убить тебя, а гораздо хуже — оно способно тебя сломить.

Он швырнул нас в навоз, и я лежал там, парализованный страхом, как девочка. Я вспомнил слова сестры О'Трейд о том, что вред извне можно пережить, даже если он убьет тебя, но другой, нанесенный изнутри, убивает тебя, даже если ты продолжаешь жить, — и я почувствовал, что теряю контроль над кишечником. Потом, когда он нагнулся, чтобы снова сгрести нас в охапку, я увидел, как над обгорелой головой гиганта появился чудесный круг, словно золотой нимб. Он плавно опустился на тело гиганта и затянулся туго. Готч взревел и повернулся, чтобы увидеть, кто испортил ему развлечение. С другой стороны прилетела другая петля, ржаво-красная. Это было лассо из рыже-чалого конского волоса и принадлежало оно утконосому ковбою, который в первый день опередил меня на роупинге. Первое лассо тянулось к Бисону со сломанной ногой. Гипс на ней подтесали так, чтобы он мог босую ногу вставить в стремя. На лице у него была довольная ухмылка: его лошадь пятилась, подтаскивая борца к столбу, у которого привязывали телят. Готч опять заорал. Телята бросились из своего угла, пробежали мимо столба и прямо через нас. Перед разломанной калиткой они оробели и бросились назад. К тому времени, когда мы трое встали на ноги, разъяренного Готча захлестнули еще две петли. Вся голова у него стала красной, как шарик термометра. Он бушевал и рвался из арканов, как взбесившееся животное. Лошади вскидывались на дыбы, выкатывали глаза, но это были ковбойские лошади и знали, как выбирать слабинку лассо. А ковбои, объезжая столб в центре загона с двух сторон, все ближе подтягивали к нему борца. Когда Готч почувствовал, что спина его прижалась к столбу, он рванулся с такой силой, что пуговицы, к которым пристегиваются подтяжки, отлетели — и передние, и задние. Брюки опустились на колени, и сам он — тоже. Когда ковбои надежно привязали его спиной к столбу, другой Бисон, проехав между телятами, здоровой рукой накинул ему на голову еще одну петлю. Приладил ее так, чтобы она проходила через рот, изрыгавший ругательства, обвел веревку вокруг столба, туго затянул и завязал узлом. Великан жевал и грыз веревку, пока изо рта не пошла пена.

Мы — телята, ковбои — все вместе стояли в оседающей пыли и смотрели на спутанного истукана. Внизу он был такой же безволосый. Первым заговорил Утконос.

— Ну, ребята, что предлагаете с ним делать?

Вопрос был явно обращен к Джорджу, старшему из ребят. Джордж

подобрал щепку и, прислонясь к столбу калитки, пытался соскрести грязь с овчинных чапов. Он не торопился с ответом. Все стихло, даже телята. Осторожно принюхиваясь, они приближались к бесштанному человеку, потрясенные так же, как мы. Джордж наконец бросил скребок.

— Может, тут его и оставим? — благосклонно предложил он, — Этим голодным собачкам, похоже, нравится общество мистера Готча, а мистеру Готчу — их общество. И кто его знает? Может, эти милые создания отсосут немного яду из бедняги.

Он кинул Готчу проспоренный доллар и пошел прочь.

Глава восемнадцатая

Пора по сараям

С трепологией наконец было покончено. Мы могли приступить к тому, ради чего собрались. Об этом объявил во всеуслышание мистер Келл устами Сирены Клэнси. В езде на диких лошадях остались только Джордж, Сандаун и я — трое лидеров. Так что последний наш заезд должен был решить судьбу первенства. Лучше бы Келл промолчал. Другие наездники были уязвлены, а трибуны загудели. От трех наших мустангов радости тоже было не много. После Готча они казались ручными. Первым выехал Сандаун на Мистере Вьюне. Поначалу Мистер Вьюн довольно яростно извивался и корчился. Индеец держался на нем с такой похоронной торжественностью, что под конец Мистер Вьюн стал плестись, как лошадь перед катафалком.

И Джордж был прав насчет Торопыги. Конь выкамаривал, и Джорджу пришлось затейливо поработать шпорами, чтобы его затмить.

И оба были правы насчет Капитана Кидда. Его бы следовало назвать Рипом Ван Винклем. Мне пришлось пришпорить его, чтобы разбудить, и шпорить дальше. К тому времени, когда ударил колокол, он вошел в раж, но поздновато. Я знал, что очков наберу несравненно меньше, чем они. Я отмахнулся от подборщика [\[48\]](#), соскочил сам, швырнул в Капитана ком земли, как Джордж накануне, и, ковыляя, ушел с арены. Я был сильно разочарован.

Публика — тоже. Зрители ворчали, недовольные этим неопределенным финалом. На помосте мистер Келл и остальные четверо судей совещались, сбившись в кучку перед испещренной цифрами доской. Люди кричали им со всех сторон. Голос Нордструма утратил всю свою приветливость; он визжал, как истеричная домохозяйка:

— Нечестно! Эту лошадь давно пора на мыло. Она брыкалась, как инвалид. Дайте парню нормальную лошадь, иначе это не соревнование.

С другой стороны кричал Меерхофф, сложив рупором ладони:

— Да? А кто у нас соревнуется? Лошади или наездники? Джордж был лучшим — Джордж Флетчер!

Мистер Хендлс лаял:

— Индеец! Индеец!

Он сделал паузу, ожидая, что вступит босс, но Буффало Билл был занят

другим: оглядывал загоны в поисках Готча.

— Ясно как день, что индеец — первый, — продолжал зазывала. — Нигер вытрясывался, а парень еле полз.

Последний акт нашей конской мелодрамы грозил рассыпаться перед самым финалом. Пятеро судей уже орали друг на друга, толкались, и помост кренился, как корабль в бурю. Посреди этой мужественной заварухи на помост, словно розовое масло на бушующие волны, вылилась делегация слабого пола. Это наездницы напомнили нам о том, что совсем упустили из виду в перепалке: что предстоит еще женская эстафета. Стадион вздохнул с облегчением: это был как раз тот перерыв, который нужен был судьям, чтобы выбраться из досадного тупика. Они сгрудились еще теснее, а наездницы, ковбои и тридцать тысяч раздраженных зрителей ждали окончания дискуссии. Сара посмотрела на меня поверх ограды и подавила скуечающий зев. Наконец мистер Келл поманил Сирену Клэнси. Тот спустился из своего вороньего гнезда, выслушал его, кивая и улыбаясь, после чего взобрался обратно к рупору.

— Сегодня езду на дикой лошади выиграл! Джордж Флетчер из Пендлтона, Орегон! Джексон Сандаун из Кулдесака, Айдахо, — второй и Джон Спейн из Теннесси — третий. Однако! — Он поднял руку, предупреждая протесты, — В общем зачете Мирового чемпионата по родео!.. после тщательнейших подсчетов... зафиксирована *тройственная ничья!*

Публика заворчала и загудела.

Клэнси поднял обе руки.

— Но, учитывая посредственное качество жеребцов в последней жеребьевке, принято *беспрецедентное* решение! В шляпу будут положены три самых лучших, самых диких мустанга в Орегоне! Для выявления победителя! В дополнительном! *Последнем* заезде!

Когда одобрителный рев смолк, диктор продолжил речь:

— А также, леди и джентльмены... пока идет подготовка к последнему и решительному состязанию, перед вами предстанут эти красивые дамы... в Первой мировой женской! Эстафете!

Это всех устроило. Женская делегация спустилась по лестнице с помоста, зрители уселись на свои места. А любопытная тучка подплыла поближе: будет что-то интересненькое, а потом еще!

Я не стал дожидаться, когда нам подберут лошадей, и сразу пошел на нашу «галерку» у поворота — туда, откуда обычно наблюдали участники. К ограде было не подступиться. Все участники и волонтеры отставили свой покер, свои бутылки и тары-бары и пришли смотреть. Ведь ожидался в

некотором роде парад-алле. Я вытягивал шею над толпой, но вскоре меня заметили, ковбои расступились и освободили мне место. Меня хлопали по спине, мне жали руку, желали удачи — и моей милашке тоже.

Сью Лин и ветхий часовой-китаец шли сквозь толпу и обихаживали усталых наездников. Старик нес корзину со скатанными горячими полотенцами и с легким поклоном вручал каждому из нас. Сью Лин шла следом за ним с подносом чая и угощений; она дала мне чашку и печенье с запиской-гаданием.

— Ваш палец болит сильно, Джон-Э?

— Палец немного побаливает, Сью Лин. Спасибо.

— Вы пришел смотреть, как едет ваша девушка? Она хорошо едет, наверно, для вас, я думаю.

Ковбои заржали, а меня бросило в жар. Вот тебе и тайное свидание. С таким же успехом я мог дать объявление о помолвке.

— Да нет. Ты моя девушка, Сью Лин. Ты же знаешь. Кто еще беспокоился обо мне в этом чужом краю? Кормил меня. Заботился о моей гигиене, о моей одежде...

Это вызвало новый взрыв смеха.

— Жалко, не позаботилась достать тебе чапы, Джонни-мятежник, — сказал один из ковбоев постарше, — Тогда бы ты показал этим двум хрычам, где раки зимуют.

— Наверное, — подхватил я, обрадовавшись, что тема девушек исчерпана, — Старые хрычи мне то же самое говорили, и не раз. Да вот до магазина с чапами не доехал.

Сирена Клэнси громовым голосом зачитывал правила женской эстафеты. Я отдал полотенце и пустую чашку и вернулся на свое место у ограды. Загадочная записка в моем печенье гласила: «Золотые юноши и девы, как трубочистов, вас оденет прах» ^[49]. Слова приписывались Уиллу Трясущему Копьем. Я не понимал, на что намекает Уилл, пока не подошла к концу эстафета.

Правила были такие: три круга, каждый на другой лошади; девушки переносят седла сами, без посторонней помощи. Я заподозрил, что последнее правило судьи ввели специально, чтобы лишить преимущества Сару Меерхофф, располагавшую первоклассными «четвертными» ^[50] лошадьми. Они рассчитали, что в простой скачке легкая Сара, безусловно, обойдет более массивных и менее обеспеченных соперниц. Они правильно рассчитали. Сара со своей коротконосой кобылой вырвалась из группы так, словно ими выстрелили из стартового пистолета. Они стартовали по

внешней дорожке и к первому повороту уже лидировали. Промчавшись мимо, она послала мне беспечный поцелуй. На финишной прямой она была впереди на пять корпусов и отрывалась все дальше. Второй шла сестра О'Грейди на собственной четвертной лошади. И последней, далеко отстав, — Прерия Роз Хендерсон на лошади с пышным хвостом, такой же некрасивой, как она сама.

На втором круге, на другой лошади Сара была впереди только на два корпуса, а за ней, голова в голову, — сестра О'Грейди и Прерия Роз Хендерсон. Тот, кто придумал уловку с седлами, сообразил правильно. Сара, как я сказал, была наездница, а не конюх. Скорее всего, лошадь ей готовил папин работник. А эти другие женщины были сильнее. Когда она проходила поворот, губы у нее были сжаты и лицо угрюмо. И воздушных поцелуев она не посылала.

Должно быть, второй раз она седлала еще медленнее. Я не видел: это было далеко и в воздухе висела пыль. Из пыльного облака она выехала предпоследней. Но ее длинноногая аппалуса с каждым шагом прибавляла. Они промчались по первой прямой, обгоняя лошадь за лошадью. Все зрители вскочили и подбадривали ее; я — тоже, наплевав на приличия. На заднем повороте впереди нее остались только две всадницы. Первой была сестра О'Грейди на толстом ярмарочном коньке с четырехлистниками клевера, и по пятам за ней скакала Прерия Роз. Клеверный конек был не так уж резв, но опытен; вырвавшись вперед, он умел преградить дорогу догоняющему. Всякий раз, когда Прерия Роз предпринимала попытку обогнать, перед ней возникал клеверный круп. Отчаявшись, Прерия Роз на повороте круто взяла в сторону, надеясь обойти соперницу снаружи. Образовался просвет, и Сара его увидела. Она тронула свою аппалусу за плечо, и та устремилась вперед вдоль ограды, как раз на макушке поворота. Большая Прерия Роз смотрела ей вслед, открыв зубастый рот от удивления, а ковбои радостно кричали, я — громче всех. Пока не увидел лицо мчавшейся Сары.

Ни лихости, ни отчаянного азарта я не увидел. Глаза у нее были расширены, зубы оскалены, как и у ее лошади. Вид у них был такой, как будто они сорвались с привязи, вырвались на волю, освободились от пут времени и земного притяжения. Они будут ускоряться, свободные, ничем не скованные, — все легче и легче, быстрее, быстрее, быстрее, пока не достигнут скорости света, к чему всегда стремились. Или думали, что стремятся, пока не выяснили, что она не дается даром. Нет — баш на баш. Седлала она на скорую руку, чтобы выгадать несколько секунд. Плохой баш. Подпруга была плохо затянута, и на крутом повороте, когда Саре надо

было обойти клеверного конька, преграждавшего дорогу, седло стало съезжать. Сара обогнала и вышла вперед, но она соскальзывала. Она могла придержать кобылу, сбавить ход и все равно спокойно выиграть. Но она этого не сделала. Как будто держала пари, что достигнет финиша и скорости света одновременно. Безрассудное пари и плохой баш. Не дальше чем в пяти-шести корпусах от финиша седло поехало вниз. Сара наклонилась вбок прямо перед клеверным. О'Трейдди осадил коня перед падавшей Сарой, но конь ударил копытом ее аппалусу. Дальше был крутящийся клубок копыт, сапог, зеленого клевера, пятен аппалусы и золотистых волос.

Прерия Роз на спокойном галопе обогнула кучу и финишировала первой.

О'Трейдди, может быть, чуть-чуть поцарапалась, если не считать отколотого зуба и нового синяка под глазом. К тому времени, когда я, перескочив ограду, добежал до них, она уже распоряжалась на месте завала. Вокруг толпились ковбои, кто-то из начальства, зрители и даже пинкертоновцы суеились без толку и только мешали. Больше всех — Меерхофф. Он стоял на коленях возле Сары, стучал себя по жирной груди и лепетал, как младенец. Сестра О'Трейдди приказала двум зевакам оттащить его вместе с пузом, чтобы не действовал на нервы. Она тыкала пальцем и командовала, как сержант.

— Ты, ты и ты. Станьте на колени с этой стороны. Один — под колени, один под талию, один под мышки. Вы трое — то же самое с другой стороны. Так. Теперь кто-нибудь из сыщиков, возьми под голову и осторожно... Да убери ты пистолет ради всего святого! Если хочешь кого-то застрелить, пристрели мою несчастную лошадь.

Я оттолкнул охранника:

— Я возьму ее голову.

О'Трейдди поблагодарила меня выщербленной улыбкой:

— Спасибо, Джонни, родной. У тебя пальцы, конечно, нежнее. Пристройся.

Сара как упала, так и лежала навзничь. Глаза были закрыты, но зубы по-прежнему оскалены, как во время скачки. Она дышала сквозь зубы. Волосы рассыпались вокруг головы, как пролитый мед; мне пришлось собрать их к голове, чтобы освободить место для коленей. Я растопырил пальцы и подсунул под ее затылок. Почувствовав мою руку, она открыла глаза.

— Как она тебя назвала? «Родной»? — Лицо у нее было белое, как простыня, но в голубых глазах все равно светилась дерзость, — Кто бы

подумал, что вы такой донжуан, полковник?..

— Тихо там! — приказала сестра О'Грейди, — Всем приготовиться — на счет «три». Медленно и ровно, всего на несколько сантиметров. Раз... два...

Она была легкая, как перышко. Если бы не живые глаза, голову у меня в руках можно было бы принять за пустую маску. Когда Сару приподняли над утоптанной землей, О'Грейди раскинула под ней приготовленное одеяло так же легко и сноровисто, как она управлялась с арканом. Мы опустили Сару, О'Грейди выпрямилась и закричала судьям на помосте:

— Куда, к лешему, подевался ваш бездельник доктор? Где санитарная машина, где носилки? Разрази вас гром, бедная девочка лежит в коровьем дерьме, ее мухи зажрут, пока вы там прохлаждаетесь!

Сара засмеялась сквозь зубы над этой красочной речью, хотя видно было, что ей очень больно. Я спросил, где самое больное место.

— Гордость — а ты как думал? Прерия Роз доехала и все-таки выиграла, да?

— Боюсь, что да, — сказал я, отодвинув прядь с ее лица. Кожа была мокрая от пота и совсем холодная, — В следующий раз ты ее обгонишь. Успокойся и не разговаривай. Мы тебя живо довезем до больницы.

— Но я люблю поговорить — ты не заметил, Джонни-родной? И что там еще за «мы»? Или я без сознания лежала? По-моему, тебя ждет другая поездка. На лошади, мой долгоногий абсолютный чемпион.

— К черту лошадь, лежи спокойно. Если я на чем поеду, то на санитарной машине. Кто-то должен проследить, чтобы тебе волосы не лезли в глаза.

— К черту волосы. Твой скрипучий скелет так же нужен там, как папино пузо. Если кто-нибудь из вас попробует влезть в машину, я велю доктору захлопнуть дверь у вас перед носом. Правильно, мисс Подсолнух?

Сестра О'Грейди хмуро кивнула:

— Она права. Вы езжайте, а мы — своей дорогой. Ей сейчас не до любезностей.

Выяснилось, что ни доктора не будет, ни двери, чтобы захлопнуть у меня перед носом. Машина с бригадой уехала в шесть ровно. Оливер Нордструм отказался платить им сверхурочные. Даже носилок не было. Проклиная все, сестра О'Грейди побежала за транспортом.

Я ждал на коленях. Стадион молчал, как мертвый. Кто-то дал флягу и влил Саре сквозь зубы несколько капель. Рядом начались разговоры. Двое горожан сняли пиджаки и укрыли Сару. Она извинилась, что из-за нее задерживается соревнование.

— Вы бы сняли где-нибудь калитки, — предложила она. — Устройте маленький загончик вокруг меня и заканчивайте с вашим несчастным родео. Смер... смеркается, всем пора по сараям...

Глаза у нее помутнели.

— Тихо, — сказал я ей, — Полежи спокойно.

На этот раз она послушалась. И не разговаривала, пока не вернулась О'Грейди на «роллс-ройсе». С заднего сиденья высовывалась индейская повозка «травой» [\[51\]](#), с бусами и перьями, свисающими с ошкуренных сосновых жердей.

— А, индейские санки. Я же тебе говорила, во мне есть индейская кровь.

На одеяле мы перенесли ее на травой, уложили справа поверх сидений ногами вперед и примотали. О'Грейди села позади рядом с ней.

— Кто-нибудь, кто умеет водить и знает дорогу, садитесь и езжайте. Остальные убирайтесь с дороги.

За руль сел бармен, который не хотел подавать нам у Хукнера. Папа Меерхофф, жалко переваливаясь на бегу, попытался догнать машину, но О'Грейди велела водителю прибавить скорость, и они выехали за ворота. Я взял Меерхоффа за руку и повел к арендованным киоскам, где были остальные две дочери. Он, кажется, выплакал все слезы; рыдания звучали все суше и суше.

— Сара поправится, сэр, — твердил я ему снова и снова, — Не волнуйтесь. Сара поправится.

Он мне не верил. Он вынул из кармана пачку денег, махал ею и рыдающим голосом обещал заплатить вдвое больше тому, кто отвезет его в больницу. Один из пинкертоновцев поймал его на слове.

Глава девятнадцатая

Последний заезд

Джордж и Сандаун наблюдали с вышки стартера; там же стояли еще два десятка ковбоев, которым хватило здравого смысла и такта не путаться под ногами. Двое спустились и подошли ко мне.

— Как твоя девушка, Джонни? — спросил Джордж, — Может шевелить пальцами на ногах?

Я сказал, что может, и на ногах, и на руках.

— Но кому пришло в голову, что Сара Меерхофф моя девушка?

— Мне пришло — за обедом у Меерхоффов. Сразу, когда она на тебя посмотрела. До тебя просто медленней доходит. А как там мистер Меерхофф?

— Вне себя, как ты догадываешься. Считает, что он виноват в несчастье. Сначала я боялся, что он утонет в слезах; но родник, похоже, иссяк. Нанял пинкертоновца, чтобы довез его до больницы.

Оба молча кивнули. И из вежливости не задали следующий очевидный вопрос. Но я все равно ответил.

— Я не поехал с ней в больницу потому, что не было места.

Конечно, я мог как-нибудь втиснуться и чувствовал себя все паршивее оттого, что этого не сделал.

— Сара сама отсоветовала мне ехать. Заканчивай то, что начал, она сказала.

Джордж спросил, как случилось это несчастье. Они были в загонах, объясняли судьям, какие три лошади, по их мнению, самые строптивые. Когда услышали, как охнул стадион, выбежали. И поднялись на помост как раз в ту минуту, когда мы клали ее на одеяло. Я вкратце описал столкновение, стараясь удержаться от слез.

— Я понял, что это Сара, — сказал Джордж, — Как охнули на трибунах, я сразу понял. Сара Меерхофф уродовалась чуть не с самого рождения. Двух месяцев еще не было — скovyрнулась с детских весов и рассекла подбородок.

— Я спрашивал, откуда у нее ямка на подбородке, — вспомнил я, — Она сказала: на подбородке ямка — бесу приманка.

— А когда ей было пять лет, — продолжал Джордж, — после того, как их мама погибла... мистер Меерхофф стал брать ее в магазин вместе с

сестрами, чтобы не нанимать няньку. Старшие сестры уже помогали, обслуживали покупателей. Саре обслуживать не нравилось. Ей нравилось бродить, особенно там, где ей бродить не полагалось — вроде продовольственного и зернового склада, где мы с амбарными кошками мололи зерно и гоняли крыс. Была там пестрая мамаша с одним глазом. Она запрятала куда-то своих котят; мы их слышали, но найти не могли. Я в конце концов махнул рукой. Потом как-то днем я задремал, а Сара проследила за кошкой до их убежища — наверху, за мешками с семенной кукурузой. Она стала искать там котят и свалила весь штабель на себя — а мешки по тридцать пять килограммов! Сломала обе руки над запястьями. Мы повезли ее к врачу на их старой грузовой повозке. Мистер Меерхофф сидел сзади и умолял ее не плакать, хотя она за всю дорогу слезинки не уронила. Мистер Меерхофф сам был как сумасшедший. Говорил, что он и отец такой же негодный, как муж.

— Раньше он не был сумасшедшим, — сказал Сандаун. — Раньше он играл на кларнете.

— Да, — подтвердил Джордж, — А миссис Меерхофф играла на арфе. Они познакомились на концерте в День независимости. В сочельник ее двуколка съехала с дороги — она возвращалась после выступления в физкультурном зале старой школы. Мистер Меерхофф не поехал — он не знал рождественских песенок. И винил себя за то, что не поехал, и за то, что ее отпустил, — как будто мог ей запретить. Она была такая же своевольная, как Сара.

Это сравнение несколько меня не утешило. Я сказал, что, наверное, должен был поехать за ней. Оба навалились на меня с доводами, почему это было бы неправильно. Джордж сказал, что больница на другом краю города и ее трудно найти. Сандаун сказал, что если бы даже я нашел, меня не пустили бы, такого грязного.

— Меня не пустили, когда жена потеряла ребенка, — а я был в чистом костюме.

Они продолжали убеждать меня, пока мы шли к судейскому помосту. Наверху нас ждал мистер Келл.

— Поднимайтесь, ребята. Последний жребий будем тянуть на глазах у всех.

Помост был не так уж высок, но насколько же отличался вид отсюда. Скот в загонах позади казался мелким и смирным. Трибуны напротив были заполнены как будто куклами. Конная повозка, ползшая в нашу сторону по парку, выглядела игрушечной. Из задумчивости меня вывел голос Сирены Клэнси.

— Вот они перед вами, джентльмены и дамы... Три лучших в мире наездника... вытягивают имена трех самых диких лошадей! Начинайте, удалцы, — кто первый?

Сесил Келл снял шляпу и бросил в нее три сложенные бумажки. Джордж и Сандаун засунули руки одновременно. Я взял оставшуюся. Мы не спешили их развернуть. Сирене Клэнси стало невтерпеж.

— Не тяните из нас жилы! Вождь, брось свою в корзину. Я прочту ее людям.

— Я умею читать, — ответил индеец перед тем, как бросить свою бумажку в корзину.

Клэнси поднял ее и развернул. Потом, как петух, вытянул шею к большому рупору.

— *Первым!* На *Спирали*, мустанге из конюшен Маккормика: мистер Джексон Сандаун из Якимы, штат Вашингтон!

В стане индейцев раздались яростный барабанный бой, воинственные крики и вой, как будто волчий.

Джордж повернулся к своему каменноликому товарищу:

— А не правильнее ли: Сандаун Джексон? Из Кулдесака, Айдахо?

Он бросил свою бумажку в корзину. Клэнси выудил ее и прочел:

— Номер второй! На *Длинном Томе!* Шайеннском мустанге, который не позволял ни одному человеку усидеть на нем больше одиннадцати секунд!.. Мистер Джордж Флетчер из Пендлтона, Оу-ре-гонн!

Настала очередь трибун. Они издали такой рев, что лошадь, сонно тащившая игрушечную повозку, с испугу перешла на такой же замедленный галоп. Впереди на повозке сидели его преподобие Линкхорн и Луиза, сзади на скамьях — вся обслуга с поезда. Линкхорн осадил громоздкого першерона прямо перед крытыми трибунами.

— Келл, посмотрите туда! — Буффало Билл стоял в ложе для избранных и показывал на другой конец арены, — Я вам говорил? Впустите одну обезьяну и не успеете оглянуться, как вопрется целый воз, чтобы орать за него. И еще имеют наглость встать перед самыми дорогими местами. Ребята? — Он перегнулся через перила. Там оставался только один пинкертоновец, — Мистер Лавджой, пройдите туда и покажите этим наглым мартышкам, где выход.

Детектив встал и стряхнул сено с коленей. Он направился к другой стороне арены, но мистер Келл смотрел на это иначе.

— Оставьте, — приказал он, — Каждому нужна поддержка.

Детектив остановился, повернулся и стоял, глядя то на Сесила Келла, то на Буффало Билла.

— Говорю вам, оставьте их, — повторил Сесил Келл, — Ваше дежурство кончилось. Оно кончилось... — Келл вынул часы величиной с печенье, — полминуты назад. Закройте за собой калитку.

Детектив в нерешительности смотрел на босса. Старый борец с индейцами снял с себя шляпу Джорджа и обтер лоб кожаным рукавом. Он выглядел брошенным в своей ложе. Готч пропал. Зазывала искал Готча. Ирландская всадница Мэгги О'Трейдди стала сестрой О'Трейдди и, по-видимому, дезертировала. От армии его остались только хромой Нордструм да нерешительный наемник. Буффало Билл, должно быть, вспомнил, каково пришлось Джорджу Кастеру. Он махнул рукой, отпуская наемника, и сел на место. Сирена Клэнси вытащил мою бумажку и вытянул шею к рупору:

— Последним на *Месяце Бегущем Сильно*, предоставленным... здесь сказано: народностью калапуя... молодая звезда, тоже показавшая свою силу, — Джонатан Э. Ли Спейн из *Тенни-есси*! Леди и джентльмены, приветствуем южного гостя горячими аплодисментами!

— Ты заметил, Закатный, что теннессийского жеребца громче всех приветствовали дамы? — съехидничал Джордж, когда рукоплескания смолкли.

Мне было не до шуток.

— Этот Сильный Месяц, наверное, мешок с требухой, раз индейцы его сбагрили.

— Они не потому сбагрили, — сказал Сандаун, — Они подозревают, что он *воу-нузавей*, лошадь-дьявол.

— Почему у них такие подозрения? У него рога, раздвоенный хвост? А потом — разве вы не сами выбрали лошадей? Вы его хотели вытянуть, вот что я думаю.

Сандаун игнорировал мое обвинение.

— Месяц Бегущий Сильно убивал людей. На индейском слете в Уорм-Спрингсе весной я видел, как он порвал крепкую веревку и погнался за парнем, который ехал на нем год назад. Догнал его в полыни, сшиб и растоптал ему голень. Так сильно, что доктору в Бенде пришлось отрезать парню ногу до колена. Давай попросим тебе другую лошадь. Этот злой и подлый.

Я сказал им: нет, спасибо; я сам сейчас злой, как не знаю кто, и Месяц ваш — то, что надо. Но когда я увидел его во плоти, в загоне перед коридором, понурого и зловещего, среди длинных уже теней, вид его подействовал на меня, как крепкий щелок; всю мою злобу смыло, как налет с помойного ведра.

Он стоял отдельно от двух других мустангов, но, казалось, так

отличается от них, как будто принадлежит к другому виду. Он стоял с опущенной головой и, полуприкрыв розовые глаза, смотрел на взрытую копытами грязь, словно ждал, когда оттуда высунется что-то живое, чтобы мгновенно его растоптать. На левом боку его красовалось большое тавро, четырехконечная звезда, выжженная коряво, грубо, как нечто, нарисованное ребенком при помощи обугленной палки.

Джордж увидел, на что я смотрю.

— Это не тавро. Это родимое пятно. Четырехконечная звезда — знак опасности. Теперь понимаешь, почему нецивилизованная публика вроде родичей мистера Джексона полагает, что этот уродливый дьявол приносит несчастье.

— Хуже, чем несчастье, — сказал Сандаун.

Я молча кивнул. Цивилизованная публика предположила бы то же самое. Зловещие розовые глаза уже сами наводили на мысль, что в гнедой его шкуре поселился злой дух. Четырехконечная звезда подкрепляла это подозрение.

Другие две лошади нервно топтались у загородки; им не терпелось приступить к делу. Длинного Тома, который достался Джорджу, я знал: видел, как он накануне забросил утконосого — его фамилия была Кантрелл — чуть ли не в Айдахо. Длинный Том был костлявый ветеран, вытянутый и темный, как предвечерняя тень. На правой передней ноге у него был белый чулок; ходила легенда, что остальные три он сбрыкнул.

Лошадь Сандауна, мышастая кобыла, волчком ходила от угла к углу в тесном загоне. У нее были длинные ресницы, лоснистая грива и вид несколько дамский. Но когда она косила глазом, из-под ресниц проглядывала затаенная истерика. А когда разворачивалась в углу загона, длинная грива отлетала и закручивалась, словно вихрь, ставший видимым.

Месяц Бегущий Сильно, Длинный Том, Спираль. Легко было понять, за что эта троица неукротимых получила свои клички. Открылись сосновые ворота, и въехали помощники, раскручивая свои лассо.

— Хватайте седла и валите, джентльмены, — рекомендовал один из них. — Ваши персики созрели.

Его звали Джон Мьюр [\[52\]](#) — не слышали о таком? Любителе природы и дружке Тедди Рузвельта? Я запомнил его потому, что никогда в жизни не видел другого ковбоя, так мало похожего на ковбоя, — с широким лбом, окладистой бородой и в очках книгочех. Он приехал из столицы посмотреть, нет ли в Орегоне мест, стоящих того, чтобы превратить их в государственный заповедник. А на родео устроился забавы ради. Я видел, как он в первый день ехал на Свистунье Энни. Он схватился за седло при

первом же ее прыжочке и все равно сломал нос. После этого он забавлялся отловом лошадок. Это хорошо, что у него была про запас специальность натуралиста, — с арканом он управлялся не лучше, чем с мустангом. Сейчас они с лошадью только топтали грязь и всем мешали. В конце концов партнеры вытурили его из загона.

Сначала они заарканили лошадей Джорджа и Сандауна — эти вели себя буйно. Месяц Бегущий по-прежнему смотрел на грязь между своими копытами. Когда двух лошадей вывели, Мьюр вернулся в загон. Он медленно поехал к гнедому горбунку сзади, приложив палец к губам и объясняя всем, чтобы они стояли спокойно и молчали. Он задумал подкрасться к дремлющему и набросить ему на голову лассо сзади. Месяц, похоже, только и дожидался такого нападения с тыла. Он вывернулся из своей нирваны внезапно, как змея, и впился зубами в плечо лошади Мьюра. Когда Мьюр хлестнул его арканом, он отпустил лошадь и нацелился на человека. Испуганная лошадь бросилась наутек, и натуралист получил возможность познакомиться с почвой Орегона накоротке. Двое ковбоев поддержки въехали в загон, чтобы защитить сброшенного всадника, и бешеный горбунок накинута на них. В конце концов они накинули два лассо и немного его утихомирили. Мьюр поднялся из грязи; очки его составили компанию сломанному носу.

— Опыт — отец мудрости, — провозгласил он.

Месяцу Бегущему Сильно фраза показалась чересчур цветистой. Он снова рванулся к Мьюру, щелкая зубами и рассекая воздух передними копытами. Когда его утаскивали, он все еще рвался к натуралисту и щелкал зубами.

— Воу-нузавей, — хмуро повторил индеец.

Джордж положил мне руку на плечо:

— Ну что, Нашвилл? Этот для тебя достаточно бодрый?

Я сглотнул ком и сказал: время покажет. Мы вскинули на плечи седла и пошли к арене за нашими возбужденными лошадьми, которых вели шесть ковбоев. Меня остановил шепот в сумраке.

— Ссс-т, Джон-Э. Я вам их приготовила.

Из-за белого воротного столба выглядывала Сью Лин.

— Вот. Примите, пожалуйста. Я сделала их для вас очень хорошо.

Она сунула мне ком черного шелка. Я не понял, что это такое, и не был уверен, что хочу принять, пожалуйста. Она выглянула из-за столба с другой стороны.

— Мистер Флетчер? Мистер Джексон? Скажите ему принять, пожалуйста.

Джордж взял у нее материю и стал разворачивать. А я уже догадался, что это, посмотрев на Сью Лин. Она была худенькая, но местами все-таки шире столба. Ниже ягодиц она была голая. Джордж вывесил материю и засмеялся. Даже мистер Джексон не сдержал смеха.

— Бери их, Младший Брат.

— Возьми, — сказал Джордж, уже без смеха. — Все эти дни Сью Лин была твоим ангелом-хранителем. Не искушай судьбу, не отказывайся.

Я не мог сказать «нет». Штанины уже были распороты по швам. Она высунулась из-за столба, по-прежнему не поднимая глаз. И попросила, чтобы я вернул одежду, когда закончу, пожалуйста, очень хорошо. Я пообещал и дал честное индейское.

Прежний обычай седлать на арене сегодня не подошел бы. Нетерпеливым телезрителям с их дистанционными щелчками это показалось бы ненужной затяжкой. А тогдашним зрителям щелкать было нечем, и поэтому у них было гораздо больше терпения. Эта канитель им нравилась. Они могли присмотреться к лошадям и всадникам еще до езды. Лошадь выводят на обозрение голенькую и буйную. Наездник идет следом, несет седло и сбрую, помогает седлать и завязать ей глаза.

Первой выводят серую кобылу Сандауна. Она идет между лошадьми помощников, послушно, но нервничает. Останавливаются в центре арены, и она стоит между двумя лошадьми, переживает, как невеста. Веревку от ее недоуздка пропускают через седельную вилку правого всадника, потом обратно через недоуздок под челюстью, оттуда поверх шеи и закрепляют на рожке седла того же помощника. Потом с обеих сторон недоуздка подсовывают двойную полосу красного муслина. Она покорно принимает повязку на глаза, словно эта грязная тряпица — кружевная вуаль. Затем она ждет, наострив уши, — ждет, когда приблизятся шаги. Сандаун несет свое седло с бисером и подает наезднику слева от нее. Тот тихо кладет седло ей на спину. Опустившись на колено, почтительно, как жених, Сандаун затягивает подпругу у нее под ребрами. Ждет, когда она выдохнет, затягивает туже и завязывает пристяжной ремень. После этого он заходит за лошадь помощника и вскакивает на нее. Теперь, сидя сзади наездника, он может пересесть на свою кобылу, осторожно, чтобы не растревожить ее раньше времени. Зрители, затаив дыхание, наблюдают за тем, как он вставляет ноги в стремяна. Это классика, говорит их молчание. Исторический союз царственных особ. Брачный танец двух стихий, человеческой и животной. И словно чтобы подчеркнуть стильность события, происходит восхитительное явление. За северным краем

стадиона, там, где стоят арендованные киоски, возникает пыльный вихрь и, перемахнув через ограду, вторгается на арену. Этот дервиш приближается к церемонии, вздымая к небу порванные билеты и арахисовую шелуху, как девочки, бросающие розовые лепестки при венчании. Происходило это так естественно, что никого даже не заинтересовало, пока об этом не упомянул на другой день «Орегониан».

Зрители теперь так же возбуждены, как кобыла, силятся вообразить брачные клятвы, которыми обмениваются там, у освященного кровью алтаря. «Ты, Сандаун, берешь эту кобылу?» «Ты, Спираль, берешь этого всадника?» Человек и лошадь одновременно кивают. Сдерживающую веревку выдергивают с одной стороны, повязку на глазах сдергивают с другой. «Объявляем вас ковбоем и мустангом. Пусть брыкается!»

Сандаун откидывается назад и шпорит шею и плечи кобылы. Кобыла мощно лягает небо. Публика с грохотом вскакивает на ноги — и завертелось. Сандаун отклонился так далеко назад, что вскинувшийся круп сшибает с него шляпу. Какое-то мгновение животное и всадник ошеломляюще вертикальны: лошадь идет практически на передних ногах, как цирковой акробат на руках; всадник стоит в стремях, без шляпы, волосы его взлетели гребнем. Потом задние копыта опускаются на землю — точнехонько рядом с отпечатками передних копыт. Передними она ловит облака, потом складывается вдвое и, взмахнув головой, заворачивает переднюю часть влево. И снова влево. И снова. И снова! Качелями — вверх и вниз, и кругом, кругом, против часовой стрелки, все быстрее и быстрее. Пыльный вихрь не может устоять перед искушением. Он подкатывается к ним, разбрасывая мусор, как конфетти. И сливаются в одно пыльное облако — человек и животное, земля и воздух, мусор и конфетти... вертятся вместе, так что не понять уже, где перед, где зад. Потом лошадь вылетает из облака и из последних сил бросается бежать поперек арены, взбрыкивая вдвое сильнее, прыгая и опускаясь на прямые ноги, так что спина болит только оттого, что это видишь. Раз за разом, шпоры и взбрык, шпоры и смерч. Свадьба явно закончилась, медовый месяц — тоже. И все-таки Сандаун не позволяет борьбе выродиться в обычную домашнюю склоку. Он продолжает ехать — прямой, каменноликий и, как ни странно, даже рассудительный. Каждой жене на трибунах это — бальзам на душу; каждый муж испытывает гордость.

В то время не было пятнадцатисекундного регламента. Судьи оценивали тебя, пока считали, что твоя езда заслуживает оценки. Вот почему натыкаешься на старые рекорды — шестнадцать секунд, двадцать секунд, тридцать семь секунд! ^[53] Вот сколько они позволили ехать Питу

Уилсону на маленьком самолете-снаряде по кличке Шрапнель в 1917 году. Если не верите мне, посмотрите в библиотеке. При этом Питу срезали сколько-то очков! Какому-то судье что-то не понравилось в езде Пита, и, чтобы убедиться, он позволил Питу поездить еще.

Но долгий заезд Сандауна на Спирали был совсем не таким. Судьи не искали оплошностей. Они наслаждались зрелищем, как все прочие. Честно говоря, не помню, дал ли колокол сигнал к окончанию. Конец и так был очевиден. Просто-напросто кобыла перестала брыкаться. Склонилась перед превосходящей силой. Помните детскую сказку, как Ветер заспорил с Солнцем, что он сильнее. В доказательство он пытается сорвать плащ с пилигрима. Пилигрим только плотнее закутывается в плащ. Тогда выходит Солнце и греет, так что человек сам снимает плащ.

Трибуны радостно взревели, когда индеец уезжал с арены верхом на Спирали, послушной, но не покоренной. Сохранившей достоинство. Сандаун ее не победил, так нельзя сказать, — он ее *наставил*. Когда они проезжали, я успел еще раз заглянуть в глаза лошади. Гроза прошла, безумие излечилось. И кончились годы дикости. Когда я ее видел последний раз, она везла повозку с молоком компании «Даллес кримери» и позволяла школьникам сидеть у себя на спине... сохраняя достоинство.

Заезд Джорджа был похож на предыдущий, как вилка на бутылку. Джордж понимал, что должен в чем-то превзойти приятеля, а достоинство не было его козырем. Он знал, что выглядит смешно в своей вялой рабочей шляпе, сношенных сапогах, с бесформенным седлом на плече, похожим на разложившуюся до неузнаваемости тушу, — и на этом решил сыграть. Прежде чем отдать седло помощнику, он изящно обмахнул его рукавом. Зрители засмеялись. Потом он загнул поля шляпы кверху, как погонщик мулов, и устроил дурацкую возню с подпругой и наглазной повязкой. Закрепив седло, он велел обоим помощникам отпустить Длинного Тома и отъехать. Приложив палец к губам, Джордж на цыпочках попятился от коня. Назад, назад, на цыпочках...

— Что это он выдумал? — поинтересовался Нордструм на помосте.

Пьяным голосом ему объяснил Билл Коди:

— Черномазое клоунство — хочет вскочить на него сзади вразножку.

После чего, к общему смущению, старик блеющим голосом затянул похабную школьную песенку:

Прыгнул я в седло,
А она седло забыла.
И загнал под корень

В старую кобылу!
Привяжи за хвост
К дереву, к дереву...

Никто не засмеялся, даже Нордструм. Песенка постепенно затихала. Знаменитый шоумен быстро терял аудиторию. Но насчет намерений Джорджа он был прав. Конь с завязанными глазами принохивался к воздуху, озадаченный отсрочкой. Джордж разбежался, шлепнул ладони на высокий круп и прыгнул. Раньше, чем он опустил в седло, конь уже взбрыкнул — черт с ней, с повязкой. Джордж схватил одной рукой плетеную веревку, другой — повязку. Долгокостый конь сделал для начала пару умеренных прыжков, чтобы Джордж смог найти стремяна, а потом решил взяться за дело серьезно. Только вот Джордж решил иначе. Он знал, что, если есть у него шансы затмить величавого индейца, искать их надо в другой стороне — в клоунаде, в буффонаде, в паясничанье, — и в эту сторону устремился со всей решительностью. Как советовал его почтенный папа: «Если надумал съесть арбуз, съешь арбуз».

Это не значит, что клоунада была натужной, нет, он шел по этому пути естественно, шаг за шагом, решая задачи по мере их возникновения. В-первых, надо было что-то сделать с повязкой. Он попробовал использовать ее как хлыст. Слишком мягкая. Сделал вид, что раскручивает ее над головой как лассо, словно дикарь под ним был обученной ковбойской лошадью. Слишком короткая. В конце концов он взял плетеную веревку в зубы и муслиновой тряпкой завязал глаза себе. И ехал, шаря руками перед собой, как пьяный. Зрители покатались со смеху.

Длинный Том не привык быть посмешищем. Он галопом помчался к твердому предмету, чтобы соскрести со спины своего мучителя. Повязка от толчков свалилась с глаз, так что Джордж вовремя успел увидеть приближающуюся ограду. Он перекидывает ногу с этой стороны через шею коня, и Длинный Том обдирает правый бок о доску, собирая занозы. Джордж, по-дамски сидя в седле, накидывает повязку на свою мятую шляпу и собирает концы под подбородком, как плантаторша в капоре, объезжающая свои владения. Это еще больше оскорбляет гордого старого мустанга. Он скачет к нам, к другому забору. Джордж ищет ногой правое стремя, но его нет.

Джордж пытается повернуть, но Длинный Том не поддается. Он прошибает пятисантиметровые доски, задрапированные флагами, и ломит наверх по скамьям важных персон. Важные персоны, их жены и дети с

криками бросаются врассыпную. Жуткое зрелище: черный конь и черный всадник врываются в их привилегированный мир, как посланцы из преисподней. Клэнси бьет в гонг — заезд окончен. Но Джордж и конь с ним не согласны. Они продолжают восхождение уже по верхним скамьям — дальше через них, к Вечной Славе, если бы Длинный Том настоял на своем. Но Джордж убеждает коня, что они еще не всю земную славу стяжали, и разворачивает его. И они спускаются обратно, через другую секцию, распугивая других важных персон. Длинный Том не попадает в проделанную брешь, проламывает новую и галопом мчится по арене. Джордж соскакивает на бегу с одной стороны, а с другой падает его старое армейское седло. Оно ударяется о землю и разваливается на части: ленчик, рожок, вилка, крылья, путилица... как «дьякона чудесный одноконный фаэтон», сделанный так прочно, что ездил сто лет, а потом рассыпался в одно мгновение ^[54]. Но еще не время было грустить о погибшей сбруе.

Публика вскочила и орет от восторга. Джордж срывает с себя ветхую шляпу и, взмахивая ею, отвешивает один за другим комические поклоны. Выпрямившись наконец, он не надевает шляпу. Он поворачивается к важным зрителям и запускает ее туда за проломанный забор, к важным персонам, как матадор, бросающий сеньорите бычий хвост.

Шляпу подхватывает ветер, и — невероятно — она взлетает все выше и выше, потом зависает, потом поворачивает, словно завидев старого знакомого, и планирует в сторону судейской платформы. Она приземляется на свободное место в ложе рядом с почтенным Уильямом Коди. Все в веселом изумлении. Буффало Билл делает вид, что не заметил обшарпанную гостью. И это еще больше забавляет зрителей. Когда Джордж на кривых ногах уходит за ворота, они еще продолжают хохотать. Он уносит части седла в потнике. Я спрашиваю его, нарочно он зашвырнул шляпу к Буффало Биллу или ему случайно повезло.

— Мой папа говорил: «Сынок, все на свете случайно...» — Он вытаскивает повязку из кармана штанов и вручает мне, — Фокус в том, чтобы поверили, что это нарочно.

Глава двадцатая

Моя очередь

Мой заезд остался в памяти неясным пятном. Самый главный заезд в семнадцатилетней золушкиной жизни—и ничего не разобрать, кроме окружения. Как на старых фотографиях, когда пластинки требовали долгой выдержки и все неподвижное — резко, в фокусе: овальная дорожка, трибуны, красно-бело-синие флаги на фоне золотых полей пшеницы и плотно севшее на все это, как крышка на скороварку, чугунное небо... Вот что я вижу ясно. А сам я и Месяц Бегущий Сильно — расплывчатым пятном посередине картины. Помню, однако, о чем я думал перед стартом. Я думал о потрясающих заездах Сандауна и Джорджа. Один — классический, другой — комический, и оба незабываемые. Эти двое основательно нагроулили свои чаши весов — так я думал. Мне оставалось место только посередине. Лучше всего я могу объяснить мою стратегию рассказом, который услышал через несколько лет от Сандауна (точнее, через три года, когда я промачивал бинты на свежей культе в этой же самой больнице, а Сандаун развлекал меня рассказом)... о двух легендарных ножовщиках из нез-персэ. Они вечно спорили, кто может выколоть лезвие острее. Самый лучший в мире обсидиан берут из горы Гласс-Бьют, к востоку от Бенда. Это желтый обсидиан, с желтой, янтарной и коричневой свилью.

Тот камень Ко-Шар, которого больше нет, был обсидиановой глыбой, либо привезенной сюда, за тысячу с лишним километров, либо заброшенной вулканом. Я лично думаю, что его приволокли из-за его красоты и силы. Желтый обсидиан так ценился, что лезвия и наконечники стрел из него находили первые белые поселенцы на атлантическом побережье. Индейцы приезжали за ним на Гласс-Бьют со всей Америки. Можно вообразить какую-нибудь скво: «Поезжай в Орегон и привези мне красивого обсидиана, как у Соседки Оленихи... и без него не возвращайся».

Короче говоря, эти ножевых дел мастера решили проверить, чей нож будет острее. А судить позвали своего старого учителя. Устроили соревнование; племя собралось возле ручья на лугу. Выходит первый индеец и втыкает ручку ножа в песчаное дно ручья. Лезвие торчит из воды, острием против течения. Сверху пускает по течению большой кленовый

лист. Лист медленно подплывает к лезвию и разрезается надвое. Племя кричит «ура».

Потом второй втыкает нож и пускает лист. Лист точно так же разрезается надвое — только после ножа половины соединяются вновь! Племя танцует и бьет в барабаны. Ножовщики опять начинают спорить: чей острее? Который разрезал или после которого слиплось?

Спрашивают старого учителя. Он ничего не говорит. Он вынимает свой нож из ножен, втыкает ручкой в дно и идет наверх. Пускает свой лист по течению. Лист плывет, медленно, медленно, а перед самым острием умно сворачивает в сторону и *огibaет нож*.

Вот как я спланировал свой заезд. Смертоносный заряд в мустанге я почувствовал еще до того, как прикоснулся к нему. Сандаун был прав: Месяц Бегущий Сильно был человеконенавистником. Его ненависть я чуял носом; он выпускал ее, как гризли выпускает мускусный запах, — нарочно. Он *хотел*, чтобы я ее почуял. Хотел, чтобы я сразу понял: он намерен не просто сбросить меня — он намерен затоптать меня насмерть. Сбросить — это всего лишь способ добраться копытами до моих мозгов и ребер. Заставь наездника думать об этом еще до начала, и ты уже навел на него порчу — таков был умысел Бегущего Сильно. И я постарался об этом не думать. Наука из воскресной школы. Как не думать о правом глазе дьявола? Думай о другом его глазе — вот как. Поэтому, когда мстительный дьявол выгибал шею и косил розовым глазом, чтобы сглазить меня, я думал о чем-нибудь другом — о яблоках и туннелях, о солонине и квашеной капусте, — о чем угодно, только бы не наткнуться на лезвие, которое выставил для меня Месяц Бегущий Сильно. Как кленовый лист, я умно свернул в сторону.

Вот почему я не нахожу себя на сохранившихся в памяти картинках моего заезда: я был не совсем там. Мое сознание было не там. Мое время? Не помню. Очки? Не имею понятия. Все, что у меня осталось, — смазанное пятно на черно-белом фоне, движущемся взад и вперед, вверх и вниз.

Потом задергало палец на ноге, и я понял, что спешил. Ковбои уводили звездоносного жеребца, а он по-прежнему Бежал Сильно — рвался и щелкал зубами в бессильной злобе. Пока я ковылял к калитке, люди аплодировали стоя. Не было всеобщего ора, каким приветствовали двух других финалистов. Я и не ожидал его. Толпе не почувствовать смертоносную грацию Бегущего Сильно. Я был доволен своей ездой, но знал, что мне далеко до броского, красочного выступления Джорджа и до величавой классики индейца. Но знал, что держался правильно — даже грациозно, — хотя не помнил ни единого момента самой езды. Было только

общее ощущение. Грация не может быть собственной наблюдательницей, она лишь оставляет после себя светлый осадок.

Из-под помоста вышли близнецы Бисон и пожали мне руку; их рукопожатие говорило о том, что они тоже все поняли. Потом Прерия Роз улыбнулась мне своей многозубой улыбкой и сложила большой и указательный пальцы колечком — «в порядке». Две ее подруги-наездницы согласно закивали. Джорджа я нашел сидящим под тополями; он печально разглядывал разложенные на земле части седла. Увидев меня, он оживился.

— Отлично проехал, ковбой.

Из мирной тени, где отдыхали их лошади, донесся индифферентный голос Сандауна:

— Отличная езда.

Кому нужны крики толпы, если ему отдали должное такие специалисты? Я был более чем удовлетворен — я был пресыщен. Хотелось только одного: несколько минут побыть спокойно и отдельно в тени и глотнуть воды, чтобы промыть забитую пылью глотку. И закончить и убраться, отыскать проклятую больницу.

И уже всем хотелось сматывать удочки — и городским, и туристам. Наездникам и роуперам, важным лицам и говночистам, продавцам попкорна и билетным кассирам, и даже ворчливой туче над горами — всем не терпелось покинуть эту гулянку.

И вот мы подходим к знаменитой финальной сцене — неожиданному завершению, о котором знает каждый любитель пендлтонских родео, а на самом деле не знает. Я прочел несколько отчетов так называемых очевидцев, а выслушал еще несколько десятков. Большинство из них было типа «я сам слышал от очевидца». Полистайте книги по истории родео, которые выходят каждые несколько лет. Все факты в них проверены и задокументированы — и если найдете две одинаковые, я съем вашу шляпу. До какого-то момента все совпадает — что после трех дней у нас троих была ничья; что выявить победителя должен был дополнительный заезд. Но что было дальше — тут историки, исследователи и даже очевидцы разбредаются кто куда. Удивляться нечему. Даже у тех, кто был тогда на стадионе, в голове слегка помутилось от круговерти событий.

Теперь вы предупреждены, и я не настаиваю, что дальнейшее — правда, вся правда и ничего, кроме правды; это всего лишь моя версия. Хотите — верьте, хотите — нет.

Погода менялась. Это слышно в гудении ветра. «Сентябрь на исходе, — гудит он, — убирайте орудия и игрушки лета». Я успел только выпить ковш воды из бочки, и тут же Клэнси зазвонил в колокол. Я

выхаркнул комок грязи и устало захромал к полю битвы.

Ковбои, индейцы, работяги поплелись туда же. Женщины улыбались мне, мужчины кивали; дети показывали пальцем и шептались: «Это один из троих». Я был звездой.

На середину арены ковбои-помощники вывезли какую-то задрапированную вещь на колесах. Для коляски слишком маленькая, для повозки торговца — велика. Джордж и Сандаун стоят перед загадочным предметом, ждут.

— Шагай веселей, Нашвилл, — кричит Джордж. — Пока Сирена колокол не разбил.

Клэнси увидел меня и перестал звонить. Когда я подхожу к приятелям, он поднимает над головой большой коричневый конверт.

— В этом конверте, леди и джентльмены... у меня имя первого чемпиона мира по родео, переданное мне нашими внимательными судьями. Прежде чем открыть его, настоятельно прошу выразить этим официальным лицам нашу благодарность.

Кроме того, он настоял, чтобы мы похвалили каждого из них отдельно и подробно. Голос у него быстро слабел, но славословия продолжались и продолжались. Я все время вертел головой в ту сторону, куда уехал «роллс-ройс», и удивлялся, почему он не возвращается. Не такой уж большой город — Пендлтон. Мое раздражение не укрылось от Джорджа. Он придвинулся:

— Не надо волноваться, Джонни. Луиза сказала, что Сару Меерхофф повезли в портлендскую больницу.

— В Портленд? Как же ее...

— На поезде. Он и так застрял тут против расписания — ждал пассажиров с родео. Мистер Меерхофф предложил машинисту и кондуктору по сотне долларов, и они решили, что пора отправляться. О'Грейди поехала с ними, Луиза говорит — ухаживать и за Сарой, и за папой. Чтобы она не заснула, а он — наоборот.

— Как это?

— Чтобы мистер Меерхофф поспал. Луиза говорит, он места себе не находил. А Сара как будто немного одурманенная. Но Луиза сказала, чтобы ты не волновался, — твоя девушка может шевелить пальцами на ногах.

— Портленд далеко?

— Да, на усталой лошади не доехать, — сказал Сандаун.

— Да уж, далековато, — подтвердил Джордж. — Луиза сказала, машинист отцепил все вагоны, кроме вагона Нордструма и почтового. А завтра за остальными вагонами из Бойсе приедет другой паровоз. И ты

опять сможешь прокатиться на свежем воздухе, если захочешь.

Я хотел узнать о Саре побольше, но предисловие к награждению заканчивалось. Сирена Клэнси терял голос. Мы с Джорджем отодвинулись друг от друга и слушали заключительные хрипы:

— ...этим и многим другим волонтерам, перечислить которых нет возможности, я хочу сказать: «Славно потрудились и гип-гип ура!» А теперь без долгих разговоров... — Он вынул из конверта сложенный листок. — ... Первый чемпион! Мира! Абсолютный победитель!.. — Он развернул листок и прочел его несколько раз про себя, моргая, словно не верил своим глазам. Потом сглотнул и прохрипел в рупор: — Джонатан Э. Ли Спейн!

Тридцать тысяч ртов одновременно втянули воздух. Все до единого на стадионе, и знатоки и несведущие, ничего подобного не ожидали. Удивлены были важные персоны; удивлены ковбои и наездницы; удивлены продавцы и волонтеры. (Игроки — ошарашены!) Кажется, даже некоторых судей привел в замешательство результат подсчетов — а подсчитывали они сами. Не удивились только трое: мистер Келл, подытоживший очки и написавший имя победителя на листке, и двое, стоявшие слева и справа от меня.

— Ты хорошо выступал, Джонатан Э. Ли, — сказал Джордж.

Индеец по обыкновению буркнул одобрительно:

— Очень хорошо.

Публика отнеслась к объявлению не так одобрительно. Настроение портилось на глазах. Удивленный вздох сменился подозрительным ворчанием. После я сообразил, как это, скорее всего, получилось...

Судей было пять: Сесил Келл, Джейкоб Меерхофф, Оливер Нордструм, Абнер Хендерсон и парикмахер по фамилии то ли Ароманти, то ли Амбрезанти, словом, что-то такое душевное. Меерхофф уехал с дочерью на укороченном поезде, так что осталось четверо. Келл был за Джорджа — осталось трое. Младший компаньон «Феерии "Дикий Запад"» должен был бы голосовать за колоритного индейца; но гоп-компания сократилась до одной потускневшей западной звезды с помощницей — серебряной фляжкой, и Оливер быстренько произвел переоценку. Краснокожий на афише «Дикого Запада», может, и был бы большой приманкой на востоке страны и в Европе, но здесь, на настоящем Западе, их дюжина за пятак. А поскольку о черном на афише не могло быть и речи ни на Востоке, ни на Западе, Оливер Нордструм рискнул поставить на меня.

Абнер Хендерсон рискнул еще сильнее: он проголосовал за Прерию

Роз. Это был не просто досадливый жест разочарованного отца. Абнер рассудил, что, если Джордж, Сандаун и я делим первое место, следующий по очкам наездник фактически находится на втором и вправе претендовать на звание чемпиона, даже если этот наездник — по случайности его дочь.

Оставался ароматный парикмахер. Он подал решающий голос за меня. Почему — я услышал только в следующую осень, из его собственных уст. Я сидел у него в кресле, подстриженный, ожидая остального, положенного за четверть доллара. И спросил его прямо: почему за меня? Он был слегка разочарован тем, что я не понял очевидного.

— Почему за вас? Да как же, мистер Спейн, — вы представляете, чтобы в это кресло за тысячу семьсот долларов сел со своей овчиной на голове Джордж Флетчер или Джек Сандаун со своими косами. Вы были перспективным клиентом.

Итак, меня наградили колченогий биржевой маклер и ароматный анемон, оба знавшие лошадей только с той стороны, которая обращена к сиденью коляски. Народ ворчал все громче и сердитее. Трибуны гудели, как осиное гнездо в сухую грозу. Мы обрадовались, когда выехала Прерия Роз Хендерсон, по-прежнему сияя незакрывающейся улыбкой. Ворчание слегка стихло.

Впервые после парада на открытии Королева родео появилась во всем блеске своих королевских регалий. На плечах у нее пурпурная мантия, свисающая до середины задних ног лошади. К сильно поношенной шляпе привязана корона с искусственными бриллиантами. Елочная мишура преобразила плетъ в скипетр. Она едет, высоко держа его. Это последний день ее царствования. Она должна проехать вокруг нас со скипетром, потом спешиться и снять покрывало с приза. Из-за длинной мантии слезть с лошади затруднительно. Лошадь нервничает. Прерия Роз решает сделать еще один широкий круг и на скаку сорвать покрывало с тележки. Ухватила она крепко, но покрывало зацепилось и вздувается, как призрачно-белый жеребец. Лошадь бросается в сторону. Тележка опрокидывается и вываливает роскошное седло в самое грязное место арены.

Казалось бы, смешно, но никто не смеется. Для всех это — очередная нескладница. Прерия Роз спешила и побежала к седлу, пурпурная мантия волочилась за ней по грязи, растянувшись на километр. Мы хотели помочь, но она отмахнулась:

— Отойдите, ребята. Это мои дела.

Весь стадион наблюдал с нетерпением, как она поднимает плечом коляску. Потом она бросила седло на место и принялась оттирать своей мантией испачканную кожу и серебро.

Смотреть на это было грустно и неловко. И лучше бы уж слушать громогласную болтовню Клэнси, как ни раздражала она порой, чем это напряженное молчание. Прерия Роз терла и полировала. Толпа наблюдала и ждала. Это было так тоскливо, что Джордж не мог удержаться от шуточки. Загородив глаза от света, он ринулся к судейскому помосту.

— Масса Буффало? Масса Буффало? — крикнул он звонким, высоким девичьим голосом, — Извините, сэр, можно вернуть мне шляпу? Я не выиграл, как вы и приказывали, так можно мне назад мою желтую шляпу?

Старый охотник задумчиво глотнул из фляжки и вернул ее в чехол, сделав вид, будто не слышит.

Джордж вежливо повторил вопрос, еще звонче:

— Извините, масса Буффало! Можно мне назад мою желтую?..

— Да! — Рассерженный Коди встал, кренясь, и сорвал с себя шляпу. Хотя все его союзники исчезли или дезертировали, он был достаточно пьян, чтобы вести себя агрессивно. — Забирай свою вшивую шляпу, чтоб тебе провалиться, потрох. Но сперва... — Он вынул нож из расшитых бисером ножен. — Что скажешь, масса Флетчер, если я возьму себе маленький сувенир?

Джордж не знал, что сказать. Кажется, он жалел, что раздражил немощного старикана.

— Подарочек на память? — продолжал Коди, — Чтобы напоминать мне: если еще раз доведется ехать через Пендлтон — езжай мимо, не задерживайся.

Он воткнул нож в тулью. Пока старик кромсал желтый фетр, зрители не проронили ни звука. Ему удалось выпилить кусок размером с глазунью из одного яйца и примерно такой же формы. Он торжествующе поднял трофей.

— Не пожалеешь старику сувенирчик, а, Флетчер? — Он засунул кусок фетра за пояс, словно скальп, добытый в бою. — У тебя осталось много шляпы, а эта дырка будет *твой* сувенир. На...

Он завел руку влево, чтобы запустить трепанированный стетсон, но могучий голос откуда-то с крыши обрушился на него, как пушечное ядро:

— МИСТЕР КОДИ! СЭР!

Все головы повернулись в ту сторону: какого калибра орудие могло выпустить такой снаряд? В ложе прессы открылась дверь, оттуда выкатилась Надин Роуз; на вздымающейся груди ее боролся за место громадный бинокль, и ее кулаки были гневно сжаты. Спускаясь, она продолжала адресоваться к старому разведчику — слова звенели, как меч валькирии.

— Мистер Коди, если вы будете так любезны, я тоже не прочь получить на память часть этой шляпы. Больше того, мистер Коди, я готова заплатить за этот сувенир... — она сунула руку в карман своего платья цвета хаки и вынула банкноту, — *пять долларов наличными!* Что вы скажете, мистер Коди? Пять долларов — достаточная сумма?

Теперь уже мистер Коди не знал, что сказать. Сесил Келл приставил ладони рупором ко рту и ответил за него:

— На мой взгляд, достаточная, мисс Роуз. И я, пожалуй, куплю два — один себе и один для миссис Келл.

Мы с Сандауном переглянулись и пожали плечами, в таком же недоумении, как остальная публика. Мистер Келл шагнул через патриотическую драпировку в ложу. Он отобрал нож и вскрытый стетсон у растерявшегося Коди и быстро пошел к трибунам. Он вырезал из полей шляпы полумесяц, разрезал пополам и с двумя кусками фетра в одной руке и пачечкой зеленых бумажек в другой подошел к брешу в заборе, проделанной Длинным Томом.

— Еще десять долларов, мисс Роуз! — крикнул он. — Хороший почин.

— Очень хорошо, мистер Келл. Великолепно! Ну, кто еще?

Надин Роуз вышла на поле и повернулась к трибунам. Она запыхалась, но голос ее сохранил прежнюю мощь. Сирена Клэнси и грозовая туча должны были позеленеть от зависти.

— Кто еще желает приобрести бесценный сувенир? Вам выпала двойная удача. Вы не только внесете свой вклад в благородное дело, вы поддержите *самого достойного гладиатора!*

— Какое еще благородное дело? — поинтересовался циник с северной трибуны, — Какой еще гладиатор?

Надин Роуз обвела трибуны гневным взглядом:

— Вы разочаровали меня, орегонцы! Подумать только — какое дело! Подумать только — какой гладиатор! Неужели ни у одного из вас не родилось хотя бы случайной догадки?

Догадка родилась не в ложах и не на трибунах. Она родилась на «галерке» участников.

— Это — седло, да, мэм? Для Джорджа? — Я узнал голос. Это был утконосый Кантрелл, недотепа из Канады. Он разгадал загадку раньше нас, американцев, — Я правильно сказал?

— Абсолютно правильно, молодой человек. Седло! Джорджу Флетчеру нужно седло, мои дорогие, и — это мое искреннее убеждение как приезжего журналиста — вы, пендлтонцы, *обязаны* ему подарить!

Единственный отклик пришел из той же «галерки»:

— Тогда я пас, мэм. Я торонтец!

Зрители рады были бы посмеяться и разойтись по домам. Но у журналистки на этот счет были другие планы. Осуждающим взглядом она пригвоздила их к местам. Сесил Келл подыграл ей со своей стороны поля:

— Тут не только Пендлтон. Тут Арлингтон и Уолла-Уолла, тут Льюистон и Уиннемакка и даже далекий Чико. Тут все, кого смешил, изумлял или, черт возьми, повергал в трепет Джордж Флетчер!

Настойчивость Келла оказала не больше действия, чем призывы журналистки. Нет, люди сочувственно отнеслись к предложению — видно было по их кивкам, — но на большее их, кажется, не хватило. Они отупели от усталости и были раздосадованы неожиданным осложнением. Кроме того, им надоело находиться в толпе; хотелось только убраться восвояси и мирно поужинать без чужих.

Журналистка с отвращением отвернулась от них и целеустремленно затопала к нам. Публика снова загудела и заерзала. Еще минута, и она рассыпется не хуже старого седла Джорджа. Я решил, пока не поздно, вставить и от себя слово.

— Мистер Келл! — крикнул я, — Разрешите отдать седло Джорджу. Для роупера оно слишком тяжелое, а для южного джентльмена слишком вычурное. Да если бы не советы Джорджа, я ни за что бы...

— Нет, сынок, ни в коем случае! — Мистер Келл вышел через пролом в ограде и зашагал по грязи, со шляпой и ножом в одной руке и деньгами в другой, — Это не благотворительность. Это — справедливое дело, как сказала мисс Роуз. Ты получишь то, что тебе причитается — четыреста долларов, насколько помню, — даже если мне самому придется целиком купить эту историческую шляпу, — Он подвигал ею перед собой, как тамбурмажор, — Кто еще претендует?.. Продано... продано...

Выручил его Сандаун.

— Подождите, — раздался монотонный голос индейца. — Может быть, я хочу три куска. Один для меня, один для жены и один — на дерево за нашей избушкой в Айдахо.

В ответ ему презрительно заблеял Буффало Билл:

— Какое еще дерево, индеец Джек? Стоеросовое?

Прежде чем ответить, Сандаун, прищурясь, смотрит на старого охотника. Он не кричит. Даже не повышает голоса. Но голос его прорезает расстояние, как обсидиановые ножи в той байке.

— Это погребальная сосна, мистер Коди. Желтая сосна, с дуплом от молнии. В дупле лежат кости нашего маленького сына. Она очень старая и вся в шрамах, но стоит живая и еще постоит. Я говорю этому дереву

молитвы. И в церкви за него благодарю. Когда уезжаю, всегда стараюсь привезти ему хороший подарок. Что скажете, мистер Коди? Я слышал, старейшины черноногих говорили: «Буффало — Орлиный Глаз». Они говорят, что вы знаете привычки индейских духов не хуже индейцев. Поэтому спрашиваю: как думаете, кусок шляпы Джорджа Флетчера будет хорошим подарком дереву? Или это тоже «дурацкие индейские рассказы»?

Старик набрал в грудь воздуху и поднял палец в перчатке, готовя напыщенную саркастическую тираду. Но что-то его остановило. Думаю, он мог вспомнить тогдашнее свое замечание в поезде насчет «индейских рассказов». Позже я узнал, что они с женой тоже потеряли ребенка, шестилетнего сына. Он умер во время эпидемии гриппа. Я узнал, что и Сандауну было об этом известно. Старик опустил руку и обмяк.

— Я думаю, дереву понравится кусок этой шляпы, мистер Джексон. И маленьким косточкам тоже.

— Спасибо, мистер Коди. — Сандаун вынул из-под рубашки брякнувший кошелек и стал развязывать шнурок, — Тогда мне три куса, мистер Келл.

Над стадионом установилось полное безветрие; слова повисли в воздухе как дым. Сделалось так тихо, что слышно было звяканье серебряных долларов, отсчитываемых Сандауном. Однажды зимой я сел на пароход от Астории до Сан-Франциско, чтобы послушать знаменитого оратора Уильяма Дженнингса Брайана ^[55]. В зале было десять тысяч сидячих мест, и еще многим из нас пришлось стоять. Собрались там по случаю публикации фотографий Эдуарда Кёртиса ^[56]. Речь Брайана была озаглавлена «Нарушенные обещания, сломленные народы — трагедия исчезающего американца». Он начал с Покахонтас, спасшей жизнь Джону Смитту ^[57]. Напомнил нам о Скванто ^[58], принесшем кукурузу и бататы пилигримам в наш первый День благодарения.

Рассказал о кавалерийских набегах и бойнях, о договорах и предательствах. Подробно описал болезни и вымирание чероки на Дороге слез ^[59], заставил нас самих почувствовать, как зазубренная лава режет ноги вождя Джозефа и его последователей, отчаянно устремившихся к свободе ^[60]. Оратор-златоуст говорил без бумажки и без перерыва. Не было сердца, которого он не тронул бы, не было глаза, из которого не выдавил бы слезу. У него ушло на это три с половиной часа. Сандаун растрогал втрое больше народу за тридцать секунд — и растрогал сильнее. Когда индеец отсыпал в ладонь пятнадцать серебряных долларов, Прерия Роз сняла с головы отороченную бархатом корону и протянула мистеру Келлу.

И тут началось. Серебряный звон пятнадцати кругляков словно отпер запоры. Люди повскакали с мест. «И мне кусок!» — раздался всеобщий ор, и повалила сюда вся американская пестрядь: сшитые на заказ деловые костюмы и стираные-перестиранные синие рубашки, бесшабашные канотье и суровые котелки катал, стоптанные башмаки и модные лакированные туфли прямо из Парижа, — вставали с хохотом и радостными криками и, грохоча ногами, с деревянных трибун волнами катились вниз по лестницам, бум-бум-бум!., дети, смеясь и выдергивая руки из родительских; расфуфыренные матери, болтая и пытаясь удержать детей, отцы, обмениваясь сигарами и хлопая друг друга по спинам... Синий Воротничок с Супружницей и Пацаненком бок о бок с Деловым Костюмом, Хозяйкой Дома и Прямым Наследником... бум-трам-бум, все вместе в счастливом согласии, потому что только этого они и ждали: вылезти из тесноты трибун, спуститься на широкое поле, почувствовать под ногами землю, пнуть ком, поднять немного пыли перед тем, как попрощаться и пойти домой.

Они опять стали толпой. Почти ордой.

К счастью, когда толпа прихлынула, Надин Роз уже стояла на тележке с седлом и распространялась о том, какое историческое значение скоро приобретет кусок шляпы. Мистер Келл орудовал ножом, а Прерия Роз заведовала кассой. Втроем они смахивали на лихую команду аукционистов. Такие могли бы продать кольца дыма и дырки от бубликов.

Когда Прерия Роз объявила, что четыреста долларов на седло собраны, от шляпы Джорджа еще оставался кусок размером с подкову. Толпа еще кричала и размахивала купюрами — кое-кто крупными. Я увидел Нордструма, машущего целым веером пятидесяток. Но и Келл, и я были непреклонны: четыреста и ни цента больше, сколько бы ни предлагали. Седой скотовод положил остаток шляпы на деревянный борт тележки и стал аккуратно нарезать ломтиками, раздавая их детям. Он все еще резал, когда мы с Сандауном увели Джорджа с арены. Забавно было видеть его непривычно смущенным и безмолвствующим. Этот крутой поворот событий настолько ошеломил его, что он еле-еле нес седло.

Так драма завершилась полусчастливым концом, приправленным печалью и сдобренным иронией. Злодеи потерпели поражение, их последняя низость превратилась в радостное событие благодаря Надин Роуз и ее фокусу со шляпой. Так или иначе, почти все были довольны. Дельцы были довольны тем, что с ситуацией справились так четко и быстро. Работяги — что с человеком, стоящим еще ниже их в обществе, могут обойтись справедливо в этом Северо-Западном Краю Возможностей, Открытых Для Каждого. Расисты убагаботворены тем, что чемпионат

выиграл Белый Парень. Антирасисты обрадованы тем, что помогли переадресовать приз Цветному, который, по их мнению, должен был считаться победителем.

Краснокожие могли гордиться безупречным достоинством своего сородича — в том, как он ехал, как стоял, и особенно в том, как ответил на насмешки пьяного ветерана войн с индейцами. К тому же через четыре года Сандаун безоговорочно выиграл ковбойский чемпионат. Можете проверить.

Да и разногласия газет принесли свою пользу. Споры о том, кто на самом деле был первым и что на самом деле произошло, так всех взбудоражили, что в следующую осень зрителей было еще больше и призовые увеличились.

Но больше всех были вознаграждены и обрадованы неожиданным финалом сами жители Пендлтона. Они давно любили Джорджа Флетчера, гордились старым озорником — если поговорить с ними с глазу на глаз. Теперь у них появилась возможность продемонстрировать свою гордость прилюдно. И это позволило им, жителям отсталого, захудалого, захолустного городка, гордиться собой. Пусть они захолустные, но в эту сентябрьскую субботу они показали себя более современными, чем многие восточные метрополисы. И более цивилизованными.

А я? У меня были четыреста долларов, собранные журналисткой для Благородного Дела, мои призовые на родео и выигрыш на сто долларов, которые я поставил на себя в поезде при ставке тринадцать к одному. Я неожиданно разбогател. Теперь я мог оставить Стоунуолла в конюшнях Меерхоффа и забронировать место в пульмановском вагоне до Портленда.

Я намеревался пристроить Стоунуолла, а потом пойти к Хукнеру — отпраздновать свою удачу, хорошенько угостить присутствующих, как положено разбогатевшему ковбою. Но длинный зал был почти пуст. Ужинавшие уже разошлись, сказала мне миссис Хукнер, а для вечерних, которые придут выпивать, еще рано. Обоих моих друзей она в глаза не видела.

— Сандаун вообще сюда не заходит. Его жена бы этого не потерпела. А что с Джорджем, представить себе не могу. Я передала через Сильвестра Линкхорна, что его ждет ужин с индейкой — за наш счет. Но он не появился. Нашел, видно, кое-что повкуснее Джордж Флетчер, коли бесплатно поужинать не захотел. Но непременно заявится через часок, с вечерними гостями, опять проголодается.

Наверняка не придет, подумал я и вернулся к конюшне ждать. Стоунуолл стоял, прислонясь к стенке, торба с овсом была еще наполовину полна. Он решил вздремнуть, а потом закончить ужин. Я решил к нему

присоединиться — вытянулся на кипах люцерны и закрыл глаза. Когда открыл их, в разгаре было утро.

Начальник станции сказал, что паровоз подадут только в двенадцать. Я заковылял обратно по Мейн-стрит. Широкая улица была пуста; в церкви звонили колокола. У Хукнера было закрыто, но я выцыганил у судомойки с черного хода две индюшачьи гузки. Съесть их можно было у водопадника — ничего лучшего не приходило в голову. Там я мог хотя бы отмочить ногу да поискать на дне несчастную монету. Я обрадовался, услышав паровозный свисток на востоке. Спальное место в пульмане оказалось, впрочем, напрасной тратой денег — слишком мягко и коротко. На люцерне я лучше отдохнул.

В Портленд мы приехали поздно вечером. Носильщик объяснил мне, как добраться до больницы. Сказал, что можно пешком дотопать. Не прошло и десяти минут, как хлынул дождь. Я промок до нитки.

Дежурная в приемной увлеченно читала «Бен-Гура» [\[61\]](#). Она посмотрела на меня поверх очков и сказала, что да, Сара Меерхофф здесь, но часы посещения кончились. Да и все равно наверх бы меня не пустили, сказала она, наморщив нос, в таком непотребном-то виде.

— Снимите номер за два доллара в «Роуз» и приведите себя в божеский вид. Вас как будто морили голодом, топтали и топили!

Дождь припустил еще сильнее, но до гостиницы «Роуз» было всего три квартала. Кровать оказалась не длиннее, чем в пульмане, и я стащил матрас на пол. Заснул так крепко, что чуть не проспал вечерние приемные часы. Дежурная в бифокальных очках осмотрела меня, все так же наморщив нос, но пропустила. Легкомысленная монахиня проводила меня наверх. Она радостно сообщила, что мистер Меерхофф добился самой большой палаты в больнице, щедро пожертвовав на статую, которую делают для их церкви.

— Пьета! [\[62\]](#) В точности такая, как в Ватикане. Только красивее. — Она засмеялась, — Вся покрыта листочками сусального золота пятьдесят восьмой пробы! А римская выглядит так, будто ее вырезали из холодного говяжьего сала, когда смотришь картинки. Мы пришли.

Палата была достаточно просторна, чтобы вместить и жертвователя, и собственную сиделку. Увидев меня, мистер Меерхофф не мог совладать с чувствами: он жал мне руки, обливаясь слезами, пел сонеты благодарности и раскаяния и промочил меня до локтей.

О'Грейди валялась на койке и подпиливала ногти. Она поменяла мандариновый парик и кожаную юбку наездницы на белую шапочку и

халат сестры милосердия. И постарела на двадцать лет.

— Надеюсь, вы подставите ему сухое плечо, Джонни. А то мои он промочил насквозь.

Сара спала за ширмой. Ее остригли наголо, чтобы проверить, нет ли трещины. Голова на белой подушке была похожа на очищенное яблоко. Я сидел, пока меня не увела монахиня.

— Приходите утром, — Она засмеялась, — Утро вечера мудренее.

Я так и не мог понять, чему она смеется.

После этого я просиживал с Сарой два часа утром и два часа вечером. Читал ей, когда не мог уже придумать тему для разговора. Под рукой всегда были аккуратные пачечки церковных брошюр. Когда мы их перечитали, дежурная сестра одолжила мне «Бен-Гура»: она решила, что наезднице в полубессознательном состоянии интересно послушать про аварии колесниц.

За неделю сестра О'Трейдис устала от меня не меньше, чем от мистера Меерхоффа. Чтобы дать отдых и себе, и мне, она устроила мне пригласительный билет на «Феерию "Дикий Запад"» в портлендском Арсенале.

Там был аншлаг, а гвоздем представления — матч-реванш между Грозным Фрэнком Готчем и Пастором Мертвой Хваткой Монтаником. Я простоял час под дождем перед кассой, прежде чем мне выдали билет, и схватил жуткую простуду. Не знаю, как я раньше не сообразил. Мертвая Хватка Монтаник даже не был индейцем. Это был пузатый мексиканец-ми фант; ему сделали боевую раскраску, одели голову в перья. Готч выдавливал из него жир столько раз, что зрители у ринга, опасаясь за свои глаза, убежали в проходы. В конце концов гигант взял противника в «ножницы», и похоже было, что он намерен медленно раздавить беднягу на две части, но, к счастью, его отвлек какой-то шутник из дешевых рядов.

— Берегись, чемпион! — крикнул он оттуда, — Телята бегут!

Готч разжал захват, вскочил и стал озираться; лицо исказилось от разнообразных судорог и тиков. Выражение его — если о нем можно так сказать — представляло собой бурлящее месиво страха и ярости, подозрительности и стыда и, честное слово, предчувствия чего-то нехорошего.

Я больше не видел Сару в полном сознании. Она проваливалась в забытие и просыпалась. Недели через две я поехал на поезде в Сиэтл, где поставил шашито цирк Барнума и Бейли. Там должен был выступить чемпион мира по родео наездник Джордж Флетчер. И опять я свалил дурака. Это был какой-то объездчик в черном гриме, притом

посредственный.

Вернулся я на другой день вечером. Монахиня, смеясь, сообщила мне, что мистер Меерхофф с Сарой и сиделкой уехали утренним поездом на Восток. В Бостон, к знаменитому специалисту по черепно-мозговым травмам. Я сел на ночной экстренный.

Ни в одной бостонской больнице я Меерхоффов не нашел. Я провел там неделю, навел справки, ходил от врача к врачу, пока не протер предпоследнюю пару носков бабушки Рут. Деньги мои быстро убывали. Я трезво поговорил с собой и в третьем классе поехал обратно на запад в Пендлтон, чтобы забрать Стоунуолла и пожитки. Падал снег. Арена напоминала каток. Дом Меерхоффов был заколочен; на дворе — предупреждение: «НЕ ВХОДИТЬ». По словам соседа, сестры вдруг объявили, что переезжают к родственнику в Бруклин, и на другой день уехали. Я потом часто задумывался, не этот ли «Бостон» имела в виду смешливая монахиня.

Конюшнями и магазином занимались братья Бисон и родственник Меерхоффа. Искалеченные братья потеряли работу на ранчо. Они не знали, откуда взялся новый Меерхофф; он плохо говорил по-английски. Джордж? Он поступил на работу в школьный отдел. Тем, что теперь называли бы «комендантом». А тогда именовали «уборщиком».

Сандаун, сообщили мне Бисоны, на свои призовые купил автомобиль, но как им управляют, понять не мог. Поэтому его возит жена, а он сидит сзади. Уехал в Уорм-Спрингс, но со дня на день должен вернуться, если я хочу подождать. И Джордж, скорее всего, зайдет завтра утром — поскольку суббота, и школа не работает. Я сказал близнецам, что отложу встречи до другого времени, может, до будущей осени, и мы выедем на парад тузами.

Я прошел через склад в конюшни посмотреть, как там мой конь и имущество. Стоунуолл выглядел толстым и ленивым и не особенно мне обрадовался.

— Ты зря так беспокоишься, — сказал я ему, — На нынешний год с родео покончено.

Седло лежало там, где я его оставил, под потником. Я открыл переметную сумку — не найдется ли еще пара носков бабушки Рут. Вместо них вылез черный шелк.

Ничего себе, мое «честное индейское». Я засунул пропахшую материю под пальто и пошел на главную улицу. Уже намело сугробы, и холод проникал сквозь подошвы сапог. Я мог бы купить пару носков в «Меркантайле» — не настолько еще обнищал. Но решил, что, если обморожусь, то заслужил это.

Публичный дом был закрыт. Туннели тоже. Я отправился к Хукнеру узнать, куда подевались китайцы, и чуть не споткнулся о Сью Лин. Она стояла на четвереньках под стойкой и оттирала песчаником пятна и задиры на полу. Я вытащил из-за пазухи черный ком.

— Вот твои рабочие штаны, Сью. Извини очень много, что так долго не возвращал...

Она посмотрела на меня снизу. Впервые посмотрела в глаза. Потом медленно поднялась, отряхнула колени. На ее обтрепанном коричневом платье и клетчатой рубашке было прямо написано: «благотворительный сбор», а волосы у нее были коротко острижены, под мальчика. По-прежнему глядя мне в глаза, она покачала головой.

— Нет, Джон Э. Я больше не ношу рабочие штаны. Я теперь американская гражданка. Я работаю у миссис Хукнер.

Ее старательное произношение нервировало меня так же, как взгляд. Я спросил: что с прачечной? С дедушкой?

— Дедушка уехал. Он продал прачечную и уехал. Он поедет в Бэйпин, я думаю.

— И ничего тебе не оставил на жизнь? Старый прохвост! Ну, у меня не много осталось, но...

Она опять покачала головой.

— Нет, миссис Хукнер платит мне шестьдесят центов в день за женскую работу. Говорит, что скоро я повзрослею для ночной работы и она будет платить больше. Она учит меня стать дамой. Я буду хорошо зарабатывать. Теперь извините меня.

Мне отказали, коротко и ясно. Я стоял, комкая шелк, а она взялась за свой песчаник. Я сказал, что зайду попозже, может, угощу ее здешней индейкой на ужин. Она продолжала тереть пол. Ей было некогда.

Я пошел в магазин, купил кусок сыра, полдюжины яблок и съел очень холодный ужин рядом с конем. Потом дрожал всю ночь под мешками, которые удалось собрать. Мог бы снять комнату на ночь, но решил, что заслужил такую ночевку.

Утром мы со Стоунуоллом отбыли первым же товарным поездом, на этот раз — в крытом товарном вагоне. Я сидел, укутавшись, возле двери, смотрел на вихрящийся снег и чувствовал себя довольно паршиво. Можно было подождать несколько часов и сесть на пассажирский. Не было никаких оснований срываться в такой спешке. Просто я не готов был увидеть моих героев в роли уборщиков и пассажиров на заднем сиденье — и вообразить моего ангела-хранителя в роли ночной дамы.

Раз уж речь зашла о ролях, то мою вы могли бы назвать «Жертвой звездной болезни», отмеченной так же скверно, как Месяц Бегущий. Я никогда не был ковбоем, нормальным рабочим пастухом. Даже после моего несчастья, когда приходилось браться за любую работу на ранчо, какую давали. Я считал себя всегда звездой родео — немного незадачливой, но не павшей духом, надеющейся опять взойти. Может быть, мы всегда воспринимаем себя такими, какими были в короткий полдень славы, а не такими, как в долгие сумерки после заката.

Заканчиваются девять десятых века, и из этих почти девяноста было всего два-три коротких счастливых сезона, когда я был звездой родео. Притом не очень яркой. Все же я числю себя среди таких светил, как Джим Шолдерс, Якима Канутт, Марк Тугуд, Мэхони Тиббс. И ты. Да, на тебе тоже тавро, как ни крутись, нравится тебе или не нравится, хоть караул кричи, хоть смейся. Потому что радость не дается даром, мы все это знаем. Каждый должен чем-то заплатить хозяину карусели, и чем больше получил удовольствия от езды, тем больше заплатишь. За последний заезд я заплатил Сарой. А я был платой, которую взяли с Сары за ее последнюю скачку.

Давай предположим чисто теоретически, что однажды утром ты проснулся в постели, осиянный светом, и судьба вдруг одарила тебя славой и богатством. Скажем, ты изобрел вечный двигатель и заработал сто миллионов долларов или даже стал первым цветным президентом и носишь роскошные, сшитые на заказ двубортные пиджаки... но и ты, и я знаем, что под этим роскошным двубортным — четырехконечная звезда. Это тавро владеет нами. И никаким мылом его не отмоешь, оно впеклось в мясо. По этому ярлыку о тебе будут судить на Большом Сгоне. И ты будешь рад, что это так. По какому знаку ты предпочел бы, чтобы тебя судили? По президентской печати или по этой брыкливой звезде?

Слышу, как за окном выезжают из города нагруженные карнавальные грузовики. Гулянка закончилась, пора выкатываться. Надеюсь, и с тобой это скоро произойдет; Номер Девять говорит, что, если долго лежать в больнице, у человека органы костенеют.

— Да, я так говорю.

Но сперва — вот. Я положу ее тебе в руку на счастье. Вот, хорошо! Сожми кулак покрепче. Она немного согнутая, но разве все мы не такие? Похоже, пора прощаться. Номер Девять? Не хочешь пожать ему кулак на прощание?

— Ты укатал этого быка, малыш.

---

notes

Примечания

Джимми-Грек (Джимми Снайдер. Диметриос Синодинос, 1919–1996) и Говард Коселл (Говард Уильям Коэн, 1913–1995) — спортивные комментаторы. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Трейл-босс руководит перегоном скота, он отыскивает наилучшие водопои, пастбища, места для ночлега. В его подчинении бригада ковбоев. Кен Баббс отвечал за инженерную часть в автобусе «Веселых проказников» Кена Кизи.

Огороженные, иногда сужающиеся проходы, по которым животные перегоняются на арену.

Дэвид Станфорд был одним из «Веселых проказников». Впоследствии он редактировал «Немного дхармы» Керуака и «Тюремный дневник» Кизи.

Песня 1965 г. называется «Паровоз, паровоз номер девять» («Engine, Engine № 9»).

Одна из функций клоуна на арене — отвлекать животное, если оно сбросило седока.

Линия Мейсона — Диксона — граница между Севером и Югом США, в прошлом — между свободными и рабовладельческими штатами.

Конь назван в честь выдающегося генерала южан Томаса Джонатана Джексона (1824–1863) по прозвищу Стоунуолл («Каменная стена»)

9

1,6 м с небольшим.

Фронтир — западная граница американской территории, осваиваемая поселенцами. С 1700-го по 1890 г. она постепенно сдвигалась на запад, почти с Атлантического побережья до Тихоокеанского.

Так на Юге США называют сладкий картофель — батат.

Десятицентовые вестерны — приключенческие романы о Диком Западе со стереотипными персонажами и фабулами, популярные во второй половине XIX века.

В 1877 г. племя нез-персэ восстало из-за ограничений на охоту. Вождь Джозеф повел часть племени с тихоокеанского северо-запада через Айдахо, Вайоминг и Монтану в Канаду. На протяжении 300-километрового пути индейцы не раз наносили поражение превосходящим силам правительства, но на границе вынуждены были сдаться, оговорив условия мира.

«Светло-желтый» — оскорбительное название светлокожего человека с негритянской кровью. Здесь — креолка.

Уильям Коди (Буффало Билл, 1846–1917) — армейский разведчик, охотник, поставщик бизоньего мяса строителям железных дорог (отсюда прозвище Буффало, т. е. Бизон. Впоследствии хозяин разъездного шоу со стрелками и наездниками «Дикий Запад».

Якима — конфедерация индейских племен, населявших юг современного штата Вашингтон. Город Якима находится на юге штата.

7 и 11 — сразу выигрывают. 2, 3, 12 — сразу проигрывают.

Две единицы.

Он, видимо, путает с Сусанной из апокрифа, за которой подглядывали старцы.

Чапы (chaps) — кожаная верхняя одежда, надеваемая поверх брюк, чтобы защитить ноги всадника в случае падения, или если лошадь притиснет его к ограде, или при езде среди кактусов и зарослей чаппарала, а также для тепла и защиты от дождя. Чаще они имеют форму крыльев, но иногда охватывают ногу кругом.

Индейская борьба — армрестлинг или то же самое стоя, с задачей сдвинуть противника.

Ловля бычка (роупинг) — один из пяти стандартных видов состязания. Ковбой скачет за теленком, набрасывает лассо, подъезжает и стреноживает теленка с максимальной быстротой. Этот вид родился из обычной рабочей процедуры клеймения скота. Человек, который этим занимается, называется «роупер», от слова *rope* — «веревка», как попросту называют лассо.

Понимаешь, друг (*исп.*).

Гора в Орегоне, богатейший выход вулканического стекла.

Шекспир. «Макбет», акт I. сц. 5: «...нрав твой / чрезмерно полон
благостного млека» (пер. М. Лозинского).

В 1964 г. Кассиус Клей победил чемпиона мира в тяжелом весе Сонни Листона, обладателя самого большого кулака и одного из самых сильных панчеров в истории бокса. В 1965 г. Клей, принявший имя Мухаммед Али, нокаутировал Листона в первом раунде.

«Мировая серия» — финал бейсбольного чемпионата.

Улица в Мемфисе, Теннесси.

Анахронизм: такие инструменты появились в конце 1920-х гг.

Заглавие известной песни «When It's Sleepy Time Down South».

В картофельной гонке участник должен переместить картофелины (по одной) с места на место. Бульдоггинг (стир-реслинг): ковбой соскакивает со своей лошади на бычка и, схватив его за рога, должен повалить.

Стир-триппинг (стир-роупинг): ковбой набрасывает лассо на рога бычка, заводит веревку за его бедра и, повернув лошадь, заваливает бычка, после чего стреноживает.

Индейская игра в палочки: две команды; у игрока одной в руках две палочки — одна с цветным пояском. Он перекладывает их из руки в руки, и команда противников должна угадать, в какой руке отмеченная палочка. Игроки первой команды всячески их отвлекают, поддразнивая и шумя.

Черноногие — племя алгонкинской группы. Покателло — городок в Айдахо, символ глубинки.

В 722 г. до н. э. Израильское царство было захвачено ассирийцами, и его население, десять племен, угнано в плен. На этом следы их в истории теряются. Разные авторы отождествляли эти племена с народами Аравии, Афганистана, Индии, Британии, с индейцами Северной Америки и т. д.

Аппалуса — порода резвых скаковых лошадей леопардовой масти, выведенная индейцами нез-персэ.

Три бочки расставлены треугольником, и наездник должен последовательно объехать каждую кругом, так что его траектория напоминает трилистник клевера.

В бульдоггинге ковбой скачет слева от бычка, справа скачет помощник.

Джон Салливан (1740–1795) — генерал, участник Войны за независимость. Дэниел Бун (1734–1820) — первопроходец, участник освоения Дикого Запада. Джим Бриджер (1804–1881) — первопроходец, участник освоения Дальнего Запада. Джонни Эпплсид — герой американского фольклора, посадивший множество яблоневых садов по всему Среднему Западу.

Спейн начал тост за генерала Роберта Эдварда Ли (1807–1870), командующего Виргинской армией южан, а под конец Гражданской войны — главнокомандующего. Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) участвовал в Гражданской войне на стороне северян, затем воевал с индейцами; в 1876 г. при реке Литгл-Бигхорн его отряд был почти полностью уничтожен индейцами сиу, а сам он убит.

Теннесси получил это прозвище за то, что дал много добровольцев в войне с Мексикой (1846–1848).

Минт-джулеп — напиток из виски, или бренди, или рома с водой, сахаром, дробленным льдом и мятой.

Микстура, содержащая морфий, хлороформ, мятное масло и проч.

Сидящий Бык (1831–1890) — вождь племени хункпапа, народа сиу. Возглавил последнее восстание индейцев против правительства США. Под его командованием был уничтожен отряд Кастера. После поражения сиу жил в резервации, выступал в шоу «Дикий Запад». Убит полицейским во время избиения индейцев у ручья Вундед-Ни.

Каджуны — потомки французских колонистов из Канады, населяющие юго-запад Луизианы. Они говорят на каджуне — диалекте французского языка.

Маленький пистолет в рукаве иногда держали профессиональные картежники и шулеры.

Один из видов состязания на родео: ковбои пешие; один обычно держит корову на веревке, другой за шею, третий доит и бежит показывать молоко судьям.

Подборщик едет рядом с соревнующимся, и тот, если усидел положенные секунды, пересаживается на лошадь подборщика позади него. Если же упал, подборщик оттесняет или отвлекает мустанга, чтобы наездник благополучно убежал с арены.

Шекспир. «Цимбелин», акт IV, сц. 2.

Мускулистые лошади, хорошо бегающие четверть мили.

Бесколесная повозка из двух жердей, соединенных перекладинами. Верхние концы соединены и закреплены на лошади или собаке, нижние волочатся по земле.

Джон Мьюр (1838–1914) — натуралист, писатель, один из первых защитников леса. Благодаря его активности были организованы заповедники. Такие, как Йосемитский национальный парк, национальный парк «Секвойя» и др.

Сейчас стандартное время — 8 секунд.

Имеется в виду стихотворение Оливера Уэнделла Холмса (1809–1894). Холмс, знаменитый гарвардский профессор анатомии и физиологии, унитариец, написал это стихотворение в насмешку над логикой ортодоксального кальвинизма. Дьякон решил построить фазтон без слабых деталей, чтобы он никогда не ломался. Он действительно не требовал ремонта, но рассыпался под пастором через сто лет.

Уильям Дж. Брайан (1860–1925) — государственный деятель. В 1896–1912 гг. лидер Демократической партии. В 1913–1915 гг. — государственный секретарь.

Эдуард Ш. Кёртис (1868–1952) сделал в 1895 г. первый фотопортрет коренного американца (вернее, американки). В дальнейшем сделал 40 000 фотографий индейцев и записей индейской музыки и речи. Он записывал фольклор, историю, бытовые обычаи, развлечения и обряды разных племен.

Покахонтас (1595–1617) — дочь вождя Поухатана. Спасла от казни захваченного в плен видного колониста, капитана Дж. Смита. Впоследствии вышла замуж за колониста Дж. Рольфа и помогла предотвратить конфликт индейцев с колонистами. Поехала в Англию, была представлена королю и в Англии умерла от оспы.

Скванто (1580–1622) — индеец племени потаксет. Был дважды захвачен в плен, вывезен в Англию. В 1619 г. вернулся в Америку и поселился в Плимутской колонии на месте прежней своей деревни (большинство прибрежных племен в Новой Англии сильно пострадало от эпидемии, вероятно оспы). Показал колонистам лучшие места рыбной ловли, научил пользоваться рыбой как удобрением при выращивании кукурузы. Пытался наладить отношения между колонистами и индейцами массасуа. Возможно, был отравлен — ему не доверяли ни те ни другие.

Дорога слез — насильственное переселение (начиная с 1830 г.) индейцев чокто, семинолов, крик, чикасо и чероки с юга в Оклахому, предложенное еще президентом Томасом Джефферсоном. Из 15 тыс. чокто умерло 3–6 тыс. человек. Чероки потеряли 4 тыс. человек.

См. с. 33.

Роман Лью Уоллеса о временах Христа. С первой публикации (1880) до появления «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл (1936) был самой раскупаемой книгой в США.

Традиционный сюжет в изобразительном искусстве Возрождения — Богоматерь, оплакивающая Иисуса, который обычно лежит у Нее на коленях. Здесь — статуя Микеланджело.